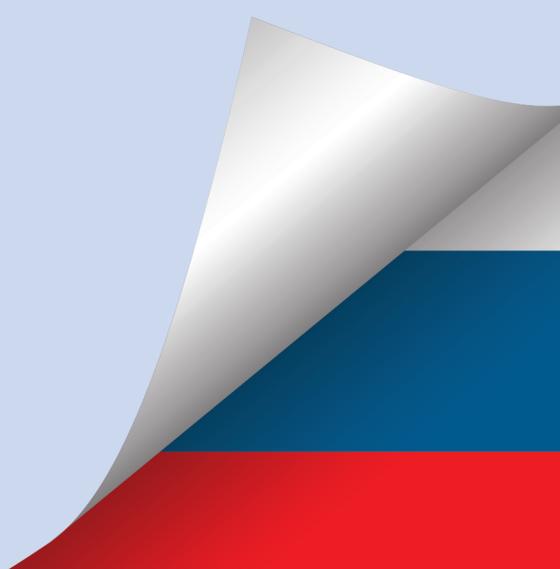

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

№ 1 (51) · 2021

ISSN 2219-6242

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

№ 1 (51) · 2021
ISSN 2219-6242

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО № 1 (51) • 2021

Главный редактор

СМЕШКО О. Г. — ректор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор экономических наук, доцент

Заместитель главного редактора

КОСТИН Г. А. — проректор по научной работе, доктор технических наук, доцент

Редакционный отдел

РЫБКИНА М. В. — доктор юридических наук, профессор
ПОКРОВСКАЯ Н. Н. — доктор социологических наук, профессор

Редакционный совет

АГАЕВ Г. А. о. — профессор кафедры уголовного права и таможенных расследований Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор

БЕРГМАНН В. — вице-президент Европейской академии наук и искусств, член правления форума «Петербургский диалог», доктор юридических наук, профессор

БОЕР В. М. — декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ

БРАЗЕВИЧ С. С. — профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

БУГЕЛЬ Н. В. — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Е. В. — директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

ЕЛИСЕЕВА И. И. — руководитель сектора Социологического института РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН

ЖИЛЬСКИЙ Н. Н. — заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

КОСАРЕВ С. Ю. — заведующий кафедрой криминалистики Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук, профессор

КОСТИН Р. А. — заместитель директора по учебной работе Санкт-Петербургского техникума отраслевых технологий, финансов и права, доктор социологических наук, профессор

МАЛЬКО А. В. — директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

МАРГУЛЯН Я. А. — профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

МАРКОВ А. А. — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор социологических наук, профессор

МИШАЛЬЧЕНКО Ю. В. — профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, профессор

ОГАНЕСЯН С. М. — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

СИЛИНА Е. В. — профессор кафедры гражданского и международного частного права Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор юридических наук, доцент

ЦЫПЛЯЕВ С. А. — полномочный представитель Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат физико-математических наук

Адрес редакции:
190103, Санкт-Петербург,
Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

© Коллектив авторов, 2021
© Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2021

SOCIOLOGY AND LAW № 1 (51) • 2021

Chief Editor

SMESHKO O. G. — Doctor of Economics, Associate Professor

Deputy Editor

KOSTIN G. A. — Vice Rector for Scientific Affairs, Associate Professor, Correspondent Member of the International Higher Education Academy of Sciences and Russian Academy of Military Sciences

The Editorial Department

RYBKINA M. V. — Doctor of Law, Professor
POKROVSKAYA N. N. — Doctor of Social Sciences, Professor

The Editorial Team

AGAEV G. A. o. — Professor of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor

BERGMANN B. — Vice-President of the European Academy of Sciences and Arts Letters, Member of the Board of the Forum “Petersburg dialogue”, Doctor of Law, Professor

BOER V. M. — Dean of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation

BRAZEVICH S. S. — Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

BUGEL' N. V. — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Professor

VOSKRESENSKAYA E. V. — Director of the Institute of Law of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

ELISEEVA I. I. — Head of Department of Sociology Institute of RAS, Doctor of Economics, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

ZHIL'SKIY N. N. — Head of Department of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KOSAREV S. Yu. — Head of Department of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor

KOSTIN R. A. — Deputy Director for Academic Affairs of the St. Petersburg Technical School of Industry Technologies, Finance and Law, Doctor of Social Sciences, Professor

MAL'KO A. V. — Director of the Institute of State and Law of RAS, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation

MARGULYAN Ya. A. — Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

MARKOV A. A. — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

MISHAL'CHENKO Yu. V. — Professor of St. Petersburg State Marine Technical University, Doctor of Law, Professor

OGANESYAN S. M. — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

SILINA E. V. — Professor of Pushkin Leningrad State University, Doctor of Law, Associate Professor

TSYPLYAEV S. A. — Authorized Representative of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Ph. D. in Physical and Mathematical Science

Editorial Office:
44/a Lermontovskiy Ave,
St. Petersburg, 190103, Russia
Phone Number: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

© Team of Authors, 2021
© Saint Petersburg University
of Management Technologies
and Economics, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Бойко С. В., Покровская Н. Н., Слободской А. Л., Спивак В. А.</i> Социально-экономические вопросы мотивации сотрудников в условиях удаленной и распределенной работы	6
<i>Оганян К. М., Оганян К. К.</i> О проблеме формирования мотивации успеха: социологический и психологический подходы	18
<i>Торгунаков Е. А., Торгунакова Е. В.</i> Проблемы взаимодействия средств массовой коммуникации и общества	26
<i>Снисаренко С. О., Айрапетян Э. М., Хашковский А. В.</i> Специфика цифровых социальных коммуникаций мигрантов и диаспоры (на примере глобального армянского сообщества)	33
<i>Чепиков Е. М., Трушина Т. Л., Овчинников В. П.</i> Сравнительный анализ двигательной активности студентов нефизкультурного вуза в период традиционного и дистанционного обучения	47
<i>Аносов Б. А.</i> Особенности этногенеза уйгурского национального меньшинства на территории современной КНР	53

Право в жизни государства и личности

<i>Бородин В. В., Фурман Ф. П.</i> Административно-правовое воздействие на лиц, подозреваемых в экстремизме	63
<i>Шабалина Е. И., Фролова Н. Ю.</i> Рабочий контроль: ленинская модель	76
<i>Антонов А. Г., Вахмистрова С. И., Зорина Е. А.</i> К вопросу о возрасте потерпевшей (потерпевшего) в связи с освобождением виновного (виновной) от наказания в соответствии с примечанием 1 к статье 134 УК РФ	81
<i>Голубенко К. А., Воскресенская Е. В.</i> Возможности и пределы реализации сторонами арбитражного соглашения и принципа автономии воли: современные тенденции	88
<i>Курмашев С. М., Черных А. Б.</i> Вопросы защиты трудовых прав граждан, получающих второе высшее образование и совмещающих работу с обучением	94
<i>Борзунова Н. Ю., Максимова К. Л., Маторина О. С.</i> Особенности доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних	104
<i>Кравченко Я. А.</i> Нарушения строительного законодательства: проблемы привлечения к ответственности	112
<i>Малюшев А. В., Синельникова В. Г.</i> Криптовалюта как новое явление: уголовно-правовой аспект	119

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Boyko S. V., Pokrovskaya N. N., Slobodskoy A. L., Spivak V. A.</i> Socio-Economic Questions of Motivating Collaborators in the Context of Remote Work	6
<i>Oganyan K. M., Oganyan K. K.</i> On the Problem of Formation of Motivation for Success: Sociological and Psychological Approaches	18
<i>Torgunakov E. A., Torgunakova E. V.</i> Problems of Mass Media and Society Interactions	26
<i>Snisarenko S. O., Hayrapetyan E. M., Khashkovsky A. V.</i> Digital Social Communications of Migrants and Diaspora on the Example of the Global Armenian Community	33
<i>Chepakov E. M., Trushina T. L., Ovchinnikov V. P.</i> Comparative Analysis of Motor Activity of Non-Physical High School Students During the Period of Regular and Distance Learning	47
<i>Anosov B. A.</i> Features of the Ethnogenesis of the Uyghur National Minority on the Territory of the Modern PRC	53

The Law in a State and Person Life

<i>Borodin V. V., Furman F. P.</i> Administrative and Legal Impact on Persons Suspected of Extremism	63
<i>Shabalina E. I., Frolova N. Yu.</i> Workers' Control: the Leninist Model	76
<i>Antonov A. G., Vakhmistrova S. I., Zorina E. A.</i> On the Question of the Age of the Victim in Connection with the Release of the Guilty from Punishment in Accordance with Note 1 to Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation	81
<i>Golubenko K. A., Voskresenskaya E. V.</i> Possibilities and Limits of Implementation by the Parties of the Arbitration Agreement and the Principle of Autonomy of Will: Current Trends	88
<i>Kurmashev S. M., Chernykh A. B.</i> Protection Issues of Labor Rights of Citizens Obtaining a Second Higher Education and Combining Work and Training	94
<i>Borzunova N. Yu., Maksimova K. L., Matorina O. S.</i> Features of Proof in Criminal Cases Against Minors	104
<i>Kravchenko Ya. A.</i> Violations of Building Laws: Problems of Prosecution	112
<i>Malyushev A. V., Sinelnikova V. G.</i> Cryptocurrency as a New Phenomenon: Criminal Law Aspect	119

Бойко С. В., Покровская Н. Н., Слободской А. Л., Спивак В. А.

Социально-экономические вопросы мотивации сотрудников в условиях удаленной и распределенной работы

Boiko S. V., Pokrovskaya N. N., Slobodskoy A. L., Spivak V. A. Socio-Economic Questions of Motivating Collaborators in the Context of Remote Work

Мотивация и вовлеченность индивидуальных и коллективных субъектов социально-трудовых отношений в работу в традиционном формате построения рабочих процессов опирается на сильные и многообразные межличностные связи, подкрепленные постоянным повторяющимся взаимодействием. Удаленная работа (работа вне офиса) приводит к необходимости переосмыслить воздействие руководителя на работника с позиций мотивации и контроля. Распределенная работа предполагает новый подход к построению взаимодействий между сотрудниками в коллективе, переосмысление

Motivation and involvement of individual and collective subjects of social and labor relations in work in the traditional format of building work processes is based on strong and diverse interpersonal ties, supported by constant repetitive interaction. Remote work (work outside the office) leads to the need to rethink the impact of the manager on the employee from the standpoint of motivation and control. Distributed work involves a new approach to building interactions between employees in a team, rethinking and reconfiguring group relationships in a team. In the context of social isolation measures

Бойко Станислав Владимирович — главный редактор научного журнала «Научная мысль» Военного ордена Жукова университета радиоэлектроники Министерства обороны РФ, г. Череповец, кандидат философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Покровская Надежда Николаевна — профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Института философии человека Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена; профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; профессор кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), доктор социологических наук, профессор.

Слободской Александр Львович — профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор.

Спивак Владимир Александрович — профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор.

© Бойко С. В., Покровская Н. Н., Слободской А. Л., Спивак В. А., 2021

и перенастройку групповых отношений в команде. В условиях мер социальной изоляции, вызванных пандемией коронавируса COVID-19, практически все предприятия (за исключением узкого перечня стратегически значимых производств) столкнулись с необходимостью изменить подход к организации рабочих процессов в целом, а руководители обнаружили новые проблемные зоны в области мотивации. При внезапном локдауне в первую очередь решали социально-психологические проблемы поддержания включенности сотрудников в рабочие процессы. Вместе с тем проблемы социально-экономического характера отошли на второстепенные позиции, поскольку физическое и психическое здоровье признано абсолютным приоритетом. Статья посвящена анализу основных подходов к разрешению проблемных зон в области социально-экономических вопросов мотивации сотрудников предприятий и организаций в неожиданном для них формате удаленной распределенной работы.

Ключевые слова: человеческий капитал, мотивация, цифровизация, информационное общество, рынок труда, социально-экономические исследования.

caused by the pandemic, almost all enterprises (with the exception of a rather narrow list of strategically important industries) faced the need to change the approach to organizing work processes in general, and managers discovered new problem areas in the field of motivation. In the event of a sudden lockdown, the first to solve the social and psychological problems of maintaining the involvement of employees in work processes, at the same time, problems of a socio-economic nature receded into secondary positions, since physical and mental health was recognized as an absolute priority. The article is devoted to the analysis of the main approaches to resolving problem areas in the field of socio-economic approaches to motivating employees of enterprises and organizations in a format of remote distributed work that is unexpected for companies and employees.

Keywords: human capital, motivation, digitalization, information society, labor market, socio-economic research.

Вызванные пандемией коронавируса COVID-19 угрозы и принятые государственными органами карантинные меры привели к быстрому распространению формата удаленной работы [1]. Вопросы организации работы в удаленном режиме сосредоточены на ряде особенностей:

- техническая инфраструктура и телекоммуникации позволяют организовать удаленную работу в удобном пространстве, к которому относится дом, коворкинг, офис, включая транспорт и локальные или глобальные перемещения, позволяющие сделать работу (“to get the work done” [2]);
- организация контроля производительности труда опирается на наблюдаемые и измеримые результаты работы сотрудников, которые могут регистрироваться с помощью цифровых инструментов [3];
- социально-психологические особенности удаленной работы связаны с построением аттитюдов, социальных установок включения и вовлеченности в процесс, не требующий личного присутствия и допускающий анонимность;
- опосредованные сетями и цифровыми инструментами взаимодействия требуют формулировки управленческих подходов для новой повседневности; традиционно социологический анализ деятельности трудовых коллективов предполагал, что малые группы и тесные доверительные отношения между членами команд опираются на поддержание и постоянное возобновление межличностных отношений на основе прямых физических контактов [4].

Удаленная работа включает в себя множество других специфических аспектов. В 2020 г. опубликовано немало научных и научно-популярных материалов с пер-

выми результатами исследований [5; 6] и рекомендациями по организации вовлечения сотрудников в рабочие процессы в удаленном режиме [7; 8; 9]. В обычной ситуации, до пандемии, удаленная работа позволяла существенно сэкономить инвестиции компаний в человеческие ресурсы (в Германии в 2009 г. более 20 % предприятий использовали данный формат работы, в частности, несколько дней в неделю [10], а в 2018 г. — более 70 % в мире минимум один день в неделю и 53 % несколько дней в неделю [11]), что вызывало встревоженность вопросами прекаризации труда [12; 13].

В условиях социальной изоляции на удаленный режим в ряде отраслей оказались переведены в ряде отраслей до 70–80 % сотрудников. Стал очевидным тот факт, что массовое применение удаленного режима организации труда требует нового подхода к инвестированию в развитие интеллектуального потенциала и физического капитала — здоровья. Следует отметить, что такое инвестирование составляет часть мер мотивации персонала, поскольку образование и здоровье интересуют прежде всего самих работников.

В условиях удаленной работы повышается нагрузка на здоровье (глаза, позвоночник, опорно-двигательный аппарат в условиях сниженной физической активности и др.). При этом потребовались быстрое освоение новых умений и обучение новым технологиям. Компетенции работы с цифровым инструментарием нужны были срочно, и в результате на работников одновременно был возложен двойной дополнительный груз использования интеллектуального и физического капитала. Задача по освоению новых знаний, усилению затрат здоровья стала сочетаться со скоростью возникновения новых условий и проблемами технического оснащения. Проблемы времени и инфраструктуры составляют дополнительные измерения, учитывая массовый характер перехода на удаленный режим.

Итак, с точки зрения увеличения нагрузки на сотрудников можно выделить ряд аспектов удаленной работы, представленных в таблице 1.

Перечисленные проблемные точки определяют требования к мотивации сотрудников, предъявляемые в специфических условиях удаленной работы. За 2020 год накоплен существенный опыт решения срочных проблем перехода на удаленный режим работы. Консультантами и HR-специалистам сформулирован набор правил взаимодействия с сотрудниками. Вместе с тем вопросы экономики и построения новой системы социально-экономических переменных рассмотрены не в полной мере.

Концептуальное осмысление, точнее, переосмысление наемного труда в условиях удаленной распределенной работы составляет предмет изучения. Основой материалов статьи стали вторичные результаты и собственные эмпирические данные, полученные в ходе двух фокус-групп: рядовых работников и работодателей (включая линейных руководителей, высшее руководство и владельцев бизнеса).

С экономической точки зрения работник соглашается включаться в организационные бизнес-процессы на основе сопоставления совокупности мотивов к трудовой деятельности с оценкой кратко- и долгосрочных выгод (доходов, социальных благ, экономии транзакционных издержек и расходов на размышление (*deliberation costs*), накопления знаний для будущих работ). С социально-экономических позиций к мотивации работника относится и оценка позиции в организационной иерархии, подтверждаемая ежеминутно различными проявлениями принадлежности к группе и уважения, признания в ходе множества межличностных контактов.

Переход на удаленную работу ярко проявил потребность в компетенции выбора поведенческой модели в условиях индивидуальной игры (*play*) и коллектив-

Таблица 1

Многомерная проблематика удаленной работы с точки зрения работников

Фактор	Измерение	Проблемные зоны
Срочность	Время	Неожиданность первых недель карантинных мер вызвали проблему прогнозирования (сохранения рабочего места, получения дохода для выживания семьи, др.), шок переноса ответственности за организацию времени и пространства, самоменеджмент деятельности. Попытки административного контроля со стороны работодателя вызвали сопротивление, а также разочарование в руководстве, свидетельствуя о непонимании им смысла происходящих процессов. Несколько первых недель выступили адаптационным периодом для бизнеса и реорганизации рабочих процессов
Техническая инфраструктура	Обустройство пространства	Неподготовленность домашних помещений и корпоративных систем, недостаточная интеграция личных и корпоративной систем, оснащенности системами защищенной, надежной и безопасной передачи данных
Физический капитал	Здоровье	Нагрузка на глаза, опорно-двигательный аппарат, сокращение активности и доступа к свежему воздуху, психическое состояние эксклюзии из-за ограничения контактов и запрета выходить из дома (аналогично инвалидизации [14])
Образование, мотивация	Ресурс принятия решений	Навыки владения цифровыми технологиями и программным обеспечением, готовность к самоорганизации и ответственности в принятии самостоятельных решений. Тревожность, отсутствие профессиональной и дружеской поддержки коллег

Источник: составлено авторами.

ного взаимодействия (*game*) [14, с. 579]. При этом для сотрудника такая компетентность важна в целях сохранения комфорта и эффективности его работы, а для руководителей и работодателей компетенции организации коллективных взаимоотношений определяют результативность рабочих процессов и выживание бизнеса.

Мотивация как предмет управленческого интереса изучается с XIX в., когда Ф. У. Тейлор проводил исследования и публиковал первые статьи о возможных способах повышения производительности труда, делая вывод о необходимости опираться на анализ возможностей человека [15; 16; 17] и его заинтересованности в результате труда [18]. Можно привести рекомендации по управлению Ксенофонта [19, с. 263–269, 298] и изречения Цицерона [20]. Но лишь к XX в. вопросы анализа мотивации и ее использования в целях повышения эффективности бизнеса изучены подробно, от бихевиористских экспериментов [21; 22; 23] до гуманистической психологии [24; 25; 26; 27] и экспериментальной экономики [28; 29].

Мотив определяют как «опредмеченную потребность» [30] (для целей изучения трудовой мотивации следует уточнить ориентацию восприятия на будущее), как восприятие предмета в качестве способа удовлетворения потребности. Сопо-

ставление имеющейся и желаемой ситуации порождает активность, запускает выработку психических ресурсов, энергии при совершении выбора поведенческой модели [31], которые требуются для получения целевого результата с учетом контекста и специфики среды.

Так, мотивация может быть определена как «выбор объекта или обстоятельства внешнего мира, который воспринимается как способный устранить дисбаланс, позволяя перейти от целеполагания к запуску достижения цели» [32]. Деятельностная, трудовая мотивация связана с вовлечением в процессы и потоки труда, что исследовано М. Чиксентмихайи [33; 34]. Г. П. Бессокирная считает, что «мотивы труда представляют собой ценностные представления обыденного сознания и являются социальными фактами, обусловленными в конечном счете социально-экономическими условиями трудовой деятельности» [35, с. 94]. С повышением уровня жизни и расширением экономики знаний приоритеты мотивации постепенно переходят от материальных мотивов к нематериальным, что особенно характерно для высококвалифицированных специалистов. Но пандемия вернула внимание к вопросам выживания и обеспечения базовых потребностей [36; 37].

В условиях удаленной работы возникла организационная проблематика, связанная с институционализацией такого режима работы, как системы. В частности, до 2020 г. отмечалось, что более двух третей населения земного шара уже были знакомы с удаленной работой, по меньшей мере один день в неделю, но лишь 13 % работали в данном формате постоянно [38].

Форматирование удаленной работы для значительных масс населения на период социальной изоляции опиралось на имеющиеся разработки в области распределенной и удаленной работы. В условиях Информации 4.0 [39] ключевой спецификой этого понятия является контекстуальность. Именно контекст работы — ключевое преимущество режима работы с физическим присутствием и одновременно выступает в качестве ключевой проблемы «удаленки» [40; 41]. Хотя содержание рабочих функций может эффективно выполняться «у себя дома с ковром и котом» [42], контекст работы, включая содержательные ориентиры и коллективную мудрость [43; 44], лучше осваивается при физическом присутствии в команде. Чем выше уровень квалификации и компетентности сотрудников, тем быстрее и легче они осваивают контекст, тем более они сосредоточены на содержании своих профессиональных функций [45]. Это позволяет говорить о более дешевом и выгодном переходе на удаленную работу более высококвалифицированных специалистов, нежели низкоквалифицированных.

Важнейшим фактором при передаче знаний в команде служит доверие, основанное на рациональном опыте и эмоциональных связях, в рамках которых проявляется взаимная забота об успехе других членов команды. В итоге можно говорить как о динамике, т. е. собственной внутренней мотивации людей, работающих в удаленном режиме, так и о взаимоотношениях, которые составляют часть внешней мотивации [46; 47]. Для предварительной оценки влияния различных факторов проведено эмпирическое исследование.

В фокус-группе работников приняли участие девять человек, представители частных компаний (четыре человека) и государственных предприятий (пять человек). Три человека работают в сфере производства (из них двое — рабочие, один — инженер отдела кадров), семь — в организациях сферы услуг (двое — в сфере образования, один — в банке, один — в косметологии, один — в IT-секторе, один — в торговле, один — в библиотеке).

В фокус-группе работодателей приняли участие восемь человек. Четверо из них трудятся в частном бизнесе (один — собственник бизнеса, один — франчайзи,

один — линейный руководитель, один — руководитель отдела) и еще четверо — в государственных учреждениях (один — заместитель декана вуза, один — руководитель проекта в государственном строительном тресте, один — администратор поликлиники, один — начальник отдела ОАО «РЖД»).

Результаты применения качественной методологии исследования нацелены на выявление ключевых факторов, определяющих продуктивность компенсационного менеджмента, в том числе вопросы мотивации как фактора и как предмета управленческого воздействия. Они и не позволяют делать вывод о мере связей. Тем не менее дают возможность сформировать основные эмпирические индикаторы, которые могут быть в дальнейшем проверены с помощью количественной методологии.

В ходе эмпирического исследования проверены следующие гипотезы, построенные на основе анализа опубликованных статей и монографий об анализе рынка труда и корпоративного управления в период пандемии коронавируса COVID-19:

- 1) готовность работников перенести рабочие процессы в домашнюю обстановку связана с взвешиванием соображений выгод (экономия расходов денег и времени на транспорт, офисный внешний вид) и роста финансовых затрат (на приобретение техники, проведение широкополосного интернета, повышение расходов на ресурсы, электроэнергию, воду, питание дома);
- 2) попытка работодателя вторгнуться в личный, домашний мир сотрудника воспринимается неоднозначно: с одной стороны, расчет экономических выгод может говорить в пользу удаленной работы, с другой — удаленный режим воспринимается как захват территории (утрата личного пространства, вторжение в жизненный мир семьи в целом и членов семьи в частности, др.) и как попытка перенести значительную часть организационно-управленческих, административных задач и ответственности на сотрудника;
- 3) повышение самостоятельности и предпринимательских компетенций сотрудников приводит к новой балансировке рынка труда с учетом снижения значимости социального пакета и институциональных (организационных) выигрышей работника, повышения веса индивидуальных мотивов (включая личностный рост, личные доходы).

По итогам исследования гипотеза 1 частично опровергнута, поскольку, как показали обе фокус-группы, и работники, и руководители (работодатели) сталкиваются с сопротивлением при попытке занять личное пространство рабочими процессами, которое оказывается более важным, чем простой расчет экономического выигрыша. Границы социальных миров семьи и трудового коллектива не пересекаются, и попытка их нарушения воспринимается как более значимая, чем финансовая выгода.

Гипотеза 2 в основном подтверждена. Исключение составили замечания о более близком знакомстве тесно сотрудничающих индивидов с жизненным миром друг друга, например, появление домашних животных в кадре видеоконференций. Хотя несколько работников упомянули, что им «все равно» и они «хорошо адаптировались к удаленной работе». Более подробное описание способа адаптации показало, в частности, что они отключают видео при проведении совещаний, нередко отключают микрофон, ограничивают время работы в режиме онлайн-общения графиком своей обычной работы (т. е. онлайн-общение, ранее распространявшееся на нерабочее время, было резко сокращено, у ряда работников до нуля, общение по работе жестко сведено к расписанию трудовых часов или по меньшей мере рабочих дней).

Гипотеза 3 не получила ни четкого опровержения, ни подтверждения. С одной стороны, работники утверждали, что они очень рады возможности

самостоятельно определять свою занятость. Одновременно они внезапно высоко оценили организаторские функции, выполняемые руководством или иными подразделениями, по установлению границ рабочего пространства и времени. Это подтверждает более четкое осознание работниками функций, выполняемых административными подразделениями, более явное принятие разграничения ответственности административно-управленческого персонала и специалистов. С другой стороны, эмоциональные реакции раздражения, негодования, протеста и гнева против попыток контроля, навязываемых административными подразделениями, связаны с восприятием требований отчетности как излишнего увеличения возросших нагрузок, в сочетании с несправедливостью распределения таких нагрузок: удаленная работа потребовала быстрого освоения новых технологий и навыков, в то время как излишняя отчетность противоречит повышению ответственности.

Однако ряд сотрудников (по ответам работодателей) восприняли рост отчетности с радостью, поскольку выполнение отчетных индикаторов, заполнение отчетных форм сократило собственно трудовые усилия (например, в образовании и медицине заполнение документов замещает собственно преподавание, диагностику и выбор лечения соответственно), формализация сократила затраты собственно содержательного труда. Тем самым формализация, установление четких параметров и КРІ (ключевые показатели эффективности) в отношении заданий предоставили возможность сократить все неформальные аспекты работы для ряда работников, осознавших свое положение наемных работников как исполнителей. Вместе с тем часть работников обнаружила, что повышение ответственности и самостоятельности позволяет повысить свой доход и свободу выбора более интересных сфер приложения сил. В частности, в фокус-группе работодателей четко прозвучало беспокойство, что лучшие работники, уходя на «удаленку», могут уйти на положение фриланса, что потребует более существенных затрат на оплату труда, поскольку такие работники начинают более грамотно и жестко вести переговоры о величине заработной платы или гонорара.

В фокус-группе работников мнения разделились. При этом одни и те же работники высказывали обе точки зрения: с одной стороны, позиция наемного работника определяется гарантированным доходом, сохранением рабочего места при ограниченной ответственности («этот уровень вопросов не на мою зарплату»), и пандемия вызвала наибольшее беспокойство в связи со страхом потерять работу; с другой стороны, часть работников высказались о неожиданном расширении кругозора, вынужденном поиске новых точек приложения своего человеческого ресурса и об обнаруженных новых возможностях. Один из работников сообщил, что ввиду резкого сокращения дохода на основной работе он нашел новую, более интересную отрасль деятельности, к которой никогда не обратился бы без давления пандемии.

При более подробном рассмотрении изложенных замечаний, позволяющих проверить указанные гипотезы, можно вывести следующие группы замечаний респондентов. Для оценки их значимости можно оценить число упоминаний, как видно из таблицы 2.

Сами по себе факторы, влияющие на изменение вовлеченности и мотивации сотрудника в рабочие процессы в рамках удаленного режима, понятны и не нуждаются в комментариях. Однако интерес представляет соотношение озабоченности работников и работодателей (руководителей) рядом вопросов. Расхождения в оценках не могут быть количественно оценены ввиду небольшого числа участников фокус-групп (девять работников и восемь представителей работодателей), но свидетельствуют о разных акцентах, расставляемых этими группами.

Таблица 2

Упоминание факторов, определяющих мотивацию сотрудников на удаленной работе

Фактор мотивации	Работники	Работодатели
Экономическая оценка		
Выгоды от экономии (транспорт, траты на одежду, др.)	2	5
Дополнительные затраты на ресурсы: электроэнергия на технику, приготовление пищи, вода, отопление, др.	6	2
Затраты на приобретение дополнительной техники	1	5
Затраты на инфраструктуру, доступ к интернету	3	4
Социальные отношения		
Разграничение пространств, выделение площади в доме, изменение дизайна, преобразование дома в офис	3	6
Ограничения на поведение членов семьи перед видеочамерой	5	0
Забота о проблеме шума (дрели соседей, звуки детей и домашних животных, неконтролируемое вмешательство родственников, др.)	6	0
Разделение времени между домашними обязанностями и рабочими процессами	5	0
Утрата личного пространства	3	3
Непредсказуемость и тревожность	9	0
Недостаточная информированность, осведомленность	6	2
Организационные отношения		
Возросшая ответственность за выполненную работу	9	7
Самоорганизация, самоменеджмент	9	8
Организаторские функции	7	1
Доверие, самоконтроль в противовес повышению административных требований и отчетности	5	7
Гарантии занятости или предпринимательские компетенции		
Страх потерять работу	8	8
Боязнь снижения доходов	9	7
Опасения за карьерный рост, задержки продвижения по организационной иерархии	4	4
Свободный выбор в принятии решений	3	5
Поиск новой работы с более привлекательными условиями	3	2
Личностный рост, самореализация, самоактуализация вне работы	2	3

Источник: составлено авторами на основе данных собственного исследования, выполненного в ноябре–декабре 2020 г.

Очевиден тот факт, что работодатели переоценивают экономические выгоды для работников и недооценивают их дополнительные финансовые потери, вызванные переходом на удаленную работу. Акцент работодатели делают на расходах, которые работники понесут для оснащения своего рабочего места. Вместе с тем работники сталкиваются с затратами денег, времени и усилий, связанных с оснащением и повседневным функционированием своего рабочего места, перенесенного к ним домой.

Аналогичным образом работодатели понимают необходимость, даже выдвигают требования по оформлению той части домашней обстановки работников, которая попадает в видеокamerу. Но лишь незначительная часть работодателей (двое из восьми) осознают недостаточную информированность работников в качестве проблемы, а обеспокоенность у работников в связи с непредсказуемостью, тревогой о будущем не отметил ни один из представителей работодателей. Хотя участник-собственник бизнеса заметил, что он нанимает работников, обещая им стабильность, а сам вынужден постоянно иметь дело с непрогнозируемой средой неопределенности.

Это понимание отражено, в частности, в том, что обе группы определили страх потерять работу как важную часть перехода на «удаленку» и адаптацию к такому режиму. Боязнь снижения доходов оценивается высоко и работниками, и работодателями, но с незначительной разницей: работники оценивают эту опасность чуть больше, чем работодатели. При этом понимание возросшей ответственности одинаково велико у обеих групп. В то же время удовлетворенность от свободы принятия решений, совершения выбора переоценивают работодатели и заметно ниже оценивают работники.

Собранные оценки позволяют сделать несколько выводов о динамике факторов, определяющих мотивацию при переходе к режиму удаленной работы. Во-первых, переоценка веса финансово-экономических параметров в сопоставлении с более целостными факторами жизненного мира [48; 49] характерна для работодателей и приводит к их недооценке проблем, возникающих у сотрудников в связи с созданием рабочего места в домашнем пространстве. Во-вторых, работодатели в большей мере ориентированы на оценку результатов, а сотрудники оценивают повседневное функционирование и стоимость процессов. В-третьих, институционализация удаленного режима приводит к разрушению контекста работы, социально-трудовые отношения перестраиваются, повышается нагрузка на работника. Прежде всего речь идет о нагрузке ответственности и риска самостоятельного совершения выбора, принятия решений. Работодатели понимают значимость коммуникаций, но недооценивают необходимость устанавливать информационные потоки сверху вниз, от руководства к работникам, от стратегического видения бизнеса к линейным уровням процессов, для создания и поддержания контекста, постоянного сохранения «общего языка» [50; 51], на котором говорят все участники рабочих процессов.

Литература

1. Россия и мир во время и после пандемии COVID-19: вызовы и возможности: коллективная монография / отв. ред. Е. С. Вылкова. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2020. 274 с.
2. *Sawatzky R., Sawatzky N. J. Remote work: competencies and motivation* [Электронный ресурс] // Middlesex University. 2019. Feb. 22 p. URL: <https://static1.squarespace.com/static/5b045109c258b4052b14cd0d/t/5c61d23c7817f7b585cf2a9a/1549914722779/> (дата обращения: 10.01.2021).

3. Покровская Н. Н. Эволюция моделей труда в контексте цифровых технологий // Системный анализ в проектировании и управлении: сб. науч. тр. XXIV Междунар. науч. и учебно-практ. конф. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2020. С. 369–376.
4. Слободской А. Л. Влияние понятийного аппарата на адекватность подхода к управлению наемным трудом // Управление персоналом: сб. тр. конф. СПб.: Инфо-да, 2015. С. 30–34.
5. Orsini C., Rodrigues V. Supporting motivation in teams working remotely: The role of basic psychological needs // *Medical Teacher*. 2020. Vol. 42. No. 7. P. 828–829. DOI: 10.1080/0142159X.2020.1758305
6. Kovalenko E. V., Rozentsvaig A. I., Bakhteeva E. I., Soshnikova I. V., Sherpaev V. I. The Development of Remote Workers With Disability for Entrepreneurship System // *Journal of Entrepreneurship Education*. 2020. Vol. 23. No. 1. P. 1–10.
7. Bana S. H., Benzell S. G., Solares R. R. Ranking How National Economies Adapt to Remote Work // *MIT Sloan management review*. 2020. Vol. 61. No. 4. P. 1–5.
8. Бурова Н. В., Коноплянник Т. М., Покровская Н. Н. Формы занятости высококвалифицированных специалистов промышленности: влияние прекаризации на интеллектуальный капитал // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. СПб.: Изд-во ЛЭТИ, 2019. Т. 1. С. 95–98.
9. Bulatetskaia A., Margulyan Ya., Pokrovskaja N., Snisarenko S. Intellectual analysis for educational path cognitive modeling: digital knowledge for post-modern value creation // *Wisdom*. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 69–76. DOI: 10.24234/wisdom.v14i1.305
10. Rupiotta K., Beckmann M. Working from Home. What is the Effect on Employees' Effort? // *Schmalenbach Business Review*. 2018. Vol. 70. No. 1 (February). P. 25–55. DOI: 10.1007/s41464-017-0043-x
11. Browne R. 70 % of people globally work remotely at least once a week, study says [Электронный ресурс] // *Make it*. CNBC. 2018. 31 May. URL: <https://www.cnbc.com/2018/05/30/70-percent-of-people-globally-work-remotely-at-least-once-a-week-iwg-study.html> (дата обращения: 10.01.2021).
12. Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // *Социологические исследования*. 2015. № 12. С. 99–110.
13. Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class*. London, N. Y.: Bloomsbury Academic, 2011. 198 p.
14. Саралиева З. Х. Инвалидизация: макрофакторы и микропрактики // *Инвалиды — инвалидность — инвалидизация: сб. тезисов Междунар. науч.-практ. конф.* / науч. ред. З. Х. Саралиева. Н. Новгород: Научно-исследовательский социологический центр, 2018. С. 577–584.
15. Taylor F. W. Notes on Belting // *Transactions of the American Society of Mechanical Engineers*. 1893. Vol. XV. P. 204–259.
16. Taylor F. W. A Piece-rate System // Towne H. R., Halsey F. A., Taylor F. W. *The Adjustment of Wages to Efficiency: Three Papers*. Ithaca, N. Y.: American Economic Association by the Macmillan Company, 1896. P. 88–129.
17. Taylor F. W. Shop management // *Transactions of the American Society of Mechanical Engineers*. 1903. Vol. 24. P. 1337–1480.
18. Taylor F. W. *The Principles of Scientific Management*. N. Y., London: Harper, 1911. 144 p.
19. Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. М.; Л.: Academia, 1935. 417 с.
20. Cicero Marcus Tullius. *De officiis etc.* / Translated by Walter Miller. Loeb edn. Cambridge: Harvard University Press, 1913. 423 p.
21. Thorndike E. *Educational Psychology: The Psychology of Learning*. N. Y.: Teachers College Press, 1913. 462 p.
22. Fishbein M., Ayzen I. The Prediction of Behavior from Attitudinal and Normative Variables // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1970. Vol. 6. P. 466–487.
23. Skinner B. F. *Behavior of Organisms: an experimental analysis*. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1938. 457 p.

24. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.
25. Maslow A. H. Motivation and Personality. N. Y.: Harper & Row, 1970. 302 p.
26. Goldstein K. The Organism. N. Y.: American Book, 1939. 533 p.
27. Rogers C. Client-centered therapy: Its current practice, implications and theory. London: Constable, 1991. 560 p.
28. Asanov I., Mavlikeeva M. Can Group Identity Explain Gender Gap in Recruitment Process? // Beiträge zur Jahrestagung des Vereins für Socialpolitik: Gender Economics. ZBW — Hamburg, Kiel: Leibniz Information Centre for Economics, 2020. 34 p.
29. Покровская Н. Н. Социальные институты передачи знаний и исследования экономического поведения в рамках экспериментальной и когнитивной экономики // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук: сб. тр. участников Второй Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2015. С. 212–214.
30. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 352 с.
31. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия, 1999. 479 с.
32. Гелих О. Я., Левицкая А. Н., Покровская Н. Н. Социологический анализ социальных установок профессионального и карьерного роста в контексте цифровой экономики и общества знаний // Социология и право. 2020. № 3 (49). С. 12–24. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-3-12-24
33. Csikszentmihalyi M. Beyond Boredom and Anxiety: Experiencing Flow in Work and Play. San Francisco: Jossey-Bass, 1975.
34. Csikszentmihalyi M. Intrinsic Rewards and Emergent Motivation // The Hidden Costs of Reward: New Perspectives on the Psychology of Human Motivation / eds. M. R. Lepper, D. Hillsdale Greene. NJ: Lawrence Erlbaum Assoc., 1978. P. 205–216.
35. Бессокирная Г. П. Изменились ли мотивы труда рабочих в постсоветской России? // Социс. 2017. № 1. С. 94–105.
36. Абабкова М. Ю., Леонтьева В. Л., Покровская Н. Н. Развитие нейрокоммуникационных и когнитивных технологий для сжатия социального пространства в моменты кризисной изоляции [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки: сетевое издание. 2020. Т. 12. № 4. С. 1–13. <https://esj.today/PDF/38ECVN420.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).
37. Elliott S. Improving Productivity for Remote and Distributed Work Forces [Электронный ресурс] // Entrepreneur. 2020. May 27. URL: <https://www.entrepreneur.com/article/350724> (дата обращения: 10.01.2021).
38. Yakobovitch D. The Future of Work Is Remote and Distributed Our Digital First society has been accelerated by COVID-19 [Электронный ресурс] // The StartUP. 2020. Apr 29. URL: <https://medium.com/swlh/futureofwork-remote-distributed-covid19-2608bc5c76ac> (дата обращения: 10.01.2021).
39. Wei Feng, Pokrovskaja N. N., d'Ascenzo F. Information 4.0 For Augmented And Virtual Realities — Balance of Ignorance and Intelligence // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2018. Vol. LI. P. 1821–1831. DOI: 10.15405/epsbs.2018.12.02.193
40. Kosner A. W. The crucial difference between remote work and distributed work [Электронный ресурс] // Work in Progress. Dropbox Blog. 2020. April 03. URL: <https://blog.dropbox.com/topics/work-culture/the-crucial-difference-between-remote-work-and-distributed-work> (дата обращения: 10.01.2021).
41. Theurer C. P., Tumasjan A., Welpel I. M. Contextual work design and employee innovative work behavior: When does autonomy matter? // PLoS ONE. 2018. Vol. 13. No. 10. P. 1–35. DOI: 10.1371/journal.pone.0204089
42. Корнеев А. Работа большой распределенной команды: преимущества удаленки, решения проблем, полезные инструменты [Электронный ресурс] // Хабр. 2018. 22 февраля. URL: <https://habr.com/ru/company/skyeng/blog/349598/> (дата обращения: 10.01.2021).
43. Dube S., Marnewick C. A conceptual model to improve performance in virtual teams // South African Journal of Information Management. 2016. Vol. 18. No. 1. P. 1–10. DOI: 10.4102/sajim.v18i1.674

44. *D'Ascenzo F., Pokrovskaja N. N., Golohvastov D. V.* Market agents' industrial regulation and cultural inertia in smart community: social engineering or collective wisdom // Технологическая перспектива в рамках евразийского пространства: новые рынки и точки экономического роста: материалы Четвертой Междунар. науч. конф. СПб.: Астерион, 2019. С. 87–91.
45. *Pokrovskaja N. N., Petrov M. A., Gridneva M. A.* Diagnostics of Professional Competencies and Motivation of the Engineer in the Knowledge Economy // 3rd International Conference on Human Factors in Complex Technical Systems and Environments (ERGO). SPb.: LETI, 2018. P. 28–31.
46. *Krumm S., Kanthak J., Hartmann K., Hertel G.* What does it take to be a virtual team player? The knowledge, skills, abilities, and other characteristics required in virtual teams // Human Performance. 2016. Vol. 29. No. 2. P. 123–142.
47. *Stewart C., Nodoushani O., Stumpf J.* Cultivating employees using Maslow's hierarchy of needs // Competition Forum. 2018. Vol. 16. No. 2. P. 67–75.
48. *Grant C. A., Wallace L. M., Spurgeon P. C.* An exploration of the psychological factors affecting remote e-worker's job effectiveness, well-being and work-life balance // Employee Relations. 2013. Vol. 35. No. 5. P. 527–546. DOI: 10.1108/ER-08-2012-0059
49. *Quisenberry W. L.* Exploring how emotional intelligence contributes to virtual teams: interpretive analysis of a phenomenological study // European Scientific Journal. 2018. Vol. 5. P. 1–19. DOI: 10.19044/esj.2018.v14n5p19
50. *Покровская Н. Н.* Дискурсивно-регуляторные механизмы выстраивания поведенческого выбора и социопрофессиональный нарратив // Вестник Балтийской педагогической академии. 2013. Вып. 111. С. 25–29.
51. *Ferrell J., Kline K.* Facilitating trust and communication in virtual teams // People and Strategy. 2018. Vol. 41. No. 2. P. 30–35.

Контактные данные:

Бойко С. В.: 162622, Вологодская область, г. Череповец, Советский пр., д. 126; (8202) 67-33-36; e-mail: sboyko938@mail.ru.

Покровская Н. Н.: 191186, Санкт-Петербург, наб. Мойки, д. 48; (812) 312-44-92; e-mail: nnp@herzen.spb.ru, nnp@spbstu.ru.

Слободской А. Л.: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21; (812) 602-23-23; e-mail: als8@yandex.ru.

Спивак В. А.: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21; (812) 602-23-23; e-mail: va-spivak@yandex.ru.

Contact Details:

Boyko S. V.: 126, Sovetskiy Ave., Cherepovets, Vologda Region, 162622, Russia; (8202) 67-33-36; e-mail: sboyko938@mail.ru.

Pokrovskaja N. N.: 48, Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russia; (812) 312-44-92; e-mail: nnp@spbstu.ru, nnp@herzen.spb.ru.

Slobodskoy A. L.: 21, Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russia; (812) 602-23-23; e-mail: als8@yandex.ru.

Spivak V. A.: 21, Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russia; (812) 602-23-23; e-mail: va-spivak@yandex.ru.

Оганян К. М., Оганян К. К.

О проблеме формирования мотивации успеха: социологический и психологический подходы

*Oganyan K. M., Oganyan K. K. On the Problem of Formation of Motivation
for Success: Sociological and Psychological Approaches*

В статье рассмотрена проблема формирования мотивации успеха с точки зрения психологического и социологического подходов, проанализированы разные виды мотивации. Выявлены составляющие социального и жизненного успеха личности, представлена мотивация личности как компонент самореализации посредством анализа концепций Н. К. Михайловского, Р. С. Кови.

Ключевые слова: мотивация, личность, самореализация, просоциальная мотивация, проактивный человек, социальный успех, жизненный успех.

The article examines the problem of the motivation for success formation from the point of view of a psychological and sociological approach, analyzes different types of motivation. The components of social and life success of the individual are revealed, the motivation of the individual is presented as a component of self-realization through the analysis of N. K. Mikhailovsky, R. S. Covey.

Keywords: motivation, personality, self-realization, pro-social motivation, proactive person, social success, success in life.

Понятие мотивации в зависимости от подхода может трактоваться в двух плоскостях:

- 1) с позиции психологического подхода — некое эмоциональное состояние, вызванное потребностью, задевающее определенные участки нервных окончаний, с последующей передачей нервных импульсов, формирующих поведение, для удовлетворения данных потребностей;
- 2) с позиции социологического (менеджерийского) подхода — побуждение к действию.

В статье мы будем придерживаться второй трактовки, рассматривая мотивацию как побуждение к действию. Чтобы иметь общее представление о том, как варьируются виды мотивации, охарактеризуем классификации по разным основаниям.

В первую очередь мотивация подразделяется на внешнюю и внутреннюю. Внешняя мотивация не связана с содержанием деятельности. Она обусловлена внешними к субъекту условиями. К примеру, если человек работает из-за денег, то деньги — это его внутренняя мотивация. Если он трудится потому, что работа ему приятна, то деньги, заработная плата в этом случае будут играть роль внешней мотивации. Внутренняя мотивация антонимична внешней. Она не свя-

Оганян Каджик Мартиросович — профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта, доктор философских наук, профессор.

Оганян Карина Каджиковна — доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта, кандидат социологических наук, доцент.

© Оганян К. М., Оганян К. К., 2021

зана с внешней средой, имеет внутренний характер. Для человека его осознание внутренней компетенции, необходимости равноценно мотивации и побуждает его к новым свершениям.

Наше исследование предполагает работу с мотивацией успеха. Мотивация успеха носит положительный характер. Такой мотивации противопоставлена мотивация провала [1; 2; 3]. Мотивация успеха подразумевает позитивную причину и позитивное следствие. В качестве примера приведем следующую мысль: «Если я буду зарабатывать больше, поеду на Гоа». Мотивация провала или отрицательная мотивация апеллирует к отсутствию наказания («если я буду вести себя приемлемо, меня не накажут»).

Сегодня очень модной является теория саморазвития, теория выхода из зоны комфорта. Считается, что саморазвитие — это мощнейший шаг вперед для человека. Данная теория зиждется на том, что развиваться, смотреть в будущее необходимо, но при этом человек всегда пытается оставаться в условиях безопасности — зоны комфорта. В рамках данной теории — это взгляд назад, в прошлое, где нет развития. Во многом такая теория базируется на пирамиде потребностей А. Маслоу, которая будет рассмотрена позднее в рамках классической теории мотивации [4].

Существует просоциальная теория, где оплотом мотивации служит чувство общественной значимости деятельности, ответственности перед другими, и теория самоутверждения — теория, в которой человек пытается утвердиться в рамках какого-либо общества, добиться уважения и признания. Если объединить мотивацию успеха (просоциальную) и мотивацию самоутверждения, то можно обозначить такой союз как единую мотивацию социального и жизненного успеха человека. Для понимания первопричин мотивации необходимо обратиться к классическим теориям (теории мотивации А. Маслоу, теории Д. Мак-Грегора, двухфакторной теории Ф. Герцберга), которые подробно представлены в литературе [5; 6]. Результаты проведенного нами социологического исследования под названием «Развитие мотивации социального успеха как фактора конкурентоспособности личности руководителя» изложены в одной из наших работ [7].

Итак, мотивация основана на потребности, мотиве, действии и удовлетворении потребности. Нами установлено, что мотивация социального и жизненного успеха личности будет включать в себя мотивацию самоутверждения, где цель человека — утвердиться в определенной группе, иметь уважение и престиж, просоциальную мотивацию, где побуждение к действию определяется ответственностью перед обществом, и собственно мотивацию успеха, где положительное действие/восприятие несет положительный результат.

Важную роль в рамках нашего исследования играет понятие успеха. Согласно словарю С. И. Ожегова, успех — это: 1) удача в достижении чего-то; 2) общественное признание [8]. В словаре Д. Н. Ушакова — удачное достижение поставленной цели. Приведенные определения не научны, хотя определяемое слово трактуется словом, значение которого можно толковать как удача. Удача — желаемый исход дела, счастье.

В любом случае понятия «успех» и «мотивация» обладают сходством, которое заключается в наличии цели. Мотивация обусловлена потребностью. Цель в данном случае — ее удовлетворение, и от того, насколько удовлетворена эта цель, зависит успех начинания. Итак, выше нами приведены примеры в процессе исследования в целях выведения формулы успеха. Установлено, что в одном случае успехом являлось достижение/накопление богатства, в другом — профессиональная компетентность. На наш взгляд, данный подход ограничен, и в рамках нашего исследования будет выведено комплексное определение успеха для того,

чтобы изучение мотивации успеха носило более емкий и полезный обществу характер.

Успех — это состояние человека, когда во всех статусных ролях он испытывает высокий уровень удовлетворенности своей деятельностью. С учетом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что личность, обладая интегральными свойствами субъекта и объекта, должна быть развитой, чтобы быть целостной (по Н. К. Михайловскому) и чтобы оказывать воздействие на окружающий социум (по В. А. Ядову). Личность мотивирована необходимостью самоутверждения, мотивирована извне необходимостью служить социуму — быть просоциальной. Мотивация социального и жизненного успеха личности заключается в разностороннем качественном развитии, в проработке статусных ролей для достижения поставленных перед собой целей не в ущерб каких-либо аспектов жизни.

Исходя из концепции проактивного человека, который стремится максимально усилить свои успехи в отношении финансов, семьи, социальных связей, иного, получаем по-настоящему успешную личность и, как следствие, здоровое активное общество.

Опираясь на вышеизложенное, понятие мотивации можно охарактеризовать следующим образом:

- 1) она индивидуальна; каждая личность имеет персональные потребности и может быть мотивирована исключительно в рамках их удовлетворения;
- 2) потребности динамичны, удовлетворение одной потребности влечет потребность удовлетворить потребность более высокого ранга («Иерархия потребностей» А. Маслоу). Поэтому «то, что мотивирует сегодня, не мотивирует завтра»;
- 3) мотивация классифицируется на внутреннюю и внешнюю; можно предположить, что здоровый человек заведомо мотивирован и имеет перед собой определенные цели, в том числе конечную — социальный и жизненный успех.

Охарактеризуем подробнее понятие «успех». В социологии существует ряд концепций о том, что представляет собой успех. Однако все эти концепции схожи в одном: успех детерминирован социальной обусловленностью и личностными стремлениями, возможностями личности. Успех или неуспех в основном идентифицируется посредством признания или непризнания достижения обществом. У. Джеймс вывел формулу «человеческого счастья», где счастье определяется как соотношение между достигнутым успехом и уровнем притязания. Из этой формулы следует, что любой человек может чувствовать себя успешным, снизив уровень своих притязаний. Однако далеко не для каждого «довольство тем, что есть» — это успех.

В социологии понимание успеха главным образом базируется на таких понятиях, как:

- 1) общественное одобрение результатов чьей-либо деятельности;
- 2) социальный статус;
- 3) материальный уровень благосостояния;
- 4) внимание со стороны общества (признание значимости достижений).

При этом целесообразно рассмотреть данный вопрос в двух плоскостях: во-первых, с точки зрения соотношения устоев капиталистического мира и духовного (религиозного) восприятия успеха; во-вторых, с точки зрения инструментов достижения «видимости» успеха в глазах общества.

Прежде всего отметим, что сегодня успешность стала неотъемлемой частью имиджа любой личности. Интересно, что еще совсем недавно такое понятие, как «карьерист», носило негативный характер. В сегодняшнем мире жесткой конку-

ренции и главенства денег успех стал парадигмой времени. Разумеется, первоочередным лакмусом успеха при капиталистическом устройстве общества является материальный статус.

Сложнее представляется ситуация, связанная с духовной составляющей успеха. К примеру, в русской православной традиции путь к успеху формируется через страдание, горе. Они и формируют потребность в действии, т. е. мотивируют на искупление. Тем самым концепция успеха как счастливого случая отвергается религией, успех достигается деятельностью, но побуждение к действию кроется в негативном источнике.

Иное наблюдается в протестантской этике, где, по сути, успех имеет фаталистические корни. Но при этом человек, прислушиваясь к богу, способен сам выбирать путь, по которому он идет к своей цели, без привязки к страданию. Вместе с тем присутствует осознание ответственности за свой выбор.

Следовательно, несмотря на экономический пресс, подавляющий человека, не последним для него по значимости остается вопрос принадлежности к определенной религии. Она закладывает в личность, во-первых, субъективную трактовку (что есть успех, какой путь к нему ведет), во-вторых, предпосылки мотивов: человек самостоятельно прокладывает путь к успеху или фаталистично следует по наитию, без ответственности, без инициативы.

Отсюда может и должен следовать еще один вывод: человек успешный или счастливый (так это понятие трактовалось в древности) не может быть таковым, пока не удовлетворены не только материальные, но и духовные потребности. Данный вывод в очередной раз убеждает нас в комплексности и необходимости всестороннего изучения вопросов мотивации социального и жизненного успеха личности.

Человек — существо социальное, и его основная задача — «вписаться» в определенную социальную группу, которая подходит ему по определенным параметрам, будь то финансовое благосостояние, уровень образования, иное. С учетом этого необходимо рассмотреть, какие концепции успеха существуют в рамках социологии, соответствуют ли они реальному «состоянию успеха» личности и общества в целом.

Теория Т. Веблена — теория праздного общества или концепция успеха как демонстративного потребления. Данная концепция базируется на материальном факторе. Т. Веблен выделяет отдельный класс общества, который имеет табу на трудовую деятельность [9]. Это обусловлено социумом и этическими нормами такого общества. Обычно в рамках данной страты формируется мода, определяется «денежная норма», которая необходима для нормальной жизнедеятельности этого класса. В итоге строится модель общества потребления. Пик доминирования последнего приходится на эпоху царствования женщин в России (мода на элитную меблировку, украшения и наряды), траты зачастую превышали доходы и приводили целые семьи к банкротству. Но без этих атрибутов не впускали в такое, безусловно, элитное общество. Сегодняшнее время аналогично характеризуется гонкой за престижной атрибутикой как билетом в желаемую жизнь.

Наиболее приемлема теория, разработанная Д. Фридманом и М. Хитчером [10], о концепции успеха как рационального выбора. Сущность основного ее тезиса состоит в следующем: формирование целей достижения успеха личностью предопределено ее предпочтениями. Важно отметить, что данная теория имеет разумную мысль о том, что путь достижения к успеху может быть ограничен не только иерархией потребностей отдельно взятой личности, но и социальными институтами, которые в определенной ситуации могут способствовать осуществлению целей, а могут послужить существенным барьером.

Э. Гидденс и У. Бек предлагают теорию рисков. Данная современная теория включает в себя положения о том, что мир сегодня крайне не устойчив. Глобализационные, экономические, политические, иные процессы заставляют в настоящее время с ускоренной реакцией принимать ключевые решения, от которых зависит успех или неуспех любого предприятия, что предъявляет свои требования к успешной личности, такие как умение в условиях риска ориентироваться и принимать решения.

Таким образом, можно утверждать, что стремление к успеху обусловлено внутренним стремлением к достижению целей, стремлением к престижу и социальной принадлежности. Концепция успеха формируется обществом и ближайшим окружением как институтами социализации и потребителями тех благ, которые пусть и ненамеренно, но принесет высокомотивированная, успешная личность.

Мотивация личности как компонент самореализации

Вся деятельность Н. К. Михайловского содержит мысль о том, что личность может приносить пользу себе и обществу, если личность разносторонне развита. В частности, подразумевается интеллектуальное развитие. Отметим, что личность, по Н. К. Михайловскому, стоит выше общества [11].

Аналогичные взгляды просматриваются в работе «Семь навыков высокоэффективных людей» С. Р. Кови. В данной книге, с нашей точки зрения, представлены все концепции, которые выдвинуты российскими социологами более века назад. Возможно, ее успех заключен в том, что в ней скомпонованы все те знания, которые были накоплены поколениями исследователей смежных наук, таких как социология, маркетинг, менеджмент, психология [12].

Охарактеризуем ее основные тезисы и определим, насколько навыки самодисциплины и регулирования отношений между людьми важны в мотивации успеха личности.

1. Принципы и парадигмы. Речь идет о принципах, который носит характер «изнутри наружу», т. е. человек, у которого четко сформулированы внутренние принципы, может наиболее эффективно использовать свои навыки, независимо от внешних воздействий. В контексте нашей статьи можем трактовать принципы как цели, целеполагание, которые являются катализатором, т. е. мотиватором к действию. Итак, человек, имеющий четкие жизненные цели, с наивысшей вероятностью их достигнет, в отличие от человека, не имеющего конечной и, что важно, визуализированной цели.

Визуализация результата пересекается с концепцией ожидания, мотивационной теорией, предложенной В. Врумом. Ее суть заключается в том, что уровень мотивированности деятельности зависит от понимания собственных возможностей в рамках выполняемой задачи и реальности достижения поставленных целей. Следует обратить внимание на то, что мотивирующим воздействием обладает мыслительный процесс, в рамках которого человек осознает конечный результат, с учетом того, что в человеческом воображении при наличии определенных исходных условий, не имеющих ярко негативного влияния на итог мероприятия, всегда формируется идеальный образ конечного результата. Это подвигает на реализацию, т. е. мотивирует.

2. Проактивность. Данный термин предполагает осознанную деятельность и особый взгляд на человеческие возможности. Быть проактивным — значит иметь возможность сделать все, что требуется для достижения поставленной цели. Концепция проактивности изменяет человеческое мышление. Вместо отговорки

(«я не могу это сделать») появляется ответственность как неотъемлемый атрибут в характеристике потенциально успешного человека, которая сменяется ответственным решением («я найду возможность решения данного вопроса»).

Проактивная личность действует, а не рассуждает, и ввиду того, что ее задача — удовлетворить конечную осознанную потребность, она мотивирована. Однако мотивация, поскольку она индивидуальна, разумна и требует динамичного подхода, всегда исходит из принципа рациональности. Деятельность проактивного человека не хаотична, а отличается высокой координированностью и строгой необходимостью. В большинстве случаев проактивный человек руководствуется правилом Парето или правилом 20/80, которое гласит: только 20 % прилагаемых усилий приносят действительный результат, и в этом случае 20 % затрачиваемых усилий приносят 80 % результата, 80 % затрачиваемых усилий приносят лишь 20 % результата. Этот закон сегодня по-прежнему в моде, его стараются использовать в различных сферах деятельности — профессиональной и личной.

Помимо рационального использования своих интеллектуальных и физических способностей, успешный человек должен иметь углубленное представление о том, что собой представляет тайм-менеджмент. Управление временем в первую очередь создаст психологический комфорт, что сегодня, в рамках вечной гонки, сыграет немаловажную роль в формировании социального и жизненного успеха.

Мотивация в тайм-менеджменте проста. Поставив перед собой реальные цели, человек будет осуществлять своеобразное «поглаживание» своего эго, как эго деятельного и способного к выполнению деятельности человека. Уровень задач, их сложность зависит от притязаний каждой личности. Но в целом формирование своего времени как фактора, стимулирующего достичь больше, сделать лучше, вполне возможно.

3. Концепция взаимозависимости. Можно рассматривать данный принцип с точки зрения: а) создания эффекта синергии при решении какой-либо проблемы — поиск не компромисса, что ставит обе стороны действия в некоторые неудобства, а поиск третьего решения, которое в равной мере удовлетворит обе стороны; б) необходимости эмпатического общения — т. е. концепция общения, при которой человек не просто слушает, но и слышит собеседника, пытается понять, что его волнует. Понимающее общение дает возможность понять потребность человека, что особенно важно в вопросах, связанных с мотивацией. Дать человеку то, что он хочет, и объяснить человеку то, чего хочешь ты — так должны проходить все успешные транзакции.

Эмпатическое общение само по себе может породить более эффективное, обоюдовыгодное взаимодействие, которое удовлетворит потребность не одного, а сразу двоих, что позволит считать успешной деятельность двух сторон — с позиции «выиграл/выиграл». Однако нахождение «третьего пути решения» всегда имеет более сложную, подчас творческую подоплеку действия. Иными словами, человек, настроенный на то, чтобы достичь успеха и помочь достичь успеха своему оппоненту, должен иметь гибкость при принятии решения, четкую систему принципов и повышенную ответственность, что и соответствует характеристикам успешной личности.

4. Обратимся к Н. К. Михайловскому, концепция которого сводится примерно к тому, что успешная личность должна быть развитой всесторонне. Эти же идеи предлагает С. Р. Кови, обозначая такую концепцию в качестве главного принципа человеческого существования. Согласно этому принципу человек, который хочет быть высокоэффективным, должен на протяжении жизни совершенствоваться в четырех плоскостях: физической, духовной, интеллектуальной, социально-эмоциональной.

Физическое совершенствование позволяет человеку не только поддерживать здоровье, что уже является частью жизненного успеха, но и понять возможности своего тела, развить выносливость и закалить дух. Физическое развитие служит гарантом долголетия и способствует развитию ответственности, в первую очередь перед собой, и, что немаловажно в рамках современного мира, способствует снижению стресса.

Понятие «стресс» вошло в обиход еще в 1936 г. и прочно обосновалось в лексиконе современного человека. Сегодня человек всегда находится под прессом морального и физического напряжения, что зачастую может выводить его из равновесия, нарушая успешность абсолютно любой сферы деятельности, что явно не мотивирует на успех. Одним из способов снятия напряжения служит спорт. Наверное, поэтому баснословное количество спортивных клубов предлагают свои услуги, пользуясь большим спросом.

Духовное развитие можно трактовать как поиск внутренней гармонии. Для каждого человека поиск себя может проявляться в различных формах — религии, занятии йогой или прослушивании любимой музыки.

Интеллектуальное развитие — это основное подспорье для развития, создания внутренней мотивации на пути к успеху. Пути совершенствования интеллекта могут быть различными, но закономерно, что первое место по источнику знаний занимает книга. Сегодняшний мир как общество знания характеризуется безграничным источником информации. Это явление двоякое. С одной стороны, информация находится в открытом доступе, что снимает барьеры для ее усвоения, с другой — потоки информации не подвергаются фильтрации, что создает колоссальный пласт информационного мусора. Безусловно, человек успешный, ориентированный на результат, ценящий свои усилия и время, будет ориентирован на лучшее, но отбор все-таки займет определенный период.

К следующим источникам относятся непосредственное общение с носителями ценных знаний, окружающий мир. Нужно признать, что теоретических знаний порой недостаточно. Чтобы совершенствовать свои навыки, необходимо применять их на практике.

Развитие социально-эмоциональных качеств личности — ключ к успеху. Человек — существо социальное, и этот факт неоспорим. Человеку доставляет психологический дискомфорт его невхождение в ту или иную социальную группу, что может проявляться в противоположных реакциях: мотивация может быть повышена, подхлестываемая стремлением занять требуемую позицию, или, наоборот, вогнать человека в состояние уныния и бездействия. К примеру, если многократные попытки не привели к желаемому результату.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что любая личность способна быть успешной, формируя в себе определенные навыки и компетенции.

Выводы

Успех для каждой личности трактуется по-своему, но всегда речь идет о совокупности успешных транзакций, что следует из определения формулы успеха, выведенной нами в настоящей статье. Мотивация — это побуждение к действию, порожденное осознанной потребностью. Потребности также индивидуальны. С течением времени они изменяются. Следовательно, мотивы действий аналогично претерпевают изменения. Поэтому мотивация либо динамична, либо неэффективна. В рамках социального и жизненного успеха личности целесообразно изучать внутреннюю мотивацию, учитывая при этом факторы внешней среды.

Литература

1. Оганян К. М., Оганян К. К. Социологический анализ здорового образа жизни студентов // Социология и право. 2019. № 1 (43). С. 17–30.
2. Оганян К. М., Оганян К. К. Социологический анализ исследования социально-профессиональной активности студентов // Социология и право. 2017. № 3 (37). С. 23–36.
3. Оганян К. М., Оганян К. К. Социологическое исследование социальной ответственности как механизма управления // Социология и право. 2017. № 2 (36). С. 29–37.
4. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер. 2016. 400 с.
5. Герцберг Ф. Труд и природа человека [Электронный ресурс] // ВикиЧтение. URL: <https://info.wikireading.ru/251427> (дата обращения: 15.01.2020).
6. Мак-Грегор Д. The Human Side of Enterprise (Человеческая сторона предприятия). New York: McGraw-HILL Irwin, 1985. 256 с.
7. Оганян К. К. Социологический анализ интегральной модели личности руководителя: теория и практика. М.: ИНФРА-М, 2019. 166 с.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: ОНИКС-Лит, 2012. 1376 с.
9. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Либроком, 2017. 368 с.
10. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
11. Оганян К. К. Анализ теории личности в российской социологии: история и современность: монография. М.: ИНФРА-М, 2015. 360 с.
12. Кови С. Р. Семь навыков высокоэффективных людей: мощные инструменты развития личности / пер. с англ. М.: Альпина Пабlishер, 2017. 396 с.

Контактные данные:

Оганян К. М., Оганян К. К.: 190121, Санкт-Петербург, Декабристов ул., д. 35; (812) 714-26-57; e-mail: koganyan53@mail.ru, karina_oganyan@mail.ru.

Contact Details:

Oganyan K. M., Oganyan K. K.: 35, Dekabristov Str., St. Petersburg, 190121, Russia; (812) 714-26-57; e-mail: koganyan53@mail.ru, karina_oganyan@mail.ru.

Торгунаков Е. А., Торгунакова Е. В.

Проблемы взаимодействия средств массовой коммуникации и общества

Torgunakov E. A., Torgunakova E. V. Problems of Mass Media and Society Interactions

В статье речь идет о роли средств массовой коммуникации (СМК) в жизни современного информационного общества. Авторами выявлены особенности и функции массовой коммуникации как формы социального взаимодействия. Проведен анализ теорий зарубежных ученых, исследующих способы воздействия средств массовой коммуникации (СМИ) на аудиторию, а также проблемы взаимодействия общества и СМК.

Ключевые слова: массовая коммуникация, теории массовой коммуникации, средства массовой коммуникации, общество.

The article examines the role of the mass media in the life of the modern information society, examines the features and functions of mass communication as a form of social interaction. The author analyses the theories of foreign scientists who study the means of influence of mass media and the problems of modern mass media.

Keywords: mass communication, theories of mass communication, mass media, society.

В научной литературе справедливо говорится о значительной роли средств массовой коммуникации (СМК) в экономической, политической, социальной и духовной жизни современного общества. Эта роль усиливается, так как наблюдается рост значимости информации и знаний в жизни человека, создано глобальное информационное пространство, дающее любому из нас доступ к мировым информационным ресурсам. У массовой аудитории появляется потребность получения новостей, причем объективных, достоверных, практически в режиме реального времени.

Массовая коммуникация как одна из форм взаимодействия в обществе обладает целым рядом особенностей.

1. Массовый характер взаимодействия, направленного на пространственно рассредоточенную, неоднородную, стихийно возникающую, потенциально бесконечную аудиторию. По широте медиаресурсов, сфере воздействия, широте охвата, множественности способов влияния на умы людей СМК не знает себе равных. При этом общение ориентировано на психологические характеристики аудитории: мотивацию, направленность интересов, эмоциональность, изменчивость. Однако психологические особенности аудитории не вполне явны, что затрудняет выбор способов воздействия на нее, делает необходимым проведение специальных исследований общественного мнения и эффектов коммуникации.

Торгунаков Евгений Анатольевич — профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор экономических наук, профессор.

Торгунакова Елена Владимировна — доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат экономических наук.

© Торгунаков Е. А., Торгунакова Е. В., 2021

2. Однонаправленность подаваемой информации при отсутствии или отсроченности во времени обратной связи с аудиторией. Обратная связь может проявляться в виде эмоционального отклика реципиента. Коммуникативные роли жестко фиксированы и не сменяются, как в диалогическом общении. Коммуникатор не имеет возможности ориентироваться на обратную связь с аудиторией и корректировать свое сообщение, что может отрицательно сказаться на эффективности коммуникации.

3. Опосредованность коммуникации специальными техническими средствами. Именно технические средства позволяют получить доступ к информации любому лицу. При этом его социальный статус или материальное положение, а также место нахождения не имеют значения. Коммуникация опосредована и применяемыми знаковыми системами, определяется социальными ролями участников процесса коммуникации. В массовой коммуникации наблюдается социальная опосредованность — существует социальная дистанция, отделяющая коммуникатора от коммуниканта. В некоторых каналах коммуникации отсутствует визуальный образ участника процесса коммуникации, и аудитория вынуждена самостоятельно создавать мысленно этот образ, придавая ему особые черты.

4. Периодичность передаваемой информации, ее социальная значимость для массовой аудитории.

5. Отправителем сообщений чаще всего являются не отдельные субъекты, а профессиональные организации, объединяющие специалистов отдельной сферы общественной деятельности. Речь идет о средствах массовой информации (СМИ), но и не только. В качестве отправителей сообщений выступают и политические партии, и общественные организации, и государственные институты.

В научной литературе выделяют три этапа в исследовании массовой коммуникации. Каждый этап отличается ролью, приписываемой массовой коммуникации с точки зрения воздействия ее на общество.

Первый этап характеризуется теориями практически безграничного влияния СМИ на аудиторию. Такой точки зрения придерживались У. Липпман [1], который считал, что под влиянием массовой коммуникации у человека посредством стереотипов формируется «картина мира»; Х. Лассуэлл [2], создавший однонаправленную линейную модель коммуникации, согласно которой коммуникация похожа на «волшебную пулю», достигающую мозга реципиента и формирующая его поведение, поскольку обычный человек не может сопротивляться этому влиянию; Т. Адорно и М. Хоркхаймер [3], по мнению которых аудитория, подвергшаяся воздействию средств массовой коммуникации, — пассивная однородная масса, не способная критически воспринимать информацию.

На втором этапе исследования феномена массовой коммуникации возникли теории ограниченного влияния СМИ на аудиторию. Эти теории основаны на эмпирических наблюдениях, показавших, что СМИ оказывают гораздо меньший эффект на аудиторию, не имеют достаточно власти для изменения общественного мнения. В частности, П. Лазарсфельд [4] выявил многочисленные способы сопротивления людей власти СМИ, сделал вывод, что человек ценностно и правдиво полученной информации склонен оценивать после обсуждения с референтными группами — друзьями, коллегами по работе, т.е. с теми, кому доверяют. Религиозные организации и политические лидеры также влияют на их мнение. На восприятие информационных сообщений оказывают влияние уровень образования, собственные убеждения индивида, интерес к передаваемой информации, позиции референтных групп.

П. Лазарсфельд и Р. Мертон [5] создали теорию двухступенчатой коммуникации, полагая, что социальная роль СМИ слишком преувеличена, и воздействие

на аудиторию оказывают лидеры мнений. Б. Берельсон [4] считал, что массовая коммуникация ориентируется на потребности и ожидания потребителей, тем самым определяется содержание сообщений (теория удовлетворения потребностей аудитории). Тем не менее власть СМИ на общество признают все исследователи. СМИ способны усилить существующие тенденции в обществе, даже самостоятельно инициировать социальные изменения или разрушительно, дисфункционально влиять на некоторых людей.

Во всех названных выше теориях аудитории отводилась пассивная роль, роль объекта воздействия со стороны СМИ. В теориях активной аудитории ей отводится самостоятельная и активная роль, поскольку она выбирает СМИ, находит информацию сообразно своим потребностям и желаниям. При этом значение информационного сообщения рождается в процессе интерпретации информации аудиторией. Аудитория оценивает сообщение, критически воспринимает его и активно использует в соответствии с целями. Важными характеристиками активной аудитории являются ее селективность, избирательность, духовная активность и эмоциональная вовлеченность, устойчивость к нежелательным воздействиям, практичность. Среди авторов теории активной аудитории — Е. Кац, Д. Блумлер, М. Гуревич [6].

В этот же период появилась теория социальной ответственности СМИ. В числе ее авторов и Ф. Сиберт [7], считавший, что три влиятельные группы — правительство, средства связи и массовая аудитория должны разделить социальную ответственность между собой. Д. Маккуэйл [8] считал, что от СМИ ожидают служения обществу и общественному благу, что СМИ ответственны за все, что они делают или не смогли сделать. В рамках своей теории массовой коммуникации он сформулировал социальные принципы функционирования СМИ в обществе, в том числе принцип свободы, т. е. отсутствия цензуры, скрытого влияния собственников или других агентов на новости, равные права граждан в доступе к информации, принципы разнообразия и качества информации, принципы социального и культурного порядка.

На третьем этапе произошло возвращение к научным воззрениям первого этапа, измененным с учетом реалий времени, о значительном влиянии СМИ на массовое сознание. Представитель взглядов данного этапа, Г. М. Маклюэн [9], разработал теорию средства. Согласно этой теории, прогрессивное развитие общества обусловлено развитием технических средств связи. Изменение способа коммуникации вызывает смену технологий, изменяя и общественную жизнь. Главный тезис его теории состоит в следующем: средство есть сообщение. Маклюэн считал необходимым изучение СМИ для лучшего понимания процесса взаимодействия СМИ и аудитории. Он писал и о формировании мозаичности мышления современного человека, использующего электронные источники информации. Маклюэн абсолютизирует значение средств массовой коммуникации в управлении социальными процессами.

А. Моль, автор известной работы «Социодинамика культуры» [10], выделил четыре доктрины массовой коммуникации в зависимости от понимания места коммуникации в системе культурных ценностей, от целей воздействия на аудиторию:

1. Демагогическая доктрина, цель которой — погрузить индивида в рекламное поле и держать его в нем как можно дольше, используя его стремление к наименьшей затрате усилий.
2. Догматическая доктрина, ее цель — вовлеченность человека в поле направленного воздействия со стороны политической партии, религиозного течения, государства, желающих переделать мир в соответствии с определенной идеологией.

3. Информационная доктрина, ее цель — просветительство, стремление поднять индивида до уровня культуры того общества, в котором он живет.
4. Динамическая доктрина, целью которой является формирование активного отношения людей к собственному развитию, усиление их влияния на темпы развития [11].

Действительно, СМИ изменяют характер социальной коммуникации, используя новые способы общения и передачи социально значимой информации, способствуя взаимодействию между людьми, интеграции общества, уничтожая пространственные и временные границы. СМИ способствуют формированию и взаимопроникновению социальных норм и ценностей, являющихся своеобразным духовным капиталом человечества, играют просветительскую и цивилизующую роль, выполняют функцию социализации личности. Вместе с тем СМИ способны деформировать в обществе духовно-нравственные ценности, насаждая агрессивность, враждебность, насилие, цинизм, философию потребления, поощряя нежелание или неумение соблюдать моральные нормы поведения в обществе, рекрутируя молодежь в экстремистские и террористические организации.

Многие авторы выделяют релаксационную функцию СМК, поскольку массовая коммуникация становится аналогом межличностного общения, позволяет преодолеть сложности в общении с окружающими; рекреативную роль СМК, «...так как современный человек основную долю свободного времени связывает с разнообразными средствами массовой коммуникации, помогающими ему отдохнуть, уйти от рутины и повседневности, забыться, отвлечься от работы». При этом исследователи отмечают, что СМК «...предлагает человеку разнообразные (скорее, широкие, чем глубокие) возможности информационного обмена и коммуникации в «пространстве свободы», но само «пространство является уже не столько символическим, сколько симулятивным» [12].

Одна из функций СМИ — распространение рекламных сообщений. Реклама не только несет информацию о товарах и услугах, но и формирует новые потребности, влияет на уровень спроса и поведение потребителя. В процессе взаимодействия массовой аудитории и СМИ формируется общественное мнение, в том числе путем обсуждения в сети Интернет, в печати актуальных проблем общественного развития, что позволяет гражданам принимать участие в политических процессах, делать политический выбор. Однако СМИ играют и негативную роль, используя методы манипуляции сознанием, транслируя и ретранслируя разнообразные социальные мифы.

Обзор ВЦИОМ 2017 г. показал, что среди прочих СМК телевидение по-прежнему остается основным источником новостей для россиян, но популярность его снижается (62 % в 2015 г., 57 % в 2016 г.). Интернет с его информационными сайтами и блогами служит источником новостей для 27 % респондентов в 2016 г., и это число быстро растет. Печатные СМИ читали в 2016 г. около 75 % российских граждан, в том числе 12 % — ежедневно, 31 % — два–три раза в неделю, 26 % — два раза в месяц, 8 % — несколько раз в год. Более того, большинство опрошенных (73 %) не готовы отказаться от бумажных СМИ. Доля тех, кто может перейти на чтение только электронных СМИ, составила 17 %, а среди молодежи эта цифра достигала 36 % [13].

Оценка воздействия ТВ на зрителей за последние 25 лет ухудшилась. Так, если ранее, в 1989 г., 73 % считали, что телевидение повышает моральный уровень людей, то в 2014 г. об этом говорят 46 %. Вместе с тем в пять раз стало больше тех, кто отмечает ухудшение нравственности общества под воздействием просмотра телеканалов (с 8 % до 38 %).

По данным ВЦИОМ, в 2018–2019 гг. 7 % россиян встречали недостоверные сведения в печатных СМИ, 5 % — на радио. 31 % граждан России сталкивались с неверными сведениями в электронных СМИ, сосредоточенных в сети Интернет, при этом доля людей с высшим образованием — 38 %. 20 % россиян встречали недостоверные сведения в телепередачах. Тем не менее, по данным 47 % россиян, ими не обнаружены новости, не соответствующие действительности, в последние два–три года. Среди них — 71 % граждан России с неполным средним образованием.

74 % респондентов считают, что в большинстве случаев недостоверные сведения опубликованы умышленно. Только 17 % опрошенных полагают, что это было сделано непреднамеренно [14]. Зарубежным печатным СМИ и ТВ доверяют еще в меньшей степени: всего около 15 % российских граждан.

Важное направление деятельности СМИ — распространение рекламных сообщений, информирование о свойствах товаров и услуг, создание потребительского спроса. Реклама в СМИ, по данным ВЦИОМ в 2017 г., чаще воспринималась как помеха, а не как необходимая информация. При показе рекламы на ТВ 30 % зрителей переключают канал, 41 % отвлекаются в момент рекламной паузы на посторонние дела. При этом 57 % опрошенных не доверяют рекламе. Лишь 3 % респондентов доверяют рекламному сообщению, 38 % доверяют рекламе отчасти, т. е. занимают промежуточную позицию [15].

Таким образом, данные ВЦИОМ показывают тенденцию ухода молодежной части аудитории от традиционных СМИ (ТВ, печатных СМИ) к информационным интернет-источникам, наблюдается падение доверия к печатным СМИ и телевизионным передачам, низкий уровень доверия к рекламе в СМИ.

На современном этапе некоторые авторы пишут о том, что средства массовой коммуникации претерпевают ряд изменений. Во-первых, происходит стремительное целенаправленное сокращение в них общественного сектора и коммерциализация всех звеньев; во-вторых, кризис и противоречия политической ситуации создают новый социальный климат их функционирования; в-третьих, кардинально изменяется содержание массовой информации [11].

Эти процессы особенно ярко проявляются в электронных СМИ, часто никем не цензурируемых, не подчиняющихся ничьим требованиям. Существенное дополнение в этом контексте — дальнейшая концентрация и монополизация собственности в сфере массовой коммуникации, увеличение объемов мультимедийных операций, снижение стандартов деятельности средств массовой информации, что увеличивает угрозу неполучения достоверной информации потребителем. Это делает актуальным вопрос о социальной ответственности СМИ.

Всемерное использование интернета ставит на повестку дня новые проблемы. В специальной литературе выделяют следующие характеристики, определяющие социальные эффекты использования интернета:

- 1) по степени проникновения: это — всепроникающее средство массовой коммуникации, по факту отменяющее проблему границ;
- 2) по скорости: это — наиболее быстрый и эффективный способ мгновенной многосторонней связи;
- 3) по количеству участников: это — многосторонняя модель коммуникации;
- 4) сравнительно меньшая, по сравнению с другими способами передачи информации, возможность осуществления контроля за распространением информации;
- 5) комплексность воздействия на все социальные институты, что в первую очередь относится к экономике и означает формирование виртуального экономического пространства.

Речь идет о трансформации хорошо знакомых способов управления, функционирования ключевых социальных подсистем, таких, например, как образование, здравоохранение. В свою очередь, это приводит к изменению социальных структур и, как следствие, способов осуществления политико-управленческой деятельности в обществе [16].

Все более значимой становится проблема делимитации — определения границ в правовом и этическом пространстве, границ доступа к информации, относящейся к общественной безопасности и к частной жизни. Растущая конкуренция между СМИ способствует все большему их проникновению в частную жизнь, что особенно касается частной жизни медийных лиц, например, представителей власти или людей творческих профессий.

Говоря о проблемах современных СМК, многие авторы забывают о растущей неподготовленности аудитории к самостоятельному поиску и критическому анализу информации, об отсутствии у многих умения критически воспринимать медиатексты. Между тем аудитория является неотъемлемой частью массовой коммуникации, характеризуется качественной неоднородностью и неопределенной многочисленностью, возникает на основе общности информационных интересов и потребностей, способов и форм их удовлетворения.

Способом решения данной проблемы служит формирование медиакомпетентности аудитории, как учащихся школ, колледжей и студентов, так и взрослой аудитории. Представляется, что медиакомпетентность включает в себя способность осуществлять отбор медиатекстов в соответствии со своими потребностями, воспринимать и критически анализировать медиатексты, использовать содержащуюся в них информацию, применяя для этого современные технические средства. Восприятие медиатекстов должно носить интерактивный характер, ориентировать аудиторию на коммуникацию, взаимодействие со СМИ, что будет способствовать реализации прав граждан на свободу получения информации и свободу слова. В процессе медиаобразования аудитория должна сформировать способность самостоятельно создавать медиатексты и выбирать подходящие СМИ для коммуникации. Медиаобразование, как и образование в целом, должно осуществляться в течение всей жизни человека.

Существует целый ряд факторов, препятствующих критической оценке аудиторией полученной из СМИ информации: необоснованное доверие СМИ со стороны некоторой части аудитории, стереотипизация сознания, неготовность признать эмоциональное воздействие СМИ на принятие ими решений.

Указанные выше процессы требуют от органов власти и правительств разработку новых принципов государственной политики в области массовой коммуникации, новых способов взаимодействия с СМК, которые учитывали бы их современное состояние. Это должно сохранить свободу слова и позволить СМК выполнить их основную задачу — обеспечить общество правдивой информацией, возможностью выражения разных точек зрения.

В условиях жесткой конкуренции перед СМК стоят задачи формирования новых моделей информационного взаимодействия с массовой аудиторией, способов передачи контента, расширения прагматической направленности и мультимедийной составляющей текстов, развития диалогости массмедиа.

Литература

1. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
2. Lasswell H. D. Propaganda Technique in the World War. London; New York: Peter Smith, 1927. 328 p.

3. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
4. Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. New York: Columbia University Press, 1948. 178 p.
5. Lazarsfeld P. F., Merton R. K. Mass Communication, Popular Taste and Organized Social Action. New York: Bobbs-Merrill, College Division Press, 1960. 17 p.
6. Katz E., Blumer J. G., Gurevitch M. Utilization of Mass Communication by the individual // The Uses of Mass Communication: Current Perspectives on Gratifications Research. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1974. P. 19–32.
7. Сиберт Ф. Четыре теории прессы / пер. с англ. М.: Нац. ин-т прессы, Вагриус, 1998. 224 с.
8. McQuail D. Mass Communication Theory. London, Sage, 2010. 632 p.
9. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа. Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М., Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
10. Моль А. Социодинамика культуры / пер. с франц. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.
11. Кулькатова Г. Н. К вопросу о специфике массовой коммуникации как особой формы социального взаимодействия // Философия и общество. 2013. № 3 (71). С. 151–156.
12. Руденко А. М., Котлярова В. В. Воздействие средств массовой коммуникации на современное общество // Медиаобразование. 2017. № 3. С. 134–142.
13. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3284 от 13 января 2017 г. Медиапотребление сегодня: пять основных фактов [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116026> (дата обращения: 05.12.2020).
14. Аналитический обзор ВЦИОМ от 18 апреля 2019 г. [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: www.wciom.ru (дата обращения: 05.12.2020).
15. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3367 от 3 мая 2017 г. Интернет против телевидения: битва продолжается [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (дата обращения: 05.12.2020).
16. Железнякова С. И. Противоречия процессов массовой коммуникации в современном обществе // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 1А. С. 232–240.

Контактные данные:

Торгунаков Е. А., Торгунакова Е. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 575-02-78; e-mail: torgunakov-67@mail.ru, elena.torgunakova@gmail.com.

Contact Details:

Torgunakov E. A., Torgunakova E. V.: 44/A, Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190103, Russia; (812) 575-02-78; e-mail: torgunakov-67@mail.ru, elena.torgunakova@gmail.com.

Снисаренко С. О., Айрапетян Э. М., Хашковский А. В.

Специфика цифровых социальных коммуникаций мигрантов и диаспоры (на примере глобального армянского сообщества)

Snisarenko S. O., Hayrapetyan E. M., Khashkovsky A. V. Digital Social Communications of Migrants and Diaspora on the Example of the Global Armenian Community

Социокультурный анализ миграционного поведения, социально-экономические и политические исследования диаспоры и изучение социальных коммуникаций как основы построения социальных сетей мигрантов формируют целостное представление о содержании совершаемого выбора. Социально-коммуникационные исследования сосредоточены на передаче знаний и построении устойчивых доверительных отношений. По итогам анализа уровня образования мигрантов и интервью с армянскими мигрантами о роли сети родственных и дружественных отношений сделаны выводы о значимости сетевых взаимодействий и коммуникаций, основанных на доверии, которые опираются на мотивы принятия решения о миграции. В контексте экономики знаний образовательный уровень человеческого капитала играет ключевую роль для конкурентных преимуществ бизнеса и региона. Инновационный экономический рост требует построения эффективных отношений, которые в условиях социальной изоляции и развития цифровых контактов получили новые инструменты расширения. Глобальные цифровые социальные коммуникации позволяют поддерживать насыщенность и интенсивность контактов, включая обмен информацией и поддержание этнической культурной идентичности независимо от места расположения.

Sociocultural analysis of migratory behavior, socio-economic and political studies of the Diaspora and the study of social communications as the basis for building social networks of migrants form a holistic view of the content of the migration choice being made. Social communication research focuses on knowledge transfer and building sustainable trusting relationships. Based on the analysis of the level of education of migrants and interviews with Armenian migrants on the role of the network of family and friendly relations, conclusions are drawn about the importance of network interactions and communications based on trust, which are based on the motives for making a decision to migrate. In the context of the knowledge economy, the educational level of human capital plays a key role for the competitive advantages of business and the region, innovative economic growth requires building effective relationships, which, in the context of social isolation and the development of digital contacts, have received new tools for expansion. Global digital social communications make it possible to maintain a richness and intensity of contacts, including the exchange of information and the maintenance of an ethnic cultural identity, regardless of location.

Снисаренко Светлана Олеговна — доцент кафедры экономики и управления социально-экономическими системами Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор социологических наук, доцент.

Айрапетян Эдгар Мурадович — главный специалист Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Армения, магистр публичного управления.

Хашковский Алексей Васильевич — доцент кафедры связей с общественностью и рекламы Института философии человека Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, кандидат политических наук, доцент.

© Снисаренко С. О., Айрапетян Э. М., Хашковский А. В., 2021

Ключевые слова: человеческий капитал, цифровая миграция, интеллектуальная миграция, сетевизация, цифровизация, диаспора.

Keywords: human capital, digital migration, intellectual migration, networking, digitalization, diaspora.

Социокультурные исследования сосредоточены на сложной совокупности социальных отношений. Социальные, этнические, религиозные, семейные и родовые, социально-экономические и политические отношения переплетены плотным узлом в миграционных процессах. Взаимоотношения диаспоры составляют предмет социокультурного анализа, сетевых исследований, социального управления. Диаспора может рассматриваться как институт социальной интеграции, играющий особую роль в миграционных процессах, адаптации мигрантов, формировании социального капитала мигранта наряду с семейными связями. Социальная изоляция ввиду пандемии обострила интерес к изучению коммуникационных процессов в цифровой среде, в том числе к специфическим изменениям этнических групп.

В настоящей статье нами рассмотрен социально-коммуникационный подход к изучению отношений диаспор между собой и с местными обществами. В период до пандемии отношения диаспоры с исходным и принимающим обществом, с прибывающими мигрантами строились прежде всего на основе личных контактов, включая семейно-родственные и дружеские связи. Интернет ускорил коммуникации и одновременно существенно сократил уровень доверия. Условия социальной изоляции вынудили перенести большую часть контактов в сеть, в первую очередь в социальные сети. С учетом этого особый интерес представляет исследование цифровых социальных коммуникаций между диаспорой и мигрантами, потенциальными и состоявшимися, до и после переезда.

В экономико-управленческом анализе нередко рассматривают глобальные и локальные стратегии корпоративного развития. Это дает возможность сделать предположение о том, что в условиях пандемии транснациональная социологическая концепция изучения диаспоры как глобального явления может быть продуктивной объяснительной концепцией. В статье нами представлен теоретический анализ понятия диаспоры, подходы к социологическому и институциональному анализу диаспоры, выдвинуты гипотезы о ее роли и о роли соответствующих взаимоотношений при социальной интеграции мигрантов. Приведены некоторые результаты эмпирического исследования адаптации армянских мигрантов в Российской Федерации (РФ).

Вопросы переезда изучались еще древними греками, которые описывали возможности достижения более высокого социального положения в других местах, кроме места своего происхождения («Когда же я приеду к мидянам, то и здесь, став лучшим среди искусных наездников...» [1, с. 14]). Тем не менее принято считать, что первым социологическим исследованием миграции стала работа У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», в которой авторами описано социальное поведение как способ «развивающейся адаптации» человека к среде на основе «нервной системы» [2, с. 741]. Столкновение с инакостью опирается на представления об отраженном (зеркальном) Я (*self*) [3, р. 184], о жизненном мире [4], концепции культурного изменения [5; 6], культурном шоке [7], социальной регуляции [8; 9; 10]. Для понимания поиска общности в рамках жизнедеятельности мигрантов и взаимоотношений с диаспорой важно и понимание концепции дома, о котором справедливо пишет А. Шюц (или Шютц в некоторых переводах) [11]. Поэт утверждает: «Дом — это то, откуда начинается человек» [12]. У юриста утверждение такое: «Дом — это место, куда человек собирается вернуться, если он вне его» [13, р. 126].

Изначально диаспора определялась как совокупность людей одной общей этнической принадлежности, покинувших исходное национальное государство и длительно или постоянно проживающих и интегрированных в обществе другого государства, включая их детей [14; 15; 16; 17]. Диаспора представляет собой «не просто конгломерат людей, а некий социальный организм, к которому принадлежат по факту этнической принадлежности» [18, с. 61]. Следует отметить, что этническая принадлежность характеризуется как заданная «биологическим» происхождением от одного или двух родителей с определенной этнической принадлежностью.

Можно рассматривать диаспору как сообщество, в большей или меньшей степени организованное. Степень организованности, институционализации диаспоры в некоторых исследованиях доходит до почти формальной корпорации, «официально оформленной организации с взаимными обязательствами и оформленным членством, ... под диаспорой стихийно понимается нечто вроде сословия» [18, с. 61].

Диаспору можно трактовать как «особый тип человеческих взаимоотношений, специфическую систему формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик, основанных на общности исхода с “исторической родины” (или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе), на усилиях по поддержанию образа жизни “в рассеянии” — в качестве национального меньшинства в иноэтничном принимающем обществе» [19, с. 127]. Диаспора формируется в рамках социальных функций: если действие диаспоры как системы отношений обусловлено потребностью сообщества или социальной категории людей (в частности, для целей нашего исследования — трудовых мигрантов), то этническое меньшинство в принимающем обществе образует диаспору. В противном случае даже значительное число выходцев из одной страны не создаст в другом государстве социальную сеть, которую можно признать диаспорой.

М. Рейс делит формирование диаспоры, в том числе классической и современной (или постклассической), на три основных исторических периода [20]. Был проведен ряд исследований элементов идентичности [21], являющихся определяющими для национальной принадлежности.

Рассматривая различные проявления поведения представителей диаспоры, Г. Шеффер делит диаспору на следующие категории: «ядро», «маргинальные члены» и «дремлющие» [22]. «Ядро» диаспоры составляют личности, которые имеют четко определенную («безупречную») национальную идентичность, могут существовать как отдельно организованная община, независимо от всех процессов (современности, глобализации и др.), тесно объединены и, следовательно, устойчивы к ассимиляции. «Маргинальные» члены имеют этническую идентичность, но преднамеренно не отождествляют себя с общиной диаспоры. В принимающем обществе полностью интегрированных и ассимилированных лиц условно называют «дремлющими», считать их диаспорой проблематично [22]. Идентичность членов диаспоры, потерявших позицию диаспоры и отталкивающих родину, называют «символической» [23].

Исследования коснулись также различий между идентичностью, характерной для диаспоры и мигрантов: в теории распространено мнение, что между членами диаспоры и родиной (страной происхождения) существует культурная, языковая, религиозная, историческая и эмоциональная связь, в то время как статус мигрантов предполагает ассимиляцию в принимающей стране, принятие новых обычаев, получение гражданства, изучение языка принимающей страны и т. д. Однако мигранты находятся в конфликте (иногда взаимно) как с родиной, так и с принимающим обществом и диаспорой, отказываясь вступать в существующие

структуры диаспоры или создавать собственные организации [24]. Отметим, что исторически миграционные потоки оказывают определенное влияние на диаспору [25, р. 6; 26], а диаспора, в свою очередь, влияет на идентичность мигрантов. Принято считать, что основной целью эмиграции мигрантов с родины и утверждения в принимающей стране является материальное благополучие. Вместе с тем потребность в духовных, культурных и эмоциональных ценностях вынуждает цепляться за родину. Когда миграция с родины воспринимается как краткосрочное явление, а возвращение постоянно, в личности мигрант трансформируется в члена диаспоры [24].

Тем не менее идентичность диаспоры — это не только результат решения. По словам армяно-американского исследователя диаспоры Х. Толояна, позицию диаспоры принимает меньшинство, которого политические и культурные деятели считают диаспорой [27]. Ее формирование и существование обусловлено сознательными и организованными усилиями культурной, социальной и политической элиты, которые носят продолжительный характер и передаются из поколения в поколение. Между тем отсутствие усилий, направленных на выживание диаспоры, ведет к ассимиляции [28] в принимающем обществе. Недостаточно внятное восприятие родины и институционально-организационный дефицит. Диаспора становится лишь виртуальным явлением, лишенным влияния на международные и государственные системы [26].

Сторонники конструктивистского подхода не считают, что образование диаспоры происходит естественным образом, «автоматически», в результате миграции. По мнению представителей конструктивизма, диаспора формируется посредством направленной мобилизации идей (*discourse*): это «социальное сооружение (*social construction*) посредством манипуляции элитой и политической мобилизации». Согласно точке зрения исследователей [29], диаспора служит результатом транснациональной политической активности по стратегическому построению социальной идентичности.

Обобщая разные подходы, можно определить диаспору как общность членов этнической группы, проживающей за пределами родины, или транснациональную идеологическую общину (*transnational imagined community*) и одновременно элитарную политическую программу, которая со временем реализуется посредством транснациональной мобилизации. Так, численность только десяти наиболее крупных армянских диаспор составляют в полтора раза больше населения Армении [30, с. 34].

Идеология и национальная идентичность служат связующим звеном среди общин и общинных различий между межнациональными сетями [28]. На первый взгляд, очевидно, что предметом беспокойства диаспоры являются не всеобщие, а частные проблемы, первостепенная движущая сила-идентичность, а не политическое убеждение. Речь идет о транснациональном проявлении национализма, который исторически был сильным стимулом для внутренних взаимоотношений, политической ориентации диаспоры, а также экономической стратегии [26].

Б. Андерсон называет это «дистанционным национализмом» (*long distance nationalism*) [31]: член диаспоры, как правило, не платит налоги на родине, где вместе с тем проводит политику, умеет избегать подотчетности [32; 33], вероятно, не участвует в выборах в исходном обществе, поскольку является гражданином другой (принимающей) страны. Ни он, ни члены его семьи не имеют причин бояться правовых последствий, вытекающих из их действий на территории исходной страны. Более того, благополучный и обеспеченный представитель диаспоры, живущий в экономически развитой стране, осознавая, что, возможно, никогда не вернется на родину, может направить средства и механизмы комму-

никации, которые могут вызвать непредсказуемые последствия [26]. В отличие от деятельности защитников прав человека или других глобальных активистов, транснациональный национализм не ограничивается определенным периодом или обсуждением одной проблемы. В контексте современности диаспора воспринимается как идеологическая категория не частных, а общечеловеческих ценностей. Цель диаспоры — достижение не частных, а всеобщих прав, при этом нет отказа от национальной идентичности. В центре внимания — права человека, расовая дискриминация, деколонизация и т. д. [34].

Таким образом, вопросы взаимоотношений, выстраиваемых диаспорой, включают в себя и социально-экономические, и социально-политические проблемные зоны, которым следует уделить внимание с точки зрения организационно-управленческого и институционального анализа. Диаспору можно рассматривать как сетевую форму построения общественных взаимоотношений между потенциальными и состоявшимися мигрантами с учетом социальных технологий коммуникаций и стимулирования выбора, совершаемого потенциальными и состоявшимися мигрантами в пользу направления переезда [35] и расширения присутствия в социально-экономическом пространстве [36].

Наконец, значимый аспект социально-коммуникационного изучения диаспоры и ее взаимоотношений с исходным и принимающим обществом — социокультурный анализ, сосредоточенный на процессах инкультурации. Понятие инкультурации отражает усвоение смыслов, «освоение миропонимания и поведения, которые присущи носителям данной культуры» [37, с. 173]. Освоение культуры включает в себя различные содержательные компоненты. Это для мигранта прежде всего отношения с исходной этнической культурой и культурой принимающего общества [38; 39]. Инкультурация особенно заметна при различии языка и религии, но такой процесс имеет место и при миграции внутри страны [40; 41; 42].

В условиях экономики знаний особенно интересна миграция как способ повысить эффективность инвестирования в человеческий капитал [43]: выделяют образовательную миграцию (перемещение молодых людей в целях повышения образования, получения более качественного обучения) и интеллектуальную миграцию (или «утечку умов») [44; 45], что способствует повышению благосостояния принимающих регионов [46]. В этом смысле интересна статистика об уровне образования иммигрантов, въезжающих в Россию из различных стран. На основе данных Росстата можно определить категории стран с различным исходным уровнем образования въезжающих в Россию мигрантов. В таблице 1 представлена численность человек, в таблице 2 — доля от прибывших и указавших уровень образования.

Данные приведены в абсолютном и относительном выражении, поскольку в ряде случаев слишком мало иммигрантов указали уровень образования. Например, из 1 582 человек, въехавших в 2019 г. в Россию из КНДР, лишь четверо указали уровень образования (т. е. 0,3 % прибывших), из них половина (двое) имеют высшее профессиональное образование. Аналогичные особенности данных типичны для Китая и Индии, данные об уровне образования иммигрантов из этих стран также не указаны (99,7 % и 99,8 %).

С учетом этого обстоятельства можно сгруппировать страны не только по признаку принадлежности к СНГ, но и по доле мигрантов с высшим образованием. Так, страны, из которых более половины мигрантов, прибывших в Россию, имеют высшее образование (при этом их более двух человек), включают в себя Великобританию, Канаду, Норвегию, США, Францию, т. е. пять стран Западной Европы и Северной Америки. Между четвертью и половиной — страны бывшего СССР (Беларусь и Украина, Казахстан), Европы (Германия, Израиль, Италия,

Таблица 1

Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по уровню образования и странам выхода в РФ в 2019 г., чел.

	Кол-во прибывших в Россию в возрасте 14 лет и старше	Высшее профессиональное (высшее)	Из них: доктора наук	Из них: кандидаты наук	Неполное высшее профессиональное	Среднее профессиональное (среднее специальное)	Начальное профессиональное	Среднее общее (полное)	Основное общее (среднее общее неполное)	Начальное общее (начальное) и не имеющие образования	Уровень образования не указан
Международная миграция	642 361	42 041	77	181	9 400	56 705	4 545	25 970	9 456	3 205	491 039
в том числе из стран СНГ	562 696	39 654	67	165	8 977	54 408	4 371	24 494	9 050	3 074	418 668
Азербайджан	32 166	732	4	6	240	1 586	151	1 491	472	160	27 334
Армения	66 060	1 944	8	13	479	3 245	271	2 196	666	213	57 046
Беларусь	17 330	1 158	3	6	172	942	70	265	78	27	14 618
Казахстан	76 184	7 437	13	26	1 777	7 999	558	2 594	1 180	425	54 214
Киргизия	49 921	1 220	3	9	290	1 863	197	1 503	573	182	44 093
Молдова	24 158	2 319	3	9	727	4 074	341	1 796	560	156	14 185
Таджикистан	81 066	2 548	6	17	631	4 341	558	5 345	1 957	655	65 031
Туркменистан	14 129	358	–	1	93	462	33	247	97	32	12 807
Узбекистан	57 001	2 100	2	9	618	4 010	305	1 773	722	196	47 277
Украина	144 681	19 838	25	69	3 950	25 886	1 887	7 284	2 745	1 028	82 063
из других стран	79 665	2 387	10	16	423	2 297	174	1 476	406	131	72 371
Великобритания	268	16	–	–	1	6	–	6	–	–	239
Вьетнам	6 264	20	–	–	13	22	4	17	8	–	6 180
Германия	2 348	468	3	1	62	582	38	193	64	24	917
Греция	261	15	–	–	5	16	–	14	3	–	208
Грузия	6 657	347	2	2	77	509	46	532	148	35	4 963
Израиль	617	64	–	1	8	49	4	25	8	1	458
Индия	9 554	16	–	1	–	2	–	–	–	–	9 536
Иран	355	8	–	1	2	7	–	2	–	–	336
Италия	369	16	–	–	4	8	–	1	3	4	333
Канада	138	36	–	–	2	8	–	2	1	–	89
Китай	15 070	15	–	1	2	8	–	14	3	–	15 028
КНДР	1 582	2	–	1	–	–	–	1	1	–	1 578
Норвегия	34	10	–	–	–	1	–	1	–	1	21
США	619	90	–	–	11	39	1	25	6	1	446
Турция	2 138	83	–	–	18	46	2	40	8	1	1 940
Финляндия	171	60	–	–	3	40	2	13	3	3	47
Франция	261	27	–	–	3	5	1	3	2	2	218
Швеция	38	7	–	1	1	3	–	4	–	–	23
Япония	210	4	–	–	–	2	–	–	2	–	202

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ [47].

Таблица 2

Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по уровню образования и странам выхода в РФ в 2019 г., %

	Высшее профессиональное (высшее)	Из них доктора наук	Из них кандидаты наук	Неполное высшее профессиональное	Среднее профессиональное (специальное)	Начальное профессиональное	Среднее общее (полное)	Основное общее (среднее общее неполное)	Начальное общее (начальное) и не имеющие образования	Уровень образования не указан
Миграция в РФ	27,8	0,1	0,1	6,2	37,5	3,0	17,2	6,2	2,1	76,4
в том числе из СНГ	27,5	0,0	0,1	6,2	37,8	3,0	17,0	6,3	2,1	74,4
Азербайджан	15,1	0,1	0,1	5,0	32,8	3,1	30,9	9,8	3,3	85,0
Армения	21,6	0,1	0,1	5,3	36,0	3,0	24,4	7,4	2,4	86,4
Беларусь	42,7	0,1	0,2	6,3	34,7	2,6	9,8	2,9	1,0	84,4
Казахстан	33,9	0,1	0,1	8,1	36,4	2,5	11,8	5,4	1,9	71,2
Киргизия	20,9	0,1	0,2	5,0	32,0	3,4	25,8	9,8	3,1	88,3
Молдова	23,3	0,0	0,1	7,3	40,9	3,4	18,0	5,6	1,6	58,7
Таджикистан	15,9	0,0	0,1	3,9	27,1	3,5	33,3	12,2	4,1	80,2
Туркменистан	27,1	0,0	0,1	7,0	34,9	2,5	18,7	7,3	2,4	90,6
Узбекистан	21,6	0,0	0,1	6,4	41,2	3,1	18,2	7,4	2,0	82,9
Украина	31,7	0,0	0,1	6,3	41,3	3,0	11,6	4,4	1,6	56,7
из других стран	32,7	0,1	0,2	5,8	31,5	2,4	20,2	5,6	1,8	90,8
Австралия	50,0	0,0	0,0	5,6	27,8	0,0	13,9	2,8	0,0	59,1
Великобритания	55,2	0,0	0,0	3,4	20,7	0,0	20,7	0,0	0,0	89,2
Вьетнам	23,8	0,0	0,0	15,5	26,2	4,8	20,2	9,5	0,0	98,7
Германия	32,7	0,2	0,1	4,3	40,7	2,7	13,5	4,5	1,7	39,1
Греция	28,3	0,0	0,0	9,4	30,2	0,0	26,4	5,7	0,0	79,7
Грузия	20,5	0,1	0,1	4,5	30,0	2,7	31,4	8,7	2,1	74,6
Израиль	40,3	0,0	0,6	5,0	30,8	2,5	15,7	5,0	0,6	74,2
Индия	88,9	0,0	5,6	0,0	11,1	0,0	0,0	0,0	0,0	99,8
Иран	42,1	0,0	5,3	10,5	36,8	0,0	10,5	0,0	0,0	94,6
Италия	44,4	0,0	0,0	11,1	22,2	0,0	2,8	8,3	11,1	90,2
Канада	73,5	0,0	0,0	4,1	16,3	0,0	4,1	2,0	0,0	64,5
Китай	35,7	0,0	2,4	4,8	19,0	0,0	33,3	7,1	0,0	99,7
КНДР	50,0	0,0	25,0	0,0	0,0	0,0	25,0	25,0	0,0	99,7
Норвегия	76,9	0,0	0,0	0,0	7,7	0,0	7,7	0,0	7,7	61,8
США	52,0	0,0	0,0	6,4	22,5	0,6	14,5	3,5	0,6	72,1
Турция	41,9	0,0	0,0	9,1	23,2	1,0	20,2	4,0	0,5	90,7
Финляндия	48,4	0,0	0,0	2,4	32,3	1,6	10,5	2,4	2,4	27,5
Франция	62,8	0,0	0,0	7,0	11,6	2,3	7,0	4,7	4,7	83,5
Швеция	46,7	0,0	6,7	6,7	20,0	0,0	26,7	0,0	0,0	60,5
Япония	50,0	0,0	0,0	0,0	25,0	0,0	0,0	25,0	0,0	96,2

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ [47].

Швеция, Финляндия), Турция, Иран, Япония и Австралия. В указанную группу могла бы войти Индия, но лишь 0,2 % сообщили о своем уровне образования. При этом 16 человек указали высшее образование и один человек — ученую степень кандидата наук. Если убрать корректировку и рассчитать долю не от указавших уровень образования, а от полного числа мигрантов из каждой страны, то становится очевидным, что такие страны, как Индия, Китай, Вьетнам, КНДР, Турция, Иран и даже Италия (90,2 % мигрантов не указали уровень образования), не могут быть четко отнесены к той или иной группе, несмотря на значительное число прибывших из них в РФ мигрантов.

Для уточнения группировки рассчитана средняя оценка (от 1 до 9 баллов, в которой 1 — начальное общее или отсутствие образования, 7 — высшее образование, 9 — ученая степень доктора наук). Такая оценка требует и сопоставления с общими количественными данными: наивысшая оценка получена по Индии (из 9 554 человек указали уровень образования 18 человек, из них высшее образование — 16 человек, включая одного кандидата наук, и два человека — среднее профессиональное или среднее специальное). Эта оценка, таким образом, показывает, скорее, уважение к высшему образованию [48]. Вместе с тем люди, не имеющие его, не указывают своего уровня образования.

Приведенная оценка позволяет также уточнить группировку и подтвердить, что наиболее низкие показатели уровня образования наблюдаются у мигрантов из Таджикистана (4,138 балла), Азербайджана (4,296) и Грузии (4,475), а в группу с наибольшей долей мигрантов с высшим образованием входят Канада (6,367), Норвегия (6,077), Швеция (6,000) и Финляндия (5,597), Великобритания (5,724) и США (5,682), Франция (5,837), Беларусь (5,598), т. е. страны Северной Америки (Канада и США) и Скандинавии (Норвегия, Швеция, Финляндия). При этом две страны — франкоязычные (Канада и Франция), две — англосаксонские (США и Великобритания). Армения не выделяется по уровню образования среди других стран СНГ и из группы стран, менее четверти мигрантов из которых имеют высшее образование, но занимает четвертое место по абсолютному числу мигрантов с ученой степенью кандидата или доктора наук: 94 человека с ученой степенью приехали из Украины, 39 — из Казахстана, 23 — из Таджикистана и 21 — из Армении, 26 человек — из остальных стран.

В целом изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что Россия является, с одной стороны, местом спонтанного притяжения для мигрантов с высоким уровнем образования из стран СНГ, с другой — местом организационно-управленческих мер привлечения высококвалифицированных специалистов из западноевропейских стран и Северной Америки [49; 50]. С точки зрения спонтанного притяжения, любопытно, что по четыре человека с ученой степенью прибыли из Грузии, а также из Германии, единственной страны вне постсоветского пространства, из которой более одного человека с ученой степенью прибыли в 2019 г. в Россию. Хотя данные за год и не отражают всех миграционных процессов, они интересны для понимания значимости постсоветских исторических, социально-политических, социокультурных [51; 52; 53], социально-экономических [54; 55] и интеллектуальных связей [56; 57].

Говоря о выборе страны назначения армянскими мигрантами, необходимо уделить особое внимание существующим социальным сетям. Миграция из Армении не происходит спонтанно, т. е. уезжающие на заработки или постоянное место жительства имеют четкое представление о стране назначения.

Данные эмпирического исследования свидетельствуют о том, что большинство мигрантов при принятии решения о выборе страны назначения руководствовались наличием подобных сетей. Исследование проводилось методом глубинного фоку-

сированного интервью в рамках армянской диаспоры на территории Вологодской области РФ, представляющей собой типичное принимающее общество, для которого характерны российская социокультурная среда и социальная структура, система ценностей, установок и правил поведения. Диаспора на территории Вологодской области сконцентрирована в двух крупных городах — Вологде, административном и культурном центре области, и Череповце, промышленном центре региона. Оба армянских сообщества структурированы, идентифицируют себя как диаспора, имеют организационные структуры, что позволило им осуществлять связь с Министерством диаспоры Армении. В интервьюировании приняли участие 27 человек. Отбор респондентов осуществлялся методом снежного кома.

Интервью показали, что в целом влияние социальных сетей положительно и способствует более эффективной интеграции мигрантов в принимающем сообществе, в том числе с помощью диаспоры. Можно привести два примера из расшифровки записей интервью:

1. Атом, 50 лет, строительная фирма, Вологда: *«В Россию первый раз приехал на зарубежные заработки в 1993 г., несколько лет поработал, вернулся назад. Но почувствовал, что лучше переехать в Россию. Сначала я один приехал сюда, потом через некоторое время привел сюда на постоянное жительство и свою семью. В других регионах и городах России не был, только приезжал в Вологду. Тогда тут много было моих односельчан, родственников, которые со времен Советского Союза (1970–1980) приезжали на зарубежные заработки, и пришел к ним. Каждый тут занимался разными делами, кто как. Мой зять работал в местном колхозе и для меня работу нашел, потом работал с другими. Постепенно начал создавать собственную фирму, звал ко мне работать своих односельчан, знакомых. Я работаю в сфере строительства, в основном в сельскохозяйственной области».*

2. Грачик, 58 лет, сезонный работник, Вологда: *«В Вологде я уже три месяца. Сюда приехал, чтоб заработать. В Армении не было работы. Приехал один. Я был водителем, механизатором. В Армении работал крановщиком. Тут работаю в строительной сфере. По знакомству прибыл сюда. С 1993 г. езжу на зарубежные заработки. Я был в разных городах — в Москве, Подмосковье, Кирове, Рязани. Там тоже был простым рабочим. Моя воля: сегодня тут работаю, завтра — в другом месте. Особо разницы нет, важно, чтоб зарплата была хорошей. Я три года работал в Подмосковье, в Ногинском районе, и мне не заплатили армяне. И больше не хочу возвращаться туда. За три года должны 60 тыс. руб., но до сих пор ничего не заплатили».*

Миграционные сети, в первую очередь выступая в качестве транснациональных межличностных связей, объединяют мигрантов в принимающих странах через родственные связи, дружбу, взаимные обязательства, вытекающие из совместного сообщества происхождения. В то же время сети — это формальные или институциональные связи, посредством которых происходит передача информации и взаимопомощь, которые появляются в установленных иммигрантами общинах за рубежом для удовлетворения потребностей своих членов, а также их родственников и знакомых в местах происхождения. На всех этапах трудовой миграции структура социальных отношений формирует информацию и первоначальную поддержку мигранта. Об этом свидетельствует следующий фрагмент интервью.

Алексан, 55 лет, ювелир, Сокол: *«Более 35 лет работал в сфере радио и телевидения (на нескольких телеканалах) — инженером, оператором, режиссером. Одним словом, жизнь моя прошла в сфере телевидения. Сейчас в Армении у меня есть возможность работать в этой сфере, только зарплата очень низ-*

кая и не удовлетворяет минимальные потребности моей семьи. В декабре 2017 г. я сначала приехал в Москву и пытался найти работу в сфере телевидения. Там жил у своих близких, друзей, которые занимаются разными делами: кто-то работает в розничной торговле, кто-то — водителем. Обратился на телевидение. На многих телеканалах с точки зрения профессиональных навыков и качеств были согласны взять меня на работу, но так как я не гражданин РФ, были какие-то трудности. В Сокол я прибыл, потому что мой двоюродный брат находится тут и занимается своим бизнесом».

Каждый мигрант анализирует возможные направления и выбирает наилучшую комбинацию: уровень заработной платы, безопасность работы и стоимость проезда, одновременно использует для этого имеющиеся в наличии структурные возможности [58]. В качестве таких возможностей выступают информационная, финансовая, иная помощь родственников и близких, уже работающих за границей. Миграционные сети выполняют важную роль установления соответствия между спросом и предложением рабочей силы. В ходе личной коммуникации передается информация, не циркулирующая по публичным каналам. Приведем в качестве примера следующее сообщение.

Арарат, 41 год, строительная фирма, Череповец: «У меня тут собственная строительная фирма, многие из моих родственников живут и работают у меня. И не только родственники, но и односельчане, друзья, знакомые приезжают ко мне работать».

Особое внимание следует уделить тому обстоятельству, что, помимо предоставления предварительной информации о стране назначения, оказания содействия на начальном этапе, миграционные сети выступают как своеобразный гарант безопасности, укрепленный в атмосфере многолетнего доверия [59]. Л. Саастад (1962) [60] рассматривает международную миграцию как селективный процесс: отток «вытягивает» людей с определенными социально-демографическими и личными особенностями характеристик, часть из которых не всегда может быть формализована. Например, компетентность выражается не только в квалификационных документах (дипломе, разряде и т. д.), но в большой мере отражает персональные качества мотивации, вовлеченности, интереса, интуиции, творческого подхода и др. Социальные коммуникации потенциальных (планирующих переезд) и состоявшихся мигрантов, благополучно интегрированных в социопрофессиональную и экономическую среду принимающего общества, одновременно сохранивших компоненты культурной идентификации, общие с исходным обществом.

В условиях цифровой среды и инновационной экономики знаний доверие и персональные качества, отражающие значимые черты человеческого капитала и неформализуемый уровень компетентности, приобретают особое значение. Цифровизация предполагает возможности формализовать значительную часть характеристик и процессов, но существенную роль играет накопленный багаж опыта за долгосрочный период совместных действий, позволяющих судить о качествах, которые могут служить решающим фактором для эффективного взаимодействия с принимающим обществом. Глобальная сеть Интернет способствует снижению транзакционных издержек, сокращению затрат времени и финансовых ресурсов на коммуникации, что повышает сравнительную важность нематериальных компонентов коммуникации, социокультурных мотивов и интересов интеграции. В результате возрастает потребность в исследовании цифровых коммуникаций не с технологической или финансово-экономической точки зрения (например, оценка цены на рынке труда), но прежде всего с социологической и социокультурной позиции изучения этнокультурной роли диаспоры [61].

Социологический анализ цифровых каналов социальных коммуникаций диаспоры и мигрантов включает в себя не только географическую близость стран, историческую и социально-экономическую общность постсоветского пространства, но и усиливает символическую, содержательную сторону единства, общности мигрантов, что, в свою очередь, усиливает идеологическую роль диаспоры.

Литература

1. *Ксенофонт*. Киропедия / пер. и коммент. В. Г. Борухович, Э. Д. Фролов. М.: Наука, 1976. 334 с.
2. *Thomas W., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America. New York: Dover Publications, 1958. 2250 p.
3. *Cooley C. H.* Human Nature and the Social Order. New York: Charles Scribner's Sons, 1922. 460 p.
4. *Schütz A.* Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Einleitung in der verstehende Soziologie. Wien: Springer, 1932. 286 s.
5. *Malinowski B.* The Dynamics of Culture Change An Inquiry into Race Relations in Africa. London: New Haven: Yale University Press, H. Milford, Oxford University Press, 1945. 171 p.
6. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
7. *Oberg K.* Cultural shock: Adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. No. 7. P. 177–182.
8. *Покровская Н. Н.* Нормативная и ценностная регуляция экономического поведения российских работников // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 3. С. 100–110.
9. *Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 352 с.
10. *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976. С. 144–171.
11. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / пер. А. Я. Алхасов, Н. Я. Мазлумянова. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
12. *Eliot T. S.* Four Quartets. New York: Harcourt (US), 1943. 40 p.
13. *Beale J. H.* A Treatise on the Conflict of Laws. New York: Baker, Voorhis & Co., 1935. 2127 p.
14. *Милитарев А.* О содержании термина «диаспора» (постановка вопроса) // Диаспоры. 2004. № 3. С. 24–33.
15. *Strangio D., Pokrovskaja N. N., D'Ascenzo F.* History, creativity and innovation of the 'Italia' network. The case of Russia // Annali del Dipartimento di Metodi e Modelli per l'Economia, Il Territorio e la Finanza 2018 (Annals of the Department of Methods and Models for Economics, Territory and Finance 2018). Rome: la Sapienza Università di Roma, 2018. P. 143–153.
16. *Мелконян Э.* Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния) // Диаспоры. 2000. № 1-2. С. 6–28.
17. *Абрамян Л.* Армения и диаспора: расхождение и встреча // Диаспоры. 2000. № 1-2. С. 52–76.
18. *Дятлов В. И.* Армяне России: диаспоральные стратегии интеграции // 21-й век. 2007. № 2 (6). С. 60–70.
19. *Дятлов В. И.* Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. 2004. № 3. С. 126–138.
20. *Reis M.* Theorizing Diaspora: Prospectives on "Classical" and "Contemporary" Diaspora // International Migration. 2004. Vol. 42. No. 2. P. 41–60.
21. *Слободской А. Л., Покровская Н. Н.* Социокультурная идентичность и экономическое поведение в современном российском обществе // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 206. Социология культуры: опыт и новые

- парадигмы // VI Санкт-Петербургские социологические чтения: Междунар. конф. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2015. С. 158–169.
22. *Sheffer G.* Transnationalism and Ethnonational Diasporism // *Diaspora*. 2006. Vol. 15. No. 1. P. 121–145.
 23. *Sheffer G.* A New Field of Study: Modern Diasporas in International Politics // *Modern Diasporas in International Politics* / ed. Gabriel Sheffer. London: Croom Helm, 1986. P. 1–15.
 24. *Butler K. D.* Defining diaspora, refining a discourse // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 2001. Vol. 10. No. 2. P. 189–219.
 25. *Pokrovskaja N., Margulyan Y.* Social regulations mechanisms in the post-modern changing world // *GISAP: Economics, Jurisprudence and Management*. 2014. Vol. 5. P. 6–8.
 26. *Keck M., Sikkink K.* Transnational Advocacy Networks in International and Regional Politics. Oxford, UK: Blackwell Publishers, UNESCO, 1999. P. 89–101.
 27. *Tölölyan K.* Restoring the Logic of the Sedentary to Diaspora Studies // W. Berthomière, G. Sheffer, L. Anteby. 2000 ans de diasporas. Rennes: Presses Universitaire de Rennes, 2000. P. 137–148.
 28. *Gold S. J.* From Nationality to Peoplehood: Adaptation and Identity Formation in the Israeli Diaspora // *Diaspora*. 2004. Vol. 13. No. 2/3. P. 331–358.
 29. *Adamson F. B., Demetriou M.* Remapping the Boundaries of 'State' and 'National Identity: Incorporating Diasporas into IR Theorizing // *European Journal of International Relations*. 2007. Vol. 13. No. 4. P. 489–526.
 30. *Айрапетян Э. М., Покровская Н. Н., Черных А. Б.* Социологический анализ трудовой и интеллектуальной миграции молодежи в условиях экономики знаний // *Социология и право*. 2020. № 2 (48). С. 27–37. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-2-27-37
 31. *Anderson B.* The Spectre of Comparisons: Nationalism, Southeast Asia and the World. London: Verso, 1998. 368 p.
 32. *Wei F., Alushev R. S., Pokrovskaja N. N.* Global harmonization of tax regulation within digital economy of knowledge: textbook. St-Petersburg: SSUE, 2019. 79 p.
 33. *Яковлев М. М., Покровская Н. Н.* Международное налогообложение и регулирование: учебник. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. 129 с.
 34. *Banerjee S.* Empire, the Indian Diaspora and the Place of the Universal // *Diaspora*. 2006. Vol. 15. No. 1. P. 147–166.
 35. *Попков В.* «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина // *Диаспоры*. 2002. № 1. С. 6–22.
 36. *Покровская Н. Н.* Новая экономическая архитектура в посткризисном мире: развитие регулятивных моделей // *Социология и право*. 2012. № 1. С. 20–33.
 37. *Янутш О. А.* «Инкультурация»: проблемы определения объема и содержания понятия // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 19. С. 173–175.
 38. *Бахшян А. Ж., Покровская Н. Н., Оганян К. М., Саакян А. К.* Ценностные ориентации в трудовом поведении и кросс-культурное исследование трудовой миграции. Ереван: Эдит Принт, 2012. 372 с.
 39. *Vasu S.* Diasporas transforming homelands: nuancing «collective remittance» practices in rural Gujarat // *Economic Political Weekly*. 2016. № 51 (41). P. 54–62.
 40. *Фэн В., Покровская Н. Н., Чуньчан Х.* Закономерности миграции специалистов в Китае и в России // *Человек и Труд*. 2007. № 8. С. 80–87.
 41. *Бесчасная А. А., Покровская Н. Н.* Перспективы развития российских городов в контексте образовательной миграции молодежи // *Регионология*. 2018. Т. 26. № 4. С. 742–763. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.742-763
 42. *Пруэль Н. А., Липатова Л. Н., Градусова В. Н.* Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы // *Регионология*. 2020. № 1 (110). С. 133–158.
 43. *Florida R.* The globalization of R&D: Results of a survey of foreign-affiliated R&D laboratories in the USA // *Research Policy*. 1997. Vol. 26. P. 85–103.
 44. *Авакова Э. Б., Покровская Н. Н.* Международный опыт регулирования глобальной интеллектуальной миграции // *Роль интеллектуального капитала в экономической,*

- социальной и правовой культуре XXI века: сб. науч. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2016. С. 419–426.
45. Авакова Э. Б., Покровская Н. Н. Подходы к изучению российско-итальянской интеллектуальной миграции // Актуальные проблемы социологии и управления межвузовский сб. науч. тр. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 27–35.
46. Kurtishi-Kastrati S., Ramadani V., Dana L. P., Ratten V. Do foreign direct investments accelerate economic growth? The case of the republic of Macedonia // International Journal of Competitiveness. 2016. Vol. 1. No. 1. P. 71–98. DOI: 10.1504/IJC.2016.075903
47. Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (дата обращения: 20.01.2021).
48. Бурова Н. В., Кущева Н. Б., Перрен-Бенсаэль Л., Покровская Н. Н. Влияние межкультурных и гендерных исследований на экономический рост: монография. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2016. 128 с.
49. Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102–109.
50. Pokrovskaja N. N. Tax, financial and social regulatory mechanisms within the knowledge-driven economy. Blockchain algorithms and fog computing for the efficient regulation // Proceedings of 2017 20th IEEE International Conference on Soft Computing and Measurements. Saint-Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2017. P. 709–712.
51. Geographic Mobility in the European Union: Optimising its Economic and Social Benefits // IZA Research Report. 2008. No. 19. 159 p.
52. Покровская Н. Н. Нормативная и ценностная регуляция экономического поведения российских работников // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 3. С. 100–110.
53. Faist Th. The Volumes and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford: Oxford University Press, 2000. 380 p.
54. Саакян А. К., Покровская Н. Н. Методологические подходы к анализу влияния денежно-кредитных и валютно-финансовых отношений на миграционную динамику // Сб. науч. ст. Гаварского государственного университета. № 3. Гавар (Армения): Гайкарли, 2017. С. 258–270.
55. Безбородова Т. М. К вопросу о социально-экономической природе миграции трудовых ресурсов в Россию из стран ближнего зарубежья // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2010. № 1. С. 76–80.
56. Платонов В. В., Статовская Е. Ю., Статовский Д. А. Локализация инновационных процессов: за пределами концепции географической близости // Инновации. 2015. № 7 (201). С. 56–59.
57. Pokrovskaja N. N. Leisure and Entertainment as a Creative Space-Time Manifold in a Post-Modern World // Handbook of Research on the Impact of Culture and Society on the Entertainment Industry / ed. R. G. Ozturk. Hershey, PA: IGI Global, 2014. P. 21–38. DOI: 10.4018/978-1-4666-6190-5
58. Джамангулов К. Э. Международная трудовая миграция на постсоветском пространстве: дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2007. 210 с.
59. Golohvastov D. V., Snisarenko S. O., Pokrovskaja N. N. Institutional Confidence and Economic Intelligence for the Performance at Macro and Micro Networks // Proceedings of The 4th International Conference on Management, Leadership and Governance ICMLG 2016 Host. Reading, UK: Academic Conferences and Publishing International Limited, 2016. С. 255–263.
60. Sjaadstad L. The costs and returns of human migration // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. No. 5. Part 2: Investment in Human Beings. P. 80–93.
61. Chen Y.-W., Racine E., Collins N. Gone but not forgotten: the (re-) making of diaspora strategies // Asian Ethnicity. 2015. Vol. 16. No. 3. P. 371–379.

Контактные данные:

Снисаренко С. О.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
(812) 575-11-30; e-mail: sos60@inbox.ru.

Айрапетян Э. М.: 0054, Ереван, Республика Армения, Давиташен,
4 квартал, ул. А. Микояна, д. 109/8; (374) 99-299-942;
e-mail: e-hayrapetyan91@mail.ru.

Хашковский А. В.: 191186, Санкт-Петербург, наб. Мойки, д. 48;
(812) 312-44-92; e-mail: achao@yandex.ru.

Contact Details:

Snisarenko S. O.: 44/A, Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190103, Russia;
(812) 575-11-30; e-mail: sos60@inbox.ru.

Hayrapetyan E. M.: 109/8 A, Mikoyan Str, 4th Block of Davitashen, Erevan,
Republic of Armenia, 0054; (374) 99-299-942; e-mail: e-hayrapetyan91@mail.ru.

Khashkovsky A. V.: 48, Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russia;
(812) 312-44-92; e-mail: achao@yandex.ru.

Чепиков Е. М., Трушина Т. Л., Овчинников В. П.

Сравнительный анализ двигательной активности студентов нефизкультурного вуза в период традиционного и дистанционного обучения

Chepakov E. M., Trushina T. L., Ovchinnikov V. P. Comparative Analysis of Motor Activity of Non-Physical High School Students During the Period of Regular and Distance Learning

В статье рассмотрены вопросы об уровне и качестве двигательной активности студентов нефизкультурного вуза при традиционном и дистанционном обучении. Показана важность дисциплины «Физическая культура и спорт» (элективной дисциплины) с точки зрения формирования физической культуры личности, способности направленного использования средств физической культуры и спорта с целью укрепления здоровья. Дан сравнительный анализ недельного объема двигательной активности студентов, продолжительности тренировочных занятий, представлены наиболее востребованные виды самостоятельных занятий физической культурой до введения ограничительных мер, связанных с COVID-19, и в период дистанционного обучения.

Ключевые слова: физическая культура и спорт (элективная дисциплина), двигательная активность студентов, тренировочные занятия, дистанционное обучение.

The article considers the motor activity of non-physical students in conventional and distance learning. The importance of the discipline “Physical Culture and Sport (Selective Discipline) is shown” in terms of the formation of physical culture of the individual, the ability to target the use of physical culture and sports in order to promote health. A comparative analysis of the weekly volume of motor activity of students, the duration of training sessions, shows the most popular types of independent physical education classes before the introduction of restrictive measures related to COVID-19 and during distance learning.

Keywords: physical culture and sports (selective discipline), students’ motor activity, training sessions, distance learning.

Физическая культура как явление характеризуется общекультурной и социальной деятельностью, результаты которой важны не только для отдельного человека, но и для общества в целом. В образовательной сфере деятельности студентов дисциплина «Физическая культура и спорт» (элективная дисциплина) призвана решать вопросы формирования физической культуры личности, способности направленного использования средств, форм и методов физической куль-

Чепиков Евгений Михайлович — доцент кафедры гимнастики и фитнес-технологий Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, кандидат педагогических наук, доцент.

Трушина Татьяна Леонидовна — старший преподаватель кафедры физического воспитания Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

Овчинников Владимир Павлович — доцент кафедры физического воспитания и спортивно-массовой работы Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, кандидат педагогических наук, доцент.

© Чепиков Е. М., Трушина Т. Л., Овчинников В. П., 2021

туры и спорта для укрепления здоровья, подготовки к будущей жизни. Одна из главных задач дисциплины — понимание социальной значимости физической культуры, ее роли в развитии личности и при подготовке к профессиональной деятельности.

Учеными установлено, что студенты, которые регулярно занимаются физической культурой и спортом, меньше болеют, более устойчивы к неблагоприятным факторам внешней среды, психологическим стрессам, лучше переносят умственную и физическую усталость, у них повышается способность адаптации организма к факторам внешней среды [1, с. 17, 28; 2, с. 14–17]. Главная причина снижения здоровья студентов — дефицит двигательной активности [3, с. 4; 4, с. 89].

В настоящее время, в условиях пандемии коронавируса COVID-19, вопросы оптимизации двигательной активности студенческой молодежи становятся еще более актуальны. Известно, что для поддержания хорошего физического состояния недельный объем двигательной активности студентов должен составлять от 10 до 15 часов [5, с. 1–12; 6, с. 91]. Задачей настоящего исследования служит анализ уровня двигательной активности студентов нефизкультурного вуза в период традиционного и дистанционного обучения. Для сравнения использовались результаты проведенного исследования до введения дистанционного обучения, в котором приняли участие 437 студентов дневного обучения [7, с. 216], и результаты повторного исследования с участием 188 студентов дневного обучения.

Сравнительный анализ результатов проведенных исследований показал, что при дистанционном обучении двигательная активность студентов значительно снизилась. Установлено, что при традиционном обучении у 42 % студентов нефизкультурного вуза недельная двигательная активность соответствует норме. Средний показатель времени с учетом практических занятий по дисциплине «Физическая культура и спорт» (элективной дисциплине) у студентов в неделю — 9 часов 6 минут. При этом 1–2 часа в неделю занимались 19 % студентов, 3–4 часа — 32 %, 5–6 раз — 26 %, 7–8 часов — 11 %, 10–12 часов — 6 %, 13–16 часов — 5 %, более 16 часов — 1 %.

В период дистанционного обучения лишь 5,8 % студентов выполняли недельную норму двигательной активности, необходимую для нормального поддержания физического состояния своего организма. Средний показатель времени занятий также существенно снизился — до 4 часов 30 минут в неделю. При этом 1–2 часа в неделю занимались 24 % студентов, 3–4 часа — 37,5 %, 5–6 раз — 21,5 %, 7–8 часов — 11,5 %, 10–12 часов — 3 %, 13–16 часов — 1,5 %, более 16 часов — 1 %, что отражено на рисунке 1.

На вопрос «Сколько раз в неделю Вы занимались физическими упражнениями?» даны следующие ответы:

- при традиционном обучении один–два раза в неделю занимались 42 % студентов, три раза — 35 %, пять–шесть раз — 23 %;
- в период дистанционного обучения один–два раза в неделю занимались 33 % студентов, три раза — 39 %, пять–шесть раз — 28 %.

Продолжительность тренировочных занятий при традиционном обучении была следующей: у 20 % студентов занятие продолжалось не более 20 минут, у 20 % — 40 минут, 21 % — занимались 60 минут, 39 % — тратили 90 минут и более на занятие. При дистанционном обучении 17 % студентов отводили на свои занятия не более 20 минут, 29 % — 40 минут, 34 % — выполняли физические упражнения 60 минут, 20 % — тратили на каждое занятие 90 минут и более, как показано на рисунке 2.

По итогам анализа ответов на вопрос «Ведете ли Вы дневник самоконтроля?» выявлено, что при традиционном обучении дневник самоконтроля вели лишь

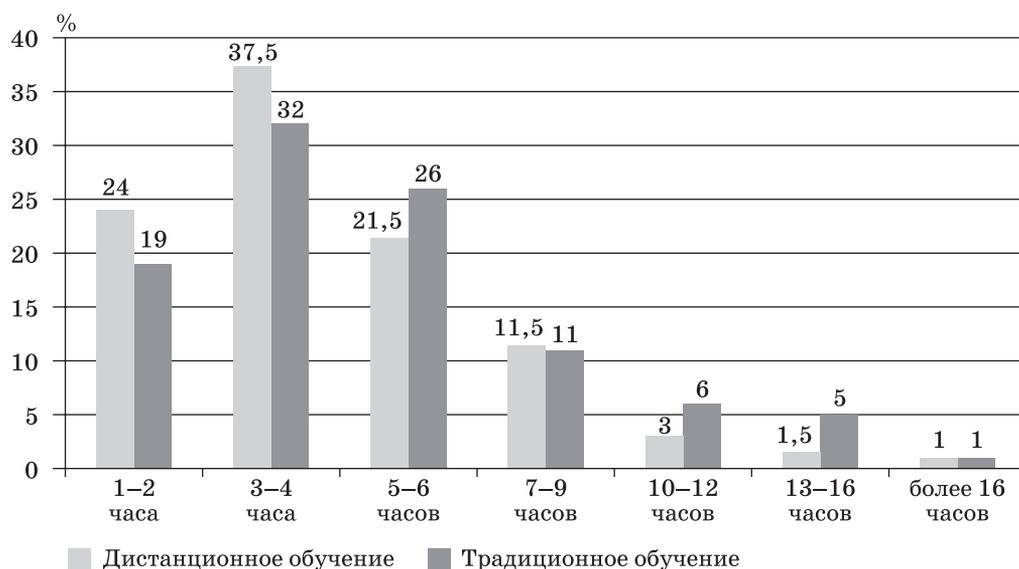

Рис. 1. Сравнительный анализ двигательной активности (часов в неделю) студентов в период традиционного и дистанционного обучения, %

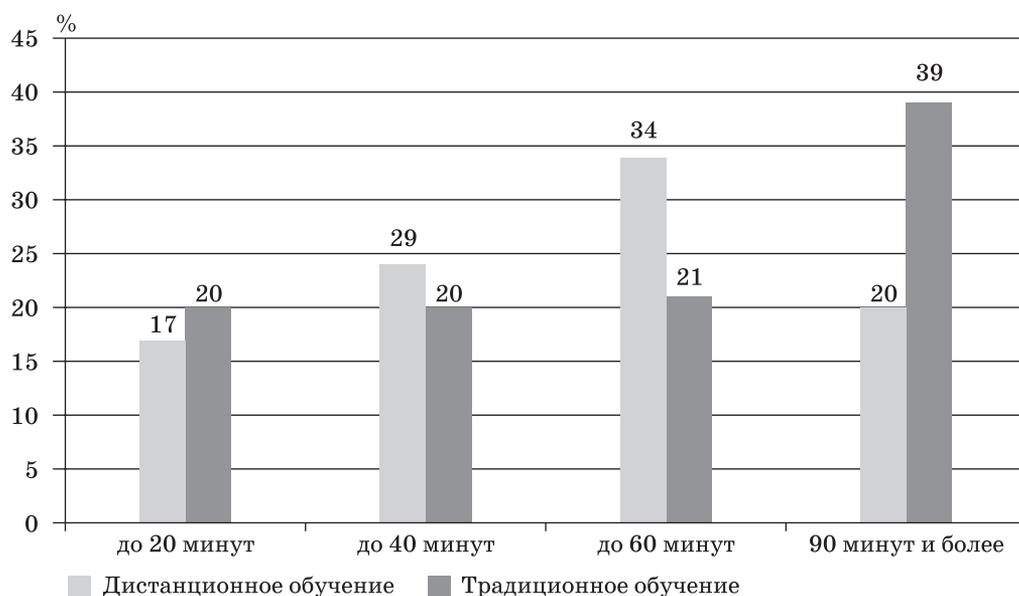

Рис. 2. Сравнительный анализ продолжительности тренировочных занятий (часов) студентов в период традиционного и дистанционного обучения, %

4 % студентов, при дистанционном — 17, 6 %. Ранжирование позволило определить основные виды физической культуры, которые предпочитают студенты на самостоятельных занятиях. При традиционном обучении наиболее популярны бег (26 %), плавание (21 %), общая физическая подготовка (11 %), танцы (10 %), фитнес, волейбол (9 %), гимнастика, стретчинг, футбол (5–7 %), ходьба, баскетбол, атлетическая гимнастика, утренняя гимнастика, настольный теннис (4 %),

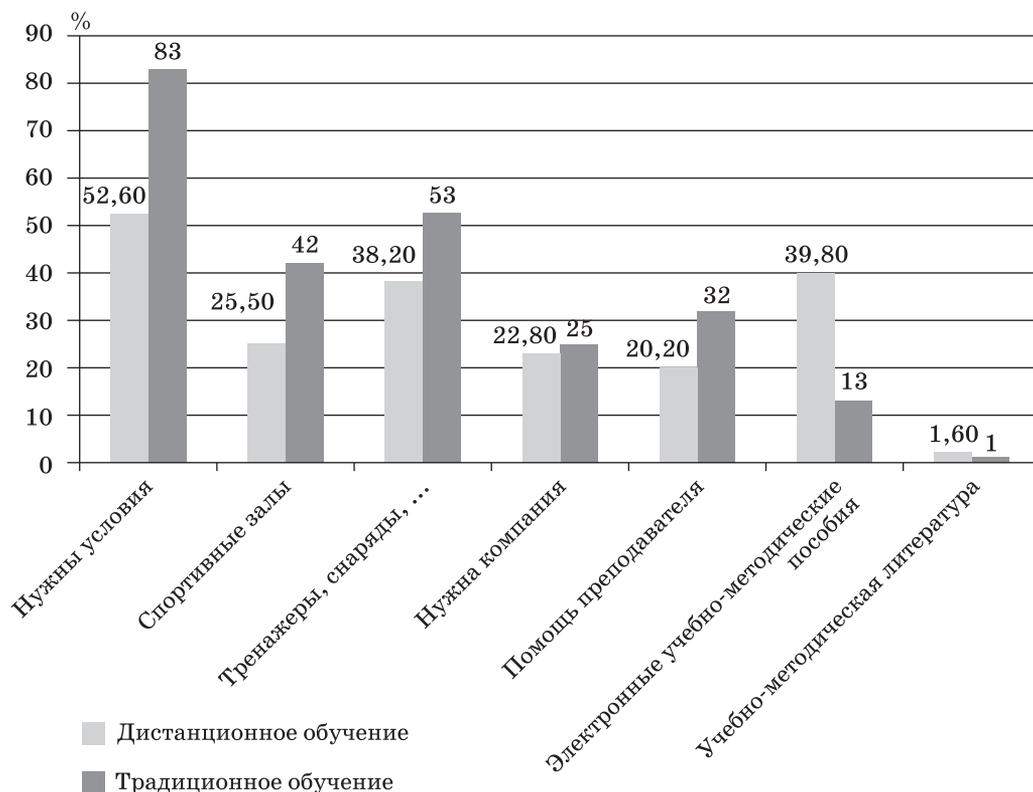

Рис. 3. Сравнительный анализ качества самостоятельных тренировочных занятий студентов в период традиционного и дистанционного обучения, %

тяжелая атлетика, велоспорт, единоборства (3 %). На дистанционном обучении наиболее востребованы фитнес (21 %), утренняя гимнастика (16,4 %), общая физическая подготовка, стретчинг (13,8 %), ходьба (11,7 %), бег (9,6 %), танцы, йога, гимнастика (7 %), кардио- и силовые упражнения (3,2 %), плавание (2,7 %).

В процессе исследования удалось выяснить, какие именно условия необходимы для более качественного проведения самостоятельных занятий студентами вузов по дисциплине «Физическая культура и спорт», что находит отражение на рисунке 3.

Большинство студентов (83 % — при традиционном обучении, 52,6 % — при дистанционном) отмечают, что для более качественного проведения самостоятельных занятий нужны условия. В качестве важнейших условий традиционного обучения 53 % респондентов указали на необходимость тренажеров, спортивных снарядов, оборудования, инвентаря. При этом 42 % студентов считают, что необходимы доступные спортивные залы, спортивные площадки. На дистанционном обучении для повышения качества проведения самостоятельных занятий, по мнению 39,8 % студентов, нужны качественные электронные учебно-методические пособия с видеоизображениями техники выполнения упражнений и звуковыми комментариями к ним. Согласно мнению 38,2 % опрошенных, необходимы спортивные тренажеры, снаряды, инвентарь.

В качестве альтернативных вариантов ответов среди студентов при традиционном обучении указаны такие: «нужна большая мотивация», «нужно желание», «надо, чтобы больше заставляли», «чтобы была программа занятий и правильное питание»,

«нужны программы по коррекции фигуры», «широкий выбор литературы, взгляд со всех сторон» и другие. На дистанционном обучении в числе ответов представлены такие как «нужна мотивация, чтобы стать лучше», «желание тренироваться», «необходимо время, иначе дистанционные задания по предметам занимают 16–18 часов в день», «напоминание о связи физической нагрузки с психологическим здоровьем, роль физической нагрузки в стрессоустойчивости и продуктивности, напоминание о том, какие заболевания влечет за собой сидячий образ жизни» и ряд других.

В целом проведенные исследования позволили выявить уровень двигательной активности студентов в разные периоды их обучения (традиционного и дистанционного), отношение их к самостоятельным занятиям по дисциплине «Физическая культура и спорт» (элективной дисциплине).

1. Выявлено, что менее половины (42 %) студентов имеют необходимый объем двигательной активности при традиционном обучении (из расчета 10–15 часов в неделю) и лишь 5,8 % — выполняют недельный уровень двигательной активности на дистанционном обучении.

2. Средний показатель двигательной активности (часов в неделю) снизился с 9 часов 6 минут (при традиционном обучении) до 4 часов 30 мин (на дистанционном обучении).

3. На дистанционном обучении у студентов увеличилось количество самостоятельных занятий в неделю. Исследование показало, что на 4 % студенты стали заниматься чаще физической культурой три раза в неделю, на 5 % чаще тренируются пять–шесть раз в неделю. Вместе с тем снизилось количество студентов, занимающихся один–два раза в неделю (с 42 % до 33 %).

4. Продолжительность самостоятельных тренировочных занятий студентов в период дистанционного обучения увеличилась в средних временных значениях до 40 минут (с 20 % до 29 %), 60 минут (с 21 % до 34 %). Уменьшилось количество студентов, занимающихся до 20 минут (с 20 % до 17 %), а также на тренировках — 90 минут и более (с 39 % до 20 %), как видно на рисунке 2.

5. В период дистанционного обучения студенты стали чаще вести дневник самоконтроля, что говорит о грамотном планировании самостоятельных занятий, осуществлении педагогического анализа тренировочных занятий, умении регулировать физическую нагрузку.

6. Основными видами самостоятельных занятий физическими упражнениями при традиционном обучении были бег, плавание, общая физическая подготовка, танцы, спортивные игры и другие, то есть речь идет о доступных видах прежде всего при групповых занятиях. На дистанционном обучении основными видами стали фитнес, утренняя гимнастика, общая физическая подготовка, стретчинг, ходьба, йога, гимнастика и другие. Следовательно, упражнения, не требующие больших помещений, можно выполнять индивидуально, в домашних условиях.

7. Для более качественных самостоятельных занятий физической культурой при традиционном обучении, по словам студентов, необходимы тренажеры, спортивные снаряды, инвентарь, а также спортивные залы и площадки. На дистанционном обучении, по мнению студентов, к основным условиям отнесены качественные электронные учебно-методические пособия с видеоизображениями техники выполнения упражнений и звуковыми комментариями к ним. Необходимы при этом тренажеры и спортивные снаряды, инвентарь.

Таким образом, пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 показала значимость физической культуры как области социальной деятельности, направленной на сохранение и укрепление здоровья человека в процессе осознанной двигательной активности. Оптимизация двигательной активности студентов современного вуза является важной составляющей педагогической деятельности

коллективов кафедр физического воспитания вузов. Основной дисциплиной в рамках гуманитарного образования, выступающей в качестве результирующей меры комплексного воздействия различных форм, средств и методов на личность студента, будущего специалиста в процессе формирования профессиональных его компетенций, справедливо можно признать элективную дисциплину «Физическая культура и спорт». Поэтому создание необходимых условий для ведения физкультурной деятельности студентов, приобщения их к физкультурно-массовым и спортивным мероприятиям — залог здоровья будущих поколений.

Литература

1. Давиденко Д. Н., Соколов В. Г., Степанов В. С., Чистяков В. А. Основы культуры здоровья студентов: учеб. пособие. Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2009. 145 с.
2. Виленский М. Я., Горшков А. Г. Физическая культура: учебник. М.: КНОРУС, 2016. 214 с.
3. Горелов А. А., Лотоненко А. В., Румба О. Г. Двигательная активность и здоровье студенческой молодежи России // Культура физическая и здоровье. 2010. № 2 (27). С. 4–8.
4. Курова Н. В., Косарева О. В., Тихомиров Ю. И. Здоровьесберегающие технологии как фактор сохранения и укрепления здоровья студентов в вузе // Физическое развитие студентов в современном мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2019. С. 89–91.
5. Сомов Н. И., Сомова Ф. Г. Основы методики самостоятельных занятий физической культурой и спортом: учеб. пособие. Екатеринбург: Уральский государственный технический университет, 1997. 102 с.
6. Кислицин Ю. Л., Кислицина Л. Ю., Пермьяков И. А. Методические основы организации самостоятельных занятий физическими упражнениями // Физиологическое обоснование учебного процесса по физическому воспитанию учащейся молодежи (теоретические и методико-практические аспекты): учеб. пособие. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2006. С. 91–101.
7. Чепиков Е. М., Трушина Т. Л., Никулина Л. Б. Оптимизация двигательной активности студентов современного вуза // Спортивно-массовая работа и студенческий спорт: возможности и перспективы: материалы III науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. В. И. Храпова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2017. С. 216–223.

Контактные данные:

-
- Чепиков Е. М.:** 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48; (812) 571-45-76; e-mail: echepakov@yandex.ru.
Трушина Т. Л.: 191186, Санкт-Петербург, Большая Морская ул., д. 18; (812) 571-86-75; e-mail: tatyana.truschina@yandex.ru.
Овчинников В. П.: 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48; (812) 312-34-22; e-mail: karmala59@yandex.ru.

Contact Details:

-
- Chepakov E. M.:** 48, Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russia; (812) 571-45-76; e-mail: echepakov@yandex.ru.
Trushina T. L.: 18, Bolshaya Morskaya Str., St. Petersburg, 191186, Russia; (812) 571-86-75; e-mail: tatyana.truschina@yandex.ru.
Ovchinnikov V. P.: 48, Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russia; (812) 312-34-22; e-mail: karmala59@yandex.ru.

Аносов Б. А.

Особенности этногенеза уйгурского национального меньшинства на территории современной КНР

Anosov B. A. Features of the Ethnogenesis of the Uyghur National Minority on the Territory of the Modern PRC

Уйгурский вопрос особенно актуален на протяжении последних нескольких лет. На него обращают внимание прежде всего западные демократические страны. В настоящей статье рассмотрена предыстория возникновения современного уйгурского вопроса в Китайской Народной Республике (КНР). Предпринята попытка изучить и обобщить предыдущие исследования, посвященные этой теме, а также выявить факторы, влияющие на замедление успешного решения центральным правительством КНР данного вопроса.

Ключевые слова: уйгуры, этнос, КНР, СУАР, этногенез, ханьцы, ислам.

The Uyghur issue has been an extremely topical topic for the past few years, which has been paid attention, first of all, by Western democratic countries. This article examines the prehistory of the emergence of the modern Uyghur issue in the PRC, an attempt is made to investigate and summarize previous studies on this topic, as well as to identify the factors that slow down the successful solution of this issue by the central government of the PRC.

Keywords: Uighurs, ethnos, PRC, XUAR, ethnogenesis, Han people, Islam.

Уйгуры — это тюркский коренной народ Восточного Туркестана, ныне Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) Китая. Первые достоверные исторические сведения о проживании уйгуров на территории современного СУАР относятся к концу V века н. э., что позволяет заявлять о том, что уйгуры являются автохтонным этносом для Синьцзяна (新疆, дословно с китайского переводится как «новая граница»). История совместного проживания уйгуров и ханьцев на территории Синьцзяна имеет периоды и мирного сосуществования, и жесткой конфронтации. Участие ханьцев в уйгурском этногенезе неоспоримо, как и неоспорим факт фенотипического, культурного и бытового различия этих двух этнических групп.

Вопрос этногенеза уйгуров считается крайне сложным, поскольку сегодня данную этническую группу принято считать коренным населением на территории СУАР. Однако у разных исследователей разные мнения по вопросу территории этногенеза уйгурского этноса. Некоторые ученые считают, что территорией этногенеза ряда центральноазиатских этносов (в том числе уйгуров, казахов, киргизов и др.) является Восточный Туркестан [1].

Уйгуры относятся к древнейшим центральноазиатским племенным союзам, а их язык — к тюркской группе алтайской языковой семьи. Они исповедуют исламскую религию суннитского толка (на ранних этапах распространения ислама уйгуры принадлежали к секте суфизма). По мнению Е. С. Баженовой и

Аносов Борис Андреевич — младший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Центра азиатско-тихоокеанских исследований (сектора экономики и политики Китая).

© Аносов Б. А., 2021

А. В. Островского, в процессе этногенеза уйгуров принимали участие несколько древних народов: саки (восточно-иранская языковая группа), юэчжи (иранский народ в Центральной Азии), цяны (племена древнетибетской языковой группы, проживавшие на северных отрогах Куньлуня) и обитавшие в Турфанской долине ханьцы [2]. Уйгурские племена вели оседлый образ жизни, в основном занимаясь земледелием.

Существует «токуз-огузская» проблема в этногенезе уйгуров [3]. Токуз-огузы — это кочевые племена, располагавшиеся в Центральной Азии в VI–IX вв. История данной этнической группы восходит к племени *гаоцзюй* или *гаогюй* (高車 в переводе — «высокие телеги»), которое проживало на территории современной Монголии. В конце V в. гаоцзюй, отвоевав территорию у Жужаньского каганата (330–555 гг. н. э.), создали собственное государство, название которому дали китайцы. Дословно оно переводится как «высокие телеги». Племя гаоцзюй было лояльно к китайцам, рассчитывая получить шелк на одежды [4], поэтому перекочевало на территорию современного Турфана (восточная часть СУАР, юго-восточное предгорье Тянь-Шаня).

Существуют две версии этногенеза токуз-огузов: огузская и уйгурская. Исследователи, поддерживающие огузскую версию, отождествляют огузов (самоназвание племенного союза гаоцзюй [5]) и токуз-огузов, считая последних частью огузских племен. Однако большая часть уйгуроведов [3] признают токуз-огузов и уйгуров одной этнической группой, утверждая, что огуз — этнический термин, а уйгур — политический.

Одним из первых государств, объединивших тюркские племена, можно назвать Тюркский каганат, созданный в 552 г. к северу от территории современного Китая, который к концу VI в. из-за вмешательства китайской империи Суй (581–618) и внутренних междоусобиц распался на восточную и западную части [6]. В середине VII в. территория современного Синьцзяна, называвшаяся китайскими императорами (III–VIII вв. н.э.) «западным краем» (кит. *си юй* 西域) [7], была захвачена китайской династией Тан (618–907). Китайский император после нанесенного им удара и поражения Восточно-тюркского каганата на несколько десятилетий получил контроль над опорными пунктами Великого шелкового пути.

В начале VIII в. уйгурские племена в современной Монголии и СУАР создали Уйгурский каганат, в который входили токуз-огузы, состоящие из девяти родов, басмалы, восточные карлуки и шесть телесских племен. В это же время на территории Восточного Туркестана начал распространяться принесенный из Средней Азии ислам. Образование уйгурского каганата способствовало дальнейшему переселению уйгурских племен на территорию нынешнего Синьцзяна. Во второй половине IX в. на территории Восточного Туркестана было создано Уйгурское Турфанское идыкутство с центром в Турфане. «Идыкут» или «идыкут» — титул правителя (дословный перевод — «святое блаженство») [8]. К концу первого тысячелетия уйгуры осели в районах Яньци, Турфана и Джимсара (кит. 焉耆 Яньци, 吐魯番 Тулуфань, 吉木薩爾 Цзимусаэр).

В начале XIII в. в ходе завоеваний Монгольской империи уйгурский идыкут заявил о покорности монгольскому хану и попал в вассальную зависимость. В 1227 г. после смерти Чингисхана (1162–1227) большая часть Уйгурского идыкутства попала в улус его второго сына, Чагатая (1185–1242), восточные земли (Турфан и Кумул) оказались в зависимости от третьего сына Чингисхана, Угэдэя (1186–1241).

Господство монголов на территориях Восточного Туркестана плохо сказалось на состоянии экономики и культуры региона: города беднели и опустошались, а

торговые связи с соседними государствами ослабевали [9]. В этот период продолжилась ассимиляция уйгуров с киданями и монголами [10]. В середине XIV в. образовано государство Могулистан, которое в 1368 г. захватило Турфан и уничтожило Турфанское идыкутство.

Большинство исследователей сходится во мнении, что племена и государства на территории современного СУАР имели связи не только с монголами, но и с китайскими династиями. По мнению А. В. Островского, в XVI–XVII вв. между Яркендским ханством и династией Мин (1368–1644) существовали тесные политические и хозяйственные связи [2]. В Белой книге о борьбе с терроризмом и экстремизмом и защите прав человека в Синьцзяне (кит. 新疆的反恐、去极端化斗争与人权保障 白皮书 «Синьцзян дэ фанькун, цюй цзидуаньхуа доучжэн юй жэньцюань баочжан» байпишу) приведено упоминание об учреждении династией Мин в Хами (кит. 哈密地 Хамиди) (северо-восток Синьцзяна) гарнизонного командования для управления местными делами [11].

В конце XVII в. в результате первой ойратско-маньчжурской войны (1690–1697) Хамийский бек Абдула в конце XVII — начале XVIII в. первым открыто выступил против джунгарской администрации, которая правила в тот период к северу и югу от Тянь-Шаня. Абдула объявил о признании власти династии Цин (1636–1912). Потомки Абдулы получали от китайских императоров грамоты о титуловании и печати, свидетельствовавшие о признании их полномочий центральным правительством Китая [12].

После третьей ойратско-маньчжурской войны (1755–1759), когда войска династии Цин разгромили Джунгарское ханство, ускорился процесс признания вождями западных царств на территории Китайской империи центрального правительства [13]. Для укрепления собственной власти цинское правительство в 1762 г. учредило должность Илийского генерал-губернатора (總督 *цзунду*), в ведении которого находилась военно-административная деятельность в западных регионах империи. Однако до конца правления цинской династии в районах компактного проживания уйгуров сохранилась традиционная для их социально-политического уклада феодально-бюрократическая система беков (феодалов-чиновников, чья власть переходила от отца к сыну).

Присутствие властей центрального китайского правительства в Восточном Туркестане не устраивало местное население. Результатом народного недовольства стали восстания в 1816 г. (первое восстание, и, хотя его успешно подавило китайское правительство, народ смог убедиться в недостаточной прочности цинского правительства), 1825–1827 гг., 1830 г., 1847 и 1857 гг. Кризис в китайской империи в середине XIX в. еще более углубил классовые противоречия в регионе и позволил местному населению вести антиправительственную борьбу, поскольку фокус внимания цинского правительства был смещен в другие регионы.

Самым крупным восстанием считается Кучарское восстание 1864 г., охватившее обширные территории Синьцзяна. Его результатом стало образование независимого государственного владения (1865–1877) Якуб-бека (1820–1877) [14] (Йеттишар), который смог захватить Кашгар и Урумчи. В его государство входила вся территория современного Синьцзяна кроме Илийского края. По мнению А. В. Островского, правительство Якуб-хана было интервенционистским [2].

В 1875 г. цинское правительство организовало «западный поход» Цзо Цзунтана (左宗棠, 1812–1885). Войска Цзо Цзунтана сначала захватили Урумчи, к 1877 г. были захвачены практически все территории Йеттишара. В 1877 г. Якуб-бека взяли в плен, и после его смерти Йеттишар распался на три государства, что позволило Цзо Цзунтану подавить антиправительственные настроения на территории Синьцзяна. «Западный поход» по большей части был спонсирован

не цинским правительством, а английскими банками, которые преследовали интерес ослабления Российской империи в Средней Азии в рамках так называемой большой игры Британской и Российской империй за господство в Южной и Центральной Азии в XIX — начале XX в. [15].

Войска Цзо Цзунтана подошли к Илийскому краю, находившемуся под властью Российской Империи с 1871 г., когда российские власти, не признавая власть Якуб-хана, подавили мятежников в Илийском крае, с обещанием передать данную территорию цинскому правительству, если Якуб-хан потерпит поражение [16]. В 1879 г. подписан Ливадийский договор. Однако китайское правительство его не ратифицировало, и в 1881 г. подписан Петербургский договор, по которому Россия передавала Китаю Илийский край [17].

В 1884 г. цинский император Цзайтянь (愛新覺羅載湉, 1871–1908, правил в 1875–1908 гг.) издал указ, по которому Синьцзян стал китайской провинцией с центром в городе Дихуа (迪化, ныне г. Урумчи). Генерал-губернатором провинции назначен Лю Цзиньтан (劉錦棠, 1844–1894) [18], принимавший активное участие в «Западном походе» при осаде и захвате Турфана [19].

Включение Синьцзяна в китайскую империю военным путем, а также внутривосточные процессы региона в начале XX в. привели к активизации недовольства уйгурского населения. Туркестанское восстание в Российской империи 1900–1901 гг. повлекло за собой поток мусульманских беженцев на территорию Восточного Туркестана, что привело к увеличению протестной базы региона. По мнению китайского правительства, именно в начале XX в. ничтожное число синьцзянских раскольников и религиозных экстремистов под влиянием мирового религиозного экстремизма и национального шовинизма решило политизировать нестандартное географическое название «Восточный Туркестан» и выдумало некую «идейно-теоретическую концепцию» о «независимости Восточного Туркестана» [11]. Целью данной социальной группы, по мнению Пекина, являлось создание теократического государства и написание собственной истории без истории «создания великой родины всеми национальностями Китая».

После Синьхайской революции, когда Ян Цзэнсинь (楊增新, 1859–1928) стал губернатором, в 1912–1913 гг. на территории Синьцзяна прокатилась волна восстаний в Ечэне, Яркенде и Хотане. Особенно активными были восстания в Хами (Кумуле). Предводителем восстания стал Тимур Халпа, которого вскоре отравили на банкете Ян Цзэнсиня, посредника между китайским правительством и бунтующими. В восстаниях принимал участие и Ходжа Нияз (1889–1941), будущий президент Первой Восточно-Туркестанской республики, бежавший после отравления Тимура Халпы в Россию.

В 1920-е гг. Советская Россия начала интересоваться внутренними делами Синьцзяна. Некоторые члены большевистской партии выступали за создание Кашгарской и Джунгарской советских республик. В 1921 г. на конференции в Ташкенте, куда были приглашены делегаты со всего Синьцзяна, для сплочения этнических групп региона предложено ввести единый этноним для населения Синьцзяна — уйгуры. В тот момент данный этноним был отвергнут большинством делегатов, которые предпочитали называть себя тюрками [10]. После убийства Ян Цзэнсиня в 1928 г. губернатором Синьцзяна стал этнический ханец Цзинь Шужэнь (金樹仁, 1879–1941), проводивший неудачную политику, приведшую к ухудшению социально-экономической обстановки: политика китаизации региона и насильственное сближение с китайским правительством в Нанкине, запрет на участие в хадже, упразднение Хамийского ханства в 1930 г. и учреждение двух уездов во главе с ханьцами, которые грабили и разоряли местное население, особенно уйгуров [20].

В апреле 1931 г. в Синьцзяне началось Кумульское восстание, поводом к которому стала попытка этнического ханьца силой овладеть девушкой-уйгуркой [21]. Главой восстания был Ходжа Нияз, в 1927 г. вернувшийся в Кумул, и Юлбарс-хан (1889–1971). Поддержал восстание Ма Чжунин (馬步英, 1910–1936). Он направился с дунганской дивизией в Синьцзян, чтобы помочь восставшим. Осенью 1931 г. произошли первые столкновения между восставшими и бывшими белогвардейцами, стоявшими на службе у китайского правительства (в городах Турфан и Хами), в результате которых повстанцы отступили.

С самого начала восстания в нем пытались участвовать иностранные державы с целью противодействия СССР в регионе Синьцзяна. Япония после оккупации Маньчжурии предпринимала попытки расширить свое влияние и на северо-запад Китая, выступала за созыв мусульманского съезда и обсуждение проблемы Восточного Туркестана. Англия также ратовала за независимость Восточного Туркестана и создание региона напряженности относительно СССР. Для СССР обострение ситуации в Синьцзяне было крайне невыгодным: усиление позиций Англии и Японии в регионе; национально-освободительное движение в Синьцзяне могло повлиять на социальную стабильность в советских центральноазиатских республиках [22]; советские отношения с губернаторами Синьцзяна были крепкими, все из них лояльны советскому правительству. Поэтому СССР не был заинтересован в смене власти в регионе. Тем не менее советское правительство оказало помощь восставшим, перебросив несколько тысяч солдат.

В 1933 г., после захвата Кашгара, 12 ноября провозглашено создание Тюркской Исламской республики Восточный Туркестан (ТИРВТ, Первая Восточно-Туркестанская республика), премьер-министром которой стал Сабит Абдулбаки Дамулла (1883–1934), а президентом заочно избран Ходжа Нияз. Республика выработала собственную конституцию, построенную на принципах шариата. Во внешнеполитической доктрине упор был сделан на Турцию и Великобританию [23]. Социальной опорой республики стали крупные уйгурские торговцы, феодалы, а также духовенство [24].

ТИРВТ не была поддержана советским правительством, направившим «Алтайскую добровольческую армию», которая оказала поддержку губернатору Синьцзяна Шэн Шицаю (盛世才, 1895–1970) и разгромила войска Ма Чжунина. Последний в апреле 1934 г. бежал на территорию СССР (центральноазиатские территории). Ходжа Нияз также бежал в СССР, где в апреле 1934 г. подписал документы о ликвидации ТИРВТ.

Волнения в Синьцзяне 1931–1934 гг. стали маркером острой социальной напряженности в регионе. Территориальный и социальный масштаб восстания был огромным. Но из-за несогласованности этнических групп, узости взглядов лидеров движения, а также внешнего вмешательства СССР восстание не закончилось выполнением поставленных задач и водворением социальной стабильности. Данные события показали, что влияние СССР в регионе было крайне велико.

В 1933 г. Шэн Шицай опубликовал шесть принципов работы своего правительства, ярко отражавших влияние Советского Союза на регион. Среди них — борьба с империализмом, дружба с советским правительством, расовое и национальное равенство, борьба с произволом бюрократии, борьба за мир и строительство новой экономики Синьцзяна [25]. Однако подобная верность советскому правительству и марксистским принципам не устраивала население Синьцзяна.

С середины 1936 г. один из лидеров уйгурской общины, Мамут Сиджан, приступил к агитации за создание независимого уйгурского государства, а также к борьбе с правительством Шэн Шицая. К апрелю 1937 г. восстание в Синьцзяне достигло таких масштабов, что Шэн Шицай вновь обратился за помощью к со-

ветскому правительству. Для борьбы с шестой уйгурской дивизией, которая фактически подчинялась Мамут Сиджану, в Синьцзян «под видом проведения учений в горных лагерях» были направлены два советских полка [26]. Советские войска вновь помогли губернатору Синьцзяна подавить народные волнения.

События 1937 г. в очередной раз продемонстрировали прочность отношений Синьцзяна и СССР. Примечательно, что в то время у Синьцзяна была собственная валюта, стабильность которой обеспечивалась Госбанком СССР. В 1938 г. во время визита в Москву Шэн Шицай принят в ВКП(б), получив партийный билет № 1859118 [27]. Важно отметить, что советское правительство никогда не ставило своей целью отторгнуть Синьцзян от Китая [28]. Синьцзян всегда рассматривался как лояльная буферная зона, обладающая большими запасами природных ископаемых, как важный торговый партнер в Средней Азии.

Начало Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. изменило расстановку сил в регионе. Советское правительство, сфокусировавшись на западном фронте, начало сокращать военную помощь Синьцзяну. Правительство Шэн Шицай предпринимало меры к сближению с правительством Гоминьдана. С 1942 г. губернатор Синьцзяна начал вести антисоветскую кампанию: отстранение членов Коммунистической партии Китая (КПК) от занимаемых должностей в правительстве региона, запрет на мероприятия советско-китайских коммунистических организаций [29]. Шэн Шицай, дестабилизируя отношения с СССР, выступал за включение в диалог Чана Кайши как посредника между Урумчи и Москвой. В 1942 г. при невыясненных обстоятельствах был убит брат Шэн Шицай, Шэн Шици (盛世骐, 1901–1942) [30], после чего Москва и Урумчи обвинили друг друга в случившемся.

К 1944 г. в северных частях Синьцзяна (Илийском, Тарбагатайском и Алтайском округах) социальная нестабильность достигла апогея. Причинами некоторые исследователи считают тяготы начавшейся в 1937 г. японо-китайской войны (1937–1945), усиление политики дискриминации в регионе (в пользу ханьцев) и полное прекращение экономических связей с СССР [31], а также голод и эпидемии в деревнях.

В начале ноября 1944 г. вспыхнуло вооруженное восстание. Его поводом послужил указ правительства в Урумчи о поставке армии Гоминьдана десяти тысяч лошадей. Альтернативой предлагалось внесение в казну семисот синьцзянских юаней, хотя реальная стоимость лошадей была вдвое ниже [32]. К 15 ноября 1944 г. на территории трех вышеуказанных областей было провозглашено создание Восточно-Туркестанской республики (ВТР). Ее президентом стал Алихан Шакирходжаев (1885–1976), узбек по происхождению. В составе правительства находились также представители татарской и уйгурской этнических групп.

По мнению О. В. Зотова, основными пунктами программы правительства ВТР являлись ликвидация Гоминьдана; демократия и равноправие этнических групп; развитие промышленности и сельского хозяйства; укрепление систем образования и здравоохранения; дружба с СССР [33]. Советское правительство, согласно пункту № 3 приложения к китайско-советскому договору о сотрудничестве (о невмешательстве СССР во внутренние дела Синьцзяна), принуждало правительство ВТР к переговорам с Гоминьданом [34]. В середине 1946 г. между правительством Чана Кайши и правительством ВТР были подписаны положения о мирном урегулировании вооруженного конфликта («соглашение из 11 пунктов»), которые предусматривали создание коалиционного правительства.

К концу 1948 г. правительство Гоминьдана начало терпеть решающие поражения от КПК, а к лету 1949 г., когда гоминьдановцы были окончательно разгромлены, Мао Цзэдун назначил на осень созыв Народного Политического Кон-

сультационного Совета с целью провозглашения КНР. Мао Цзэдун объявил, что революция в трех округах Синьцзяна — часть всекитайской революции, и в Пекин была приглашена делегация из членов правительства ВТР. Маршрут делегации из Кульджи в Пекин проходил через Алма-Ату и Иркутск, чтобы у Ахметжана Касыми (второго президента ВТР) была возможность встретиться с советскими дипломатами, которых он хотел убедить в необходимости сохранения ВТР, а не вхождения в состав КНР [35]. 25 августа 1949 г. самолет с делегацией ВТР разбился в Забайкальском крае при невыясненных обстоятельствах. После смерти Ахметжана Касыми главой правительства ВТР стал Сайфутдин Азизов (1915–2003), который впустил войска Народно-освободительной армии Китая (НОАК) на территорию Синьцзяна, а ВТР была упразднена [36].

В отношении вопроса этногенеза уйгурского народа на территории современной КНР важно отметить роль ислама как доминирующей религии среди уйгуров. Ислам в Китае имеет специфические особенности: во-первых, в Китае распространены все три основных течения ислама (суннизм, шиизм и хариджизм); во-вторых, ислам имеет прочные связи с местными народными верованиями и традиционными китайскими религиями (буддизм, даосизм, конфуцианство) [37].

Согласно этнографическим исследованиям, проникновение ислама в Китай относится к началу эпохи Тан (VII–X вв.). Ислам проникал с северо-запада (через Синьцзян) и с юго-востока (через морской путь) [38]. К одним из первых памятников исламской культуры на территории современного Китая можно причислить мечеть в г. Сиань (середина VIII в.), которая позднее получила название Большой Сианьской мечети. В XIII–XIV вв. при монгольской династии Юань (1271–1368) в Китай наряду с воинами, торговцами и проповедниками активно переселялись представители мусульманской интеллигенции. Однако с приходом династии Мин (1368) многие мусульмане лишились привилегий.

При династии Юань всех приверженцев ислама в Китае начали называть «хуэй» (кит. *хуэй-цзу* 回族). В середине XX в. этим словом называли мусульман, которые ассимилировались в китайском обществе (прежде всего говорили на китайском языке), а также их потомков от смешанных браков. Вместе с тем выделялись остальные мусульманские этнические группы: уйгуры, татары, таджики, узбеки, халка, казахи, сала и баоани. Именно поэтому ислам в народе часто называют «учение хуэй» (кит. *хуэй-цзяо* 回教). Существует мнение, что при династии Мин проводилась политика насильственной ассимиляции мусульман [39].

Исламские каноны существенно отличались от устоявшегося образа жизни китайцев. Во времена династии Мин с целью решения языкового вопроса приняли возможность перевода Корана на китайский язык. Взамен домашнему мусульманскому образованию при мечетях начали открываться школы (медресе). Календарь исламских праздников в дальнейшем постепенно подстраивался под китайский традиционный календарь.

Однако культурная дистанция между исламом и традиционным китайским укладом жизни по-прежнему сохранялась: мусульмане исключали из рациона свинину, которую китайцы привыкли употреблять в пищу в больших количествах, и алкоголь, присутствовавший в жизни большинства китайцев, кроме буддистов. В отличие от буддизма, ислам (как и христианство) в Китае был ригористичен и политически ангажирован [40]. В исламских странах юридический и экономический регламент социальной жизни основан на нормах шариата, которые распространяются на всех жителей общины, что для китайских мусульман особенно было важным, поскольку их социальная жизнь строилась вместе с ханьцами. Ислам использовался как механизм защиты собственных традиций и культуры в иноязычной общине.

По мнению А. Б. Захарьина, китайские мусульмане идентифицируются как «замкнутые в языковом и культурном отношении меньшинства». Он связывает это с тем, что китайские мусульмане имеют собственные языки, повседневные обычаи и исламские праздники. Кроме того, мусульмане фенотипически отличаются от ханьцев. Горизонтальные внутрисоциальные отношения между уйгурами и ханьцами в СУАР строятся на дихотомии «мы против них» [41]. Некоторые исследователи говорят об уйгурской «культурной травме», отрицающей возможность сближения и нахождения сторонами общих точек соприкосновения [42].

Уйгуры, будучи коренным этносом на территории современного Синьцзяна, бесспорно, имеют многовековую историю кооперации с ханьцами. Но сегодняшняя уйгурско-китайская риторика строится на том, что уйгуры помнят короткие исторические периоды, когда обретали независимость, а ханьцы при этом подчеркивают совместные исторические события, пытаясь не упоминать «сепаратистские успехи» первых.

XX в. показал, что накопившиеся противоречия между ханьцами и уйгурами не могут быть решены вследствие мирного компромисса. Подтверждением тому служат волны то ужесточения, то ослабления курса центрального правительства в регионе. Среди причин сложности решения уйгурского вопроса такими методами можно выделить следующие: огромная культурная дистанция, которая начала углубляться с 1949 г.; недовольство уйгуров насаждением китайских традиционных и социалистических ценностей. Важно отметить, что уйгурское сепаратистское движение уже вышло за границы Китая, что повлекло включение в проблему большого числа новых транснациональных акторов.

Огромную роль в формировании культурной и бытовой дистанции между уйгурами и ханьцами играл и играет ислам. Несмотря на то, что в КНР существует и другое исламское национальное меньшинство («хэуэй»), уйгуры не смогли настолько ассимилироваться в китайском обществе, чтобы предотвратить конфронтацию с ханьцами. В трудах китайских ученых подчеркивается, что именно из-за отказа уйгуров полностью ассимилироваться в ханьском сообществе, они до сих пор остаются наименее «развитым» национальным меньшинством в КНР. Отличие уйгуров от ханьцев в пищевых правилах и привычках, обычаях, традиционных праздниках и укладе жизни лишь углубляло дистанцию между этносами, что нередко вызывало раздражение со стороны ханьского общества. Современные события в СУАР показывают, что вопрос интеграции уйгуров в китайское общество по-прежнему актуален и привлекает внимание мирового сообщества.

Литература

1. *Турсун Н.* Вопросы этногенеза уйгуров в китайской историографии: монография. 1997. 42 с.
2. *Баженова Е. С., Островский А. В.* Синьцзян — горизонты нового Шелкового пути. М.: Изд-во МБА, 2016. 276 с.
3. *Ховалыг У. Т.* «Токуз-огузская» проблема в истории изучения древних уйгуров Центральной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История и филология. 2009. Т. 8. № 5. С. 21–27.
4. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.: Айрис-Пресс. 2016. 560 с.
5. *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии: монография. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005. 346 с.
6. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 т. Т. 1. М., Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. 382 с.

7. Санин К. С. Западный край Китая (к вопросу об истории восприятия Синьцзяна и Центральной Азии в Китае // Общество и государство в Китае: 47-я науч. конф. Т. XLVII. Ч. 1. Ученые записки Отдела Китая. Вып. 22. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017. С. 207–216.
8. Каримова Р. У. Социально-экономические отношения и административное управление в городах Восточного Туркестана в IX–XIV вв. // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Серия: Общественные науки 2012. № 1. С. 52–57.
9. Бармин В. А., Дмитриев С. Д., Шматов В. Г. Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае: 46-я науч. конф. Т. XLVI. Ч. 1. Ученые записки Отдела Китая. Вып. 21. 2016. С. 209–244.
10. Белая книга. История и развитие Синьцзяна [Электронный ресурс] // Генеральное консульство КНР в г. Хабаровске. 2003. 27 мая. URL: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwtd/2003s/t117575.htm> (дата обращения: 04.02.2020).
11. В Китае опубликована Белая книга о борьбе с терроризмом и экстремизмом и защите прав человека в Синьцзяне [Электронный ресурс] // ИА Синьхуа. 2019. 18 марта. URL: http://russian.news.cn/2019-03/18/c_137904218.htm (дата обращения: 04.02.2020).
12. Сюэ Цзунчжэн. Синьцзян: этнографический очерк. Пекин: Межконтинентальное издательство Китая, 2001. 113 с.
13. История Востока. В 6 т. Т. 3. Восток на рубеже Средневековья и Нового времени. XVI–XVIII вв. / отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, Н. И. Иванов. М.: Восточная литература, 2000. 696 с.
14. Тихонов Д. И. Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане // Советское востоковедение. Вып. V. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 155–172.
15. Дубровская Д. В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. 202 с.
16. Воскресенский А. Д. Генезис «Илийского кризиса» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. 35. No. 4. 1994. P. 763–786.
17. Договор между Россией и Китаем об Илийском крае от 12/24 февраля 1881 г. // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. СПб.: Издание Министерства иностранных дел, 1889. С. 225–237.
18. 乾隆皇帝把这片土地命名为“新疆”，取因“故土新归”之意 (Император Цяньлун вернул земли под названием Синьцзян) [Электронный ресурс] // Байду. 2018. Февраль. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1592976990798852267&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 04.02.2020).
19. Вольнец А. Н. Деревянные пушки Китая. Россия и Китай — между союзом и конфликтом. М.: Эксмо, Яуза, 2017. 446 с.
20. Буяров Д. В. Национальное движение коренных народов Синьцзяна в 1931–1934 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11-1 (49). С. 25–27.
21. Andrew D. W. Forbes. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 376 p.
22. Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян. 1918–1941 гг.: региональный фактор во внешней политике Советского Союза. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1998. 191 с.
23. Кузнецов В. С. Панисламизм в Китае // Общество и государство в Китае: науч. конф. Т. XXIV. Ч. 1. М., 1993. С. 130–132.
24. Клинов А. С. К вопросу о событиях в Синьцзяне в начале 1930-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 1. С. 124–137. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-124-137
25. Бармин В. А. Нераскрытые тайны дунганского «Бонапарта» (о роли советского фактора в судьбе руководителя повстанческого движения коренных народов Синьцзяна 1931–1934 гг. Ма Чжуньина) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4-2(76). С. 27–35.
26. Ожороков А. В. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М.: Вече, 2013. 334 с.
27. Бабушкин А. В. Уйгурский вопрос в советско-китайских отношениях 1930–1940-х гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX Междунар.

- науч.-практ. конф. / отв. ред. А. В. Друзяка. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2019. С. 21–24.
28. Желобцов Ф. Ф. События в Синьцзяне — угроза международной безопасности в Центральной Азии // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2010. Т. 7. № 2. С. 94–99.
 29. Волкова И. В. Провинция Синьцзян в советско-китайских отношениях // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 3. С. 20–24. DOI: 10.30853/manuscript.2019.3.3
 30. Letter from Governor Shicai Sheng to Cdes. Stalin, Molotov, and Voroshilov [Электронный ресурс] // Digital Archive. 1942. Май. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121902.pdf?v=986ff90834bed35e4c8ab994f0069500> (дата обращения: 15.04.2020).
 31. Бармин В. А. К вопросу о роли и значении этнического сепаратизма в национально-освободительном движении коренных народов Синьцзяна 30-х — 40-х гг. XX в. // Востокведные исследования на Алтае. 2014. № 8. С. 159–164.
 32. Поликарпов И. А. Позиция Советского Союза в отношении национально-освободительного движения в Синьцзяне в 1944–1945 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-2 (68). С. 178–181.
 33. Зотов О. В. Восточный Туркестан (Синьцзян) — страна «латентного ислама» // Россия и мусульманский мир. 2006. № 6. С. 153–165.
 34. Мавлонова А. С. Основные направления политики России в Синьцзяне // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2013. № 3. С. 52–59.
 35. Стариков Н. В. Геополитика. Как это делается. СПб.: Питер, 2017. 363 с.
 36. Эпитэйн В. А., Бочков Д. А. Политика КНР по интеграции Синьцзян-Уйгурского автономного района: 1949–2018 гг. // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 6. С. 1442–1454.
 37. Аниховский С. Э., Ли Синь. Конфессиональное своеобразие китайского ислама // Религиоведение. 2010. № 1. С. 47–54.
 38. Захарьин А. Б. Эволюция мусульманского образования в Китае // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2010. № 4. С. 56–70.
 39. Трансформация традиций хуэйцев в начале династии Мин (по материалам надписи на каменной стеле «Установление фамилии господина Пу из западных земель Китая») [Электронный ресурс] // Synologia.ru. 2009. Декабрь. URL: <https://urlid.ru/c2uo> (дата обращения: 16.04.2020).
 40. Захарьин А. Б. Ислам в Китае. Религия и власть // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2012. № 4. С. 38–47.
 41. Понька Т. И., Шлентова А. Е., Ивашкевич А. А. Этнические и культурные аспекты уйгурской идентичности в регионе Синьцзян // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 34–43. DOI: 10.22363/2312-8127-2019-11-1-34-43
 42. Ананьина Д. А. К проблеме определения этнокультурной идентичности уйгуров в условиях межэтнического конфликта в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 195–201.

Контактные данные:

Аносов Б. А.: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23; (499) 120-4192; e-mail: anosovu@gmail.com.

Contact Details:

Anosov B. A.: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia; (499) 120-4192; e-mail: anosovu@gmail.com.

Бородин В. В., Фурман Ф. П.

Административно-правовое воздействие на лиц, подозреваемых в экстремизме

*Borodin V. V., Furman F. P. Administrative and Legal Impact on Persons
Suspected of Extremism*

В статье рассмотрены актуальные вопросы привлечения лиц к ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных нормами Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Проводится детальный анализ практики правоприменения пограничных норм ст. 280 Уголовного кодекса РФ, ст. 282 Уголовного кодекса РФ. Предлагается распространить институт обязательной административной преюдиции на норму ст. 280 Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: административная преюдиция, административная ответственность, экстремизм, экстремистская деятельность, наказуемость, объективный состав, принципы правового регулирования, предупреждение.

The article examines topical issues of prosecution for committing extremist offenses provided for by the provisions of Federal Law No. 114. A detailed analysis of the practice of law enforcement of the border norms of Art. 280 of the Criminal Code of the Russian Federation, Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is proposed to extend the institution of compulsory administrative precedence to the norm of Art. 280 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: administrative prejudice, administrative responsibility, extremism, extremist activity, punishability, objective composition, principles of legal regulation, prevention.

Проблема административно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших нарушения законодательства, не является новой в отечественной юридической науке и практике. Ее изучением занимались такие ученые, как Р. Б. Границкий [1], Е. Н. Пашкова [2], О. Г. Горскина [3]. Особенность административно-правового воздействия на правонарушителей заключается в применении к ним

Бородин Виктор Васильевич — профессор кафедры конституционного и международного права юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

Фурман Феликс Павлович — профессор кафедры теории и истории государства и права Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, доктор философских наук, профессор.

© Бородин В. В., Фурман Ф. П., 2021

ограниченного перечня мер и способов воздействия, которые хотя и являются принудительными, но имеют невысокую степень императивности и репрессивности.

Чтобы определить смысл и цель назначения административно-правовых мер воздействия на правонарушителей, необходимо понять и охарактеризовать правовую природу нарушения законодательства. Законодательство об экстремизме включает в себя небольшой круг нормативно-правовых актов. Среди них первоочередное значение имеют нормы Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [4], которым введены понятия экстремизма и экстремистской деятельности. Исходя из содержания ст. 1 данного закона, можно заключить, что понятие «экстремистская деятельность» равнозначно понятию «экстремизм». Это позволяет толковать слово «экстремизм» не только как юридический термин, обозначающий противоправное наказуемое деяние, но и как процесс, длящийся во времени.

К такой деятельности относится большое количество совершаемых в активной форме направленных намеренных действий. Понятие «экстремизм», согласно законодательству, трактуется как «насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ); использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное со-

действие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг» [4].

В настоящее время происходит процесс стремительной криминализации объективного состава экстремизма. Это означает, что включенный в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ список экстремистских действий постоянно переводят в уголовно-правовую плоскость, превращая их из противоправных действий в общественно опасные, наказуемые по нормам уголовного законодательства. Такой процесс ускоренной криминализации может быть охарактеризован как движение «экспансии» публичного уголовного права в сферу гражданского, административного и иного публичного права.

Данное обстоятельство приводит к тому, что существенно сокращаются меры и способы административно-правового воздействия на нарушителей антиэкстремистского законодательства, число таких нарушителей, которые сразу становятся уголовными преступниками. Этот подход законодателя нельзя признать оправданным и обоснованным, поскольку анализ состава криминального экстремизма показывает, что большинство экстремистских преступлений имеют вербально-лексический состав и квалифицируются только по признаку публичности без наличия реально наступивших общественно опасных последствий, то есть преступления являются формальными.

Сегодня экстремистские преступления в основном находят отражение в нормах главы 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» УК РФ [5]. Первым уголовно наказуемым составом экстремизма является ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» УК РФ. Под публичными призывами следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью их побуждения к осуществлению экстремистской деятельности. При установлении направленности призывов необходимо учитывать положения рассматриваемого нами Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ.

Вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки, иных обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращения в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например, на сайтах, в блогах или на форумах, распространение обращений путем верной рассылки электронных сообщений и т. п.).

Преступление считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет [6]. Тем самым правоприменитель квалифицирует усеченный формальный состав данного преступления вне зависимости от вовлечения каких-либо лиц в совершение правонарушений экстремистской направленности. Состав публичных призывов заключается в их публичном распространении в устной, письменной, иной наглядной форме, доступной для восприятия. Формой публичного призыва является обращение. Цель таких призывов — побуждение к экстремистской деятельности, то есть к такой форме действий, которая подпадает под толкование ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ.

Итак, юридическая трактовка закона «замыкается» сама на себе: публичные призывы к экстремистской деятельности заключаются в обращениях с призывом

начать экстремистскую деятельность в публичной форме. Преступление квалифицируется вне зависимости от достижения поставленной цели. Если судить о том, какой обширный список видов экстремистской деятельности, которые могут быть высказаны публично и иметь форму обращения, основной целью Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, а также постановления Пленума Верховного Суда РФ и норм уголовного закона служит не борьба с экстремизмом, а полное «сворачивание» и нейтрализация публичного информационного поля, то есть установление полного контроля государства за информационным полем.

Статья 280.1 УК РФ содержит состав преступления в виде публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности России. Анализ объективной стороны этой нормы закона показывает, что данная статья юридически бессмысленна, введена необоснованно и дублирует норму ст. 280 УК РФ, то есть является ничем иным, как дублирующим редуцентом избыточной силы уголовной репрессии.

Так, ввиду ст. 280 УК РФ преследуются по уголовному закону публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. При этом в перечень экстремистской деятельности, согласно ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, входит насильственное нарушение территориальной целостности РФ (в том числе отчуждение части территории РФ). Иными словами, в состав ст. 280 УК РФ заведомо включен состав ст. 280.1 УК РФ, поскольку «действия, направленные на нарушение территориальной целостности» и есть насильственное нарушение территориальной целостности РФ ввиду того, что ненасильственное нарушение территориальной целостности РФ возможно лишь путем делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы РФ с сопредельными государствами.

Следовательно, насильственный состав действий по нарушению территориальной целостности границ РФ уже криминализован нормой ст. 280 УК РФ. Криминализация публичных призывов к ненасильственному нарушению территориальной целостности является нарушением свободы слова, что могло бы быть переведено в состав административно-правовой нормы с назначением административного наказания.

Декриминализация ненасильственных составов экстремизма должна обсуждаться научным и правоприменительным сообществом, поскольку состав такого преступления характеризуется как формальный, его квалификация не зависит от того, совершил ли кто-либо еще под воздействием таких призывов соответствующее экстремистское преступление. Фактически данный состав преступления криминализует публичность и ограничивает свободу слова в публичном информационном пространстве.

Е. В. Павлова [7] в своем исследовании приводит классификацию норм административного права, устанавливающих административную ответственность за следующие виды противоправных деяний:

- пресечение деятельности запрещенных или ликвидированных организаций, в отношении которых принято решение о приостановлении их деятельности;
- распространение экстремистской информации;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики.

В качестве родового объекта перечисленных правонарушений выступают общественная безопасность и общественный порядок.

Становится очевидным, что административное и уголовное законодательство имеют разночтения и не имеют общих границ в отношении объекта охраны от

экстремистской деятельности. Так, общественная безопасность и общественный порядок в уголовном законодательстве РФ охраняется нормами главы 24, что не соответствует тяжести и общественной опасности этих ненасильственных преступлений, связанных с распространением информации в публичном поле. При этом в Кодексе РФ об административных правонарушениях отсутствует такой объект охраняемых отношений, как конституционный строй и государственная безопасность, что создает существенный разрыв в юридическом толковании таких объектов, как «общественная безопасность» и «государственная безопасность».

Представляется, что в связи с изложенным подходом к квалификации административных правонарушений и уголовных преступлений в сфере экстремизма государственная безопасность не является общественной безопасностью и наоборот, общественная безопасность не является безопасностью государственной. Такое утверждение по своей сути неверно, создает существенные трудности при квалификации экстремистских деяний, поскольку при прочих равных ненасильственные экстремистские деяния квалифицируются уголовным составом, а административные правонарушения экстремистской направленности немногочисленны и квалифицируются как направленные против общественной безопасности.

Несмотря на то, что санкции административных статей антиэкстремистской направленности предусматривают наказания в виде штрафа, конфискации предмета административного правонарушения, административного ареста и приостановления деятельности, лишь небольшой перечень административных норм предусматривает ответственность за экстремизм. Большинство деяний экстремистского характера заведомо переведены в уголовно-правовую плоскость, минуя административный закон.

Для того, чтобы понять причину данного подхода к экстремистским деяниям, необходимо тщательно исследовать методы и принципы антиэкстремистского законодательства. Согласно ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ противодействие экстремистской деятельности основано на ряде принципов. К ним относятся:

- признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций;
- законность;
- гласность;
- приоритет обеспечения безопасности России;
- приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности;
- сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности;
- неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности.

Интерес среди перечисленных принципов в большей степени представляют приоритет обеспечения безопасности РФ и приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности. Предупреждение преступлений и правонарушений осуществляется уголовными и административными способами правового воздействия. Необходимо определить, является ли предупреждение противоправных деяний целью и задачей административного или уголовного права либо общей целью и задачей обеих отраслей права.

Согласно ч. 1 ст. 3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях целью административного наказания служит предупреждение совершения новых правонарушений, как правонарушителем, так и другими лицами. В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ наказание применяется в целях восстановления социальной

справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Несмотря на то, что предупреждение является целью и уголовного, и административного законодательства, очередность их перечисления в указанных нами нормах закона может натолкнуть на вывод о том, что цели предупреждения в наибольшей мере соответствует именно административное законодательство. Уголовное право служит восстановлению социальной справедливости, то есть в наибольшей мере соответствует карательному назначению и функции права. В таком случае необоснованное пополнение уголовного законодательства антиэкстремистскими карательными законами не соответствует нормативно-правовому регулированию экстремизма и экстремистской деятельности как социально-правового феномена. Подобное искажение смысла закона может объясняться противоправной и антиюридической экспансией уголовного закона в административное право с искусственной подменой административно-правовых методов и способов воздействия уголовно-правовыми [8].

Кроме того, принцип гласности, указанный в ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, не соответствует прямому ограничению гласности и публичности в открытом информационном поле, на что направлены практически все уголовно-правовые антиэкстремистские нормы главы 29 УК РФ в отношении вербально-лексических преступлений ненасильственного характера. Принцип гласности, указанный в данной норме, не соблюдается, а законодательство используется с прямо противоположным принципом запрещения распространения информации.

Представляется, что наиболее критичным принципом, включенным в состав норм ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, является принцип приоритета обеспечения безопасности РФ, который получает существенное преобладание над следующим приоритетом — по предупреждению экстремистской деятельности. Полагаем, для декриминализации и существенного снижения уголовно-репрессивного напряжения в сфере ненасильственных экстремистских деяний необходимо исключить данный приоритет из принципов Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, заменив его приоритетом обеспечения общественной безопасности. Такое смещение правовых приоритетов будет полностью соответствовать предложенному нами в предыдущей работе подходу, согласно которому криминализоваться в наибольшей степени должны насильственные преступления против жизни и здоровья граждан, совершенные с экстремистскими мотивами на почве ненависти, вражды и розни.

Именно об этом говорится в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г., согласно которому к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ (например, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213, статьями 280, 282 УК РФ), а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельством, отягчающим наказание.

Изучение главы 20 Кодекса РФ об административных правонарушениях показывает, что административное законодательство в аспекте противодействия экстремистской деятельности не развито и не действует. В соответствии с данным Кодексом существуют лишь две нормы, устанавливающие административную ответственность в сфере противодействия экстремизму, — «пропаганда либо публич-

ное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами» (ст. 20.3) и «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния» (ст. 20.3.1).

С учетом того, что ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусматривает указанную оговорку, правоприменитель всегда более заинтересован в возбуждении уголовного дела по аналогичному объективному составу, так как ущерб, охраняемый законом, количественно в данном случае не определен, поскольку невозможно разграничить уголовно наказуемый состав количества возбужденной ненависти, вражды или унижения человеческого достоинства и аналогичный административный состав.

Законодатель ввел для нормы ст. 282 УК РФ обязательную административную преюдицию, в соответствии с которой уголовный состав ст. 282 УК РФ усматривается, если лицо привлечено в течение года к административной ответственности по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Данная оговорка была направлена на то, чтобы снизить количество избыточно криминализованных экстремистских преступлений. Однако правоприменитель легко обошел эту норму, поскольку в действие была введена «универсальная» норма ст. 280 УК РФ, которая криминализует любое экстремистское высказывание, делает его уголовно наказуемым составом ст. 280 УК РФ и вне рамок ст. 282 УК РФ. До введения в действие ст. 280 УК РФ это было объективно невозможно. Таким образом, разрастание числа уголовных дел экстремистской направленности происходит в большей степени из-за нормы ст. 280 УК РФ.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ в большей степени направлен на профилактические цели, меры предупреждения экстремистской деятельности и не ставит на первый план карательное воздействие. Поэтому действующая практика применения норм уголовного права, введенных в главу 29 УК РФ, представляется неверной. Как следует из состава ст. 3 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, первоочередным направлением противодействия экстремистской деятельности является принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности. Привлечение к уголовной ответственности за вербально-агитационные действия в сфере экстремизма не относится к профилактическим мерам, направленным на выявление и устранение причин, способствующих такой деятельности.

Согласно ст. 15 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ за осуществление экстремистской деятельности граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность в установленном законодательством РФ порядке. При этом уголовная ответственность за призывы к экстремистской деятельности наступает сразу.

Ранее главной антиэкстремистской статьей считали ст. 282 УК РФ, в соответствии с которой предусмотрена уголовная ответственность за действия, направленные на

возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично. Сегодня правоприменителю проще применить нормы ст. 280 УК РФ, которые не требуют обязательной административной преюдиции и могут быть квалифицированы лишь путем изучения публичной страницы того или иного пользователя в сети Интернет, поскольку интернет по умолчанию признается публичным информационным пространством.

С учетом лингвистической экспертизы, проведенной в отношении размещенных в открытом доступе материалов, нередко возбуждают уголовное дело, по которому практически ничего не нужно доказывать, поскольку теперь подозреваемый должен доказывать, что это не он размещал от своего имени данные материалы. Таким образом, нормы ст. 280 УК РФ, полагаем, препятствуют привлечению субъектов экстремистской деятельности к административной ответственности по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях и позволяют обойти институт обязательной административной преюдиции.

Публичные призывы не нужно доказывать, в отличие от объективного состава ст. 282 УК РФ или ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях, поскольку к действиям, направленным на возбуждение ненависти, вражды и розни, с учетом п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г. отнесены высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

Очевидно, что перечень наказуемых в уголовном или административном порядке деяний по ст. 282 УК РФ установить сложнее, чем публичные призывы, которые в соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 квалифицируются с момента первого провозглашения и не требуют установления того факта, чтобы кто-либо воплотил в реальность данные призывы. Публичные призывы и высказывания по своей сути являются лексическими формами совершения запрещенных деяний, но фактически ответственность наступает за слова, выраженные в той или иной форме. Если призывы могут и не призывать к насильственным действиям, то в случае состава ст. 282 УК РФ и ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях такие высказывания должны призывать именно к насильственным действиям на почве ненависти, вражды и розни. Состав этих статей более общественно опасен, но применяется то, что проще в применении, то есть нормы ст. 280 УК РФ, не требующие доказывания со стороны следствия.

Кроме того, существует и реальный, неформальный состав ст. 282 УК РФ, к которому относится его оконченность. Согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 предусмотренное ч. 1 ст. 282 УК РФ преступление считается оконченным с момента совершения хотя бы одного действия, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам их принадлежности к определенному полу, расе, национальности, языку или в зависимости от происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Изложенное выше говорит о том, что экстремистское преступление очень сложно в настоящее время квалифицировать по ст. 282 УК РФ, поскольку это требует соблюдения целого ряда обязательных условий: 1) должна быть соблюдена обязательная административная преюдиция по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях; 2) действия, направленные на возбуждение вражды, ненависти и розни, должны привести к совершению хотя бы одного экстремистского преступления по любой из статей соответствующего состава УК РФ. С учетом периода (одного года), в течение которого все эти условия должны быть соблюдены, можно заключить, что уголовная ответственность по ст. 282 УК РФ практически невозможна. Очевидно, что в таких условиях правоприменитель, конечно, будет пользоваться той нормой, где возможность доказывания сведена на нет. В таких условиях применение ст. 280 УК РФ следует связывать с обязательной административной преюдицией, чтобы применение административного законодательства носило предупредительный характер. Карательная функция впоследствии реализуется путем применения уголовного закона, если административное наказание не повлечет необходимого результата.

Скупость мер административно-правового воздействия приводит к тому, что уголовное законодательство применяется в большинстве случаев. Фактически единственным самостоятельным административным составом антиэкстремистского характера является ст. 20.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской или иной атрибутики, запрещенной законом.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что нормы ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях о возбуждении вражды, ненависти и розни применяются в случаях, аналогичных случаям правоприменения ст. 280 УК РФ, связаны с публичными высказываниями и публичными призывами экстремистского характера. Иными словами, характер и практика применения норм ст. 280, 282 УК РФ, ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях аналогичны, направлены на противодействие одному и тому же запрещенному общественному явлению.

Рассмотрим один из примеров. Постановлением Заводского районного суда г. Новокузнецка от 29 апреля 2020 г. признана виновной М. Ю. Шатохина. Ей назначено наказание в виде административного штрафа в размере 10 тыс. руб. Состав административного правонарушения по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях заключался в том, что привлекаемое лицо разместило в социальной сети «ВКонтакте» комментарий от 5 июля 2019 г., выражающий, согласно заключению специалиста экспертного подразделения Управления ФСБ России по Кемеровской области — Кузбассу от 14 февраля 2020 г. (обезличено), высказывание, направленное на возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства в отношении группы лиц, выделенной по признаку национальности (таджики), а именно: высказывания («Привыкли у себя на родине вырезать — <...>, а теперь людей режут?»), в которых группа лиц, выделенная по признаку национальности (таджики), характеризуется как враждебная, представляющая опасность для других групп лиц или иных представителей; высказывания («шлак в виде таких персонажей», «животные», «с гор спустились, срали там, ослов тыкали под хвост»), содержащие унижительные и оскорбительные характеристики в отношении группы лиц, выделенной по признаку национальности (таджики).

Судом при квалификации данного деяния применены не только нормы Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, ст. 29 Конституции РФ, ст. 20.3.1

Кодекса РФ об административных правонарушениях, но и нормы п. 6 ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9]. Согласно последнему установлен запрет распространения информации, направленной на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность.

Итак, интернет был признан одним из видов средств массовой информации для установления публичности высказывания. В данном случае привлекаемое лицо не призывало других пользователей ни к чему, а лишь высказало субъективное мнение. Поэтому деяние квалифицировали как публичное высказывание, а не публичный призыв, и производство осуществлялось в административном порядке.

Рассмотрим еще один пример из судебной практики. Постановлением Октябрьского районного суда г. Архангельска от 29 апреля 2020 г. назначен административный штраф в размере 10 тыс. руб. в отношении В. В. Кабанькова, привлеченного к административной ответственности по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях за комментарии в социальной сети «ВКонтакте» следующего содержания:

- https://vk.com/id138777257_3665 от 10 сентября 2018 г. «Россия гнать... и воров»;
- https://vk.com/id138777257_3512 от 8 сентября 2018 г. «За КПРФ хватит ждать манну небесную от ... и ... пора страну восстанавливать»;
- https://vk.com/id138777257_3446 от 6 сентября 2018 г. «Вот оно как а мы просто а ... воруют а мы молча смотрим»;
- https://vk.com/id138777257_1086 от 3 июля 2018 г. «... .. и вы еще думаете что он будет заботиться о вас?...»;
- https://vk.com/id138777257_907 от 23 июня 2018 г. «Только вместе мы можем изгнать и посадить в тюрьму ... и поверьте сразу заживем по-человечески»;
- https://vk.com/id138777257_4703 от 26 сентября 2018 г. «К ногтю евреев»;
- https://vk.com/id138777257_3646 от 15 сентября 2018 г. «За... ваш Путин Еврей»;
- https://vk.com/id138777257_3670 от 10 сентября 2018 г. «Еврей ...»;
- https://vk.com/id138777257_3056 от 29 августа 2018 г. «... еврей»;
- https://vk.com/id138777257_914 от 24 июня 2018 г. «Пошли на... и воров».

Данные комментарии признаны, согласно акту экспертного исследования от 18 июля 2019 г. № 304-305/1-5, содержащими психологические и лингвистические признаки возбуждения вражды (ненависти, розни) по отношению к группе лиц, выделяемой по признаку национальности (евреям), психологические и лингвистические признаки унижения человеческого достоинства по признаку национальности (еврей), что было квалифицировано как административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Судом применены аналогичные нормы законодательства, как и в первом примере из судебной практики. Социальная сеть признана одним из видов средств массовой информации, в связи с этим квалифицирована публичность. Привлекаемое лицо не присутствовало в судебном заседании, но судом фактически применена презумпция заведомой виновности пользователя социальной сети, согласно которой страница признана заведомо принадлежащей именно привлекаемому лицу, поскольку им не представлены доказательства обратного. Как указал суд в

постановлении, принадлежность страницы «В. Кабаньков» (<https://vk.com/<адрес>>) в социальной сети «ВКонтакте» в сети Интернет В. В. Кабанькову подтверждается сведениями из ООО «ВКонтакте» от 24 октября 2019 г. [10].

Подобный подход позволяет без труда привлекать к административной ответственности лиц, подозреваемых в экстремистской деятельности. Очередным действием может стать возбуждение в отношении них уголовного дела за следующий комментарий или высказывание в социальной сети. При этом скриншот (снимок социальной страницы пользователя) может быть единовременным, то есть один и тот же скриншот сначала используется для установления административной преюдиции по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях, а затем последующий по времени комментарий или же размещенный материал является основанием для возбуждения уголовного дела по ст. 282 УК РФ, если он не содержит признаков преступления ст. 280 УК РФ.

Следует отметить, что условие обязательной административной преюдиции к ст. 282 УК РФ привело к резкому сокращению возбужденных уголовных дел по данному составу. Данное требование введено нормой Федерального закона от 27 января 2018 г. № 519-ФЗ [5]. В итоге с 2018 г. в судебной практике практически не фигурируют уголовные дела, возбужденные по ст. 282 УК РФ. До введения в действие этой нормы уголовные дела по ст. 282 УК РФ возбуждались так же часто и по таким же признакам размещения в социальных сетях различных комментариев, как это происходит сегодня в отношении состава ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Так, из материалов судебной практики усматриваются практически стереотипные приговоры судов городов Кемерово (1 марта 2017 г.), Саратова (27 февраля 2017 г.), Москвы (25 мая 2016 г., 22 августа 2015 г.), в которых наблюдается одинаковый объективный состав преступления по ст. 282 УК РФ в прежней редакции, не требующей административной преюдиции по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях РФ в форме размещения комментариев в социальной сети «ВКонтакте», направленных на возбуждение вражды и ненависти по различным экстремистским признакам и основаниям [11].

Ввиду этого можно установить, что криминальный состав экстремистского преступления в настоящее время определяется не общественной опасностью деяния, а простотой возбуждения и доказывания состава преступления. Следовательно, нормы антиэкстремистского законодательства применяются не в целях предупреждения и пресечения, а в целях облегчения карательной практики применения уголовного закона. В связи с этим, полагаем, в состав Кодекса РФ об административных правонарушениях необходимо ввести норму административной ответственности за деяние, аналогичное по составу ст. 280 УК РФ, а в нормах ст. 280 УК РФ целесообразно установить обязательную преюдицию. Статья 280.1 УК РФ должна быть декриминализована, поскольку она фактически дублирует ст. 280 УК РФ.

В процессе анализа судебной практики относительно ст. 280 УК РФ, становится понятным, что она имеет вербально-лексический состав, то есть подсудимые привлекаются к уголовной ответственности не за реальные действия, а за слова. Представляется, что особенно значимую оговорку, которая в экспоненциальной степени увеличивает количество возбужденных по ст. 280 УК РФ уголовных дел, содержит п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11. Данный пункт гласит, что преступление, предусмотренное ст. 280 УК РФ, считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет.

Такая оговорка является прямо противоречащей цели, смыслу назначения и букве уголовного закона, в соответствии с которым не допускается объективное вменение, то есть криминализация состава преступления без установления его субъективной стороны, умысла, формы и вины и т. д. Преступление, предусмотренное ст. 280 УК РФ, состав которого содержит даже не действие, а слово, агитацию, перечень и круг которой очень широк и неограничен. К тому же нормы Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ относят очень широкий спектр высказываний к разряду экстремистской деятельности, правоприменителем предлагается на полностью законных основаниях считать совершенным умышленно уже с момента первого публичного призыва.

Приведенное выше положение не может считаться правомерным, поскольку оно направлено на ограничение публичного поля, существенное сокращение свободы слова. Криминализуется призыв с первого момента его обнародования, при этом без наступления каких-либо общественно опасных последствий. Так, ст. 282 УК РФ, которая криминализовала ранее исключительно ненасильственные деяния в вербально-лексической форме, предполагала, что уголовная ответственность у субъекта может наступить лишь в случае, если кто-то будет руководствоваться совершенными действиями, направленными на возбуждение ненависти, вражды и розни. Иными словами, даже ст. 282 УК РФ предполагала реальный состав.

Ст. 280 УК РФ не требуется реальный состав, квалификация умысла, то есть преступление заведомо считается умышленным с момента провозглашения первого призыва. Значим тот факт, что, в отличие от преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, или правонарушения, предусмотренного ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях, при публичных призывах, признаваемых нормами Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ экстремистскими, не во всех случаях происходит возбуждение вражды, ненависти и розни. К примеру, не является направленным на возбуждение ненависти или вражды такая экстремистская деятельность, как воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения (ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ).

Кроме того, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ допускает юридические коллизии и прямое смешение, наложение административного права на уголовное и наоборот. Так, состав ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях характеризуется экстремистской деятельностью (использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии).

Все это приводит к тому, что административно-правовые меры воздействия негативного характера применяются в равной мере одинаково и против совершивших административное деяние, и против совершивших преступление экстремистской направленности. Закон не делает дифференциации, в специальный перечень занесены экстремисты и те, кто привлечен по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об

административных правонарушениях за демонстрирование свастики, те, кто оправдывал особо опасные террористические акты или призывал к их совершению. И тем, и другим субъектам блокируют банковские счета, препятствуя им распоряжаться своими денежными средствами. Это, по нашему мнению, нецелесообразно, поскольку отсутствие различий говорит о механистичности избираемого подхода, его «машинности», даже если с юридической стороны это допустимо, о «тупости» и «слепоте» закона, не видящего границ и различий между административным и уголовным правом. В контексте темы экстремизма данная проблема наиболее остра.

Литература

1. *Границкий Р. Б.* Административно-правовые средства предупреждения правонарушений в общественных местах (по материалам ОВД Дальневосточного региона): дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2011. 192 с.
2. *Павлова Е. Н.* Предупреждение преступлений, совершаемых на почве наркомании, административно-правовыми мерами: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 207 с.
3. *Горскина О. Г.* Административная ответственность за мелкое хулиганство: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. 175 с.
4. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Российская газета. 2002. 30 июля.
5. О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ // Российская газета. 2018. 29 декабря.
6. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г. // Российская газета. 2011. 4 июня.
7. *Павлова Е. В.* Административная ответственность за правонарушения экстремистской направленности как профилактическая мера в борьбе с терроризмом // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2016. № 1. С. 186–193.
8. *Бородин В. В., Дондоков Ц. С., Михайлова О. Г.* Исторические и социальные аспекты политического экстремизма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1 (29). С. 79–85.
9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля.
10. Постановление Октябрьского районного суда г. Архангельска от 29 апреля 2020 г. по делу № 5-404/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5Xo3GIAeyoYQ> (дата обращения: 09.01.2021).
11. Приговоры судов по ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» УК РФ [Электронный ресурс] // Sud-praktika.ru. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/category/105.html> (дата обращения: 09.01.2021).

Контактные данные:

Бородин В. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
(812) 451-19-10; e-mail: borodindis@mail.ru.

Фурман Ф. П.: 198035, Санкт-Петербург, Двинская ул., д. 5/7;
(812) 748-96-50; e-mail: furman-feliks@yandex.ru.

Contact Details:

Borodin V. V.: 44/A, Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190103, Russia;
(812) 451-19-10; e-mail: borodindis@mail.ru.

Furman F. P.: 5/7, Dvinskaya Str., St. Petersburg, 198035, Russia;
(812) 748-96-50; e-mail: furman-feliks@yandex.ru.

Шабалина Е. И., Фролова Н. Ю.

Рабочий контроль: ленинская модель

Shabalina E. I., Frolova N. Yu. Workers' Control: the Leninist Model

Статья посвящена исследованию ленинской модели рабочего контроля. Установлено, что в соответствии с ленинской моделью понятие «рабочий контроль» можно рассматривать как состояние и как деятельность. Авторами также определены подходы к пониманию контроля, выделены его виды и основания классификации этих видов. Представлены способы организации контроля в зависимости от того или иного вида, т. е. сбор и анализ информации, в том числе в форме жалоб и обращений трудящихся.

Ключевые слова: контроль, рабочий контроль, надзор, общественный контроль, рабочее управление.

The article is devoted to the study of Lenin's model of working control. According to Lenin's model, «work control» can be considered both as a state and as an activity. It also defines approaches to understanding control and identifies types of control. The grounds for classification of control types are established. The ways of organizing control are noted, which were the collection and analysis of information, including in the form of complaints and appeals from workers, by type of control.

Keywords: control, work control, supervision, public control, work management.

Контроль как специфический способ управления государством, известный с давних пор, не теряет своей актуальности и в настоящее время. Понятие «контроль» как способ управления изучается на стыке наук. Для нас представляет интерес именно юридическая модель контроля. В рамках данной статьи проведено исследование ленинской модели рабочего контроля.

Первостепенной задачей является установление этимологии термина «рабочий контроль», выяснение его содержания при помощи системно-структурного анализа. Прежде всего необходимо определить семантику категорий «контроль» и «надзор», поскольку в исследуемый период в теории государства и права не сложилось единообразного их понимания, нередко происходила путаница при употреблении этих слов.

В качестве рабочей гипотезы предлагаем применять следующие определения:

- надзор — деятельность специально уполномоченных органов государственной власти по проверке выполнения «указаний» исполнительно-распорядительной власти без вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорного объекта;
- контроль — деятельность по проверке выполнения «указаний» исполнительно-распорядительной власти с правом вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорного объекта.

Шабалина Евгения Ивановна — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского университета кооперации, экономики и права, кандидат юридических наук, доцент.

Фролова Наталья Юрьевна — доцент кафедры трудового и предпринимательского права Белгородского университета кооперации, экономики и права, кандидат юридических наук.

© Шабалина Е. И., Фролова Н. Ю., 2021

Анализ трудов В. И. Ленина показывает, что в разработке концепции социалистического государства немаловажная роль отводится контролю и надзору. В частности, приведено следующее утверждение: «Контроль — вот главная экономическая задача каждого Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, каждого потребительного общества, каждого союза или комитета снабжения, каждого фабрично-заводского комитета или органа рабочего контроля вообще» [1, с. 199–205].

Однако Ленин не дает теоретического обоснования, позволяющего разграничить указанные категории. В большинстве случаев такие термины используются им как синонимы. При более детальном рассмотрении можно найти существенные отличия контроля от надзора в условиях становления государства нового типа.

Начальный период становления Советской страны дал толчок для формирования новой системы управления государством, в которой контроль и надзор выступают как две стороны одной медали. Так, в докладе о деятельности Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин отмечал, что «вводя рабочий контроль, мы знали, что пройдет немало времени, пока он распространится на всю Россию, но мы хотели показать, что признаем только один путь — преобразований снизу, чтобы рабочие сами выработали снизу новые основы экономических условий. На эту выработку потребуется немало времени» [2, с. 273–277]. Исходя из указанных определений становится очевидным, что надзор представляет собой деятельность специализированного органа власти. Впоследствии этим органом стала прокуратура, главной обязанностью которой являлся общий надзор за законностью.

В отношении контроля ситуация была гораздо сложнее. В понимании В. И. Лениным контроля можно выделить два подхода: управленческий и юридический. Управленческий подход строился на выделении уровней контроля. Ключевая проблема состояла в соотношении общественного контроля и партийного, а соответственно, в выстраивании вертикали осуществления контроля, поскольку партия занимала лидирующие позиции в построении системы управления государством. Тем самым формировался гибрид, который изначально основан на общественном и партийном контроле с передачей в дальнейшем ведущей роли партийному контролю. Юридический подход предполагал нормативно-правовое закрепление за отдельными государственными структурами (например, Наркоматом Госконтроля, Рабоче-крестьянской инспекцией, иными) обязанности по осуществлению контрольной деятельности.

Виды контроля В. И. Лениным предложены исключительно в управленческом подходе. В данном контексте под видом контроля предлагаем понимать специализированную деятельность, основанную на особых принципах, имеющую особые признаки и специфическую цель — совершенствование государственного аппарата инструментами подлинной демократии в контексте воплощения «принципа демократического централизма в хозяйственном строительстве» [3, с. 39]. Таким образом, видами контроля являются следующие:

- общественный;
- партийный;
- государственный.

Общественный контроль заключался в привлечении широких масс трудящихся господствующего класса к проверке реализации административно-хозяйственных распоряжений администрациями хозяйствующих субъектов и органов государственной власти. Основной упор делали на привлечение к этому виду деятельности беспартийных рабочих и крестьян. В частности,

В. И. Ленин писал: «Для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся» [4, с. 50–55]. Партийный контроль предполагал изначально параллельное существование с общественным, но ввиду специфики идеологической основы формирования социалистического государства впоследствии полностью заменил его.

Наибольшую сложность представляет собой выделение государственного контроля как особого вида деятельности ввиду несформированности в окончательном виде механизма государства и точного установления компетенций каждого органа государственной власти. Фактически контроль осуществляли все органы государственной власти, а для отдельных из них контрольная деятельность являлась основной обязанностью. По мнению В. И. Ленина, «задача управления государством сводится теперь прежде всего и в первую голову к чисто экономической задаче излечения страны от нанесенных ей войною ран, восстановления производительных сил, налаживания учета и контроля за производством и распределением продуктов, повышения производительности труда, — одним словом, она сводится к задаче экономической реорганизации» [5, с. 130–146].

Кроме того, виды контроля можно классифицировать по следующим основаниям:

- за распределением производимой продукции;
- за исполнением распоряжений администрации хозяйствующих субъектов;
- за исполнением партийных директив;
- за целесообразностью действующего законодательства и практикой его применения.

Например, в письме «Очередные задачи советской власти» В. И. Ленин отмечал, что без всестороннего, государственного учета и контроля за производством и распределением продуктов власть трудящихся, свобода трудящихся удержаться не может [6, с. 217–218]. Способы организации контроля представляли собой сбор и анализ информации, в том числе в виде жалоб и обращений трудящихся, в контексте описанных выше видов контроля.

Учитывая изложенное, можно отчетливо сформировать цель контроля — выявление несовершенства в методах управления народным хозяйством в контексте устранения разбалансировки взаимоотношений между руководящим аппаратом и непосредственными исполнителями. Ведущая роль отводится трудовому коллективу, который на практике видит недостатки руководства и «сигнализирует наверх».

В этом и состоит главное, существенное отличие контроля от надзора. Контроль — деятельность «снизу», а надзор — «сверху». Следовательно, задачи разные в каждом случае. В частности, при контроле — выявление целесообразности административно-управленческих решений, при надзоре — реализация принципа законности. В итоге и контроль, и надзор способствуют установлению режима правопорядка и общественного порядка. В соответствии с концепцией В. И. Ленина контроль более предпочтителен, поскольку в нем задействовано все трудоспособное население страны, что обеспечивает вовлечение в систему управления господствующего класса в целом. А это и есть подлинная социальная демократия, являющаяся базой для постройки коммунизма.

С учетом ленинской модели понятие «рабочий контроль» можно рассматривать как состояние и как деятельность. Рабочий контроль как состояние выражается прежде всего в установлении полного социального контроля, в гарантированности социализма через создание специальных учреждений, не зависимых от власти и имеющих рычаги воздействия на нее. Рабочий контроль становится начальной

формой государственного регулирования хозяйственной жизни [7, с. 110]. В контексте деятельности понятие «рабочий контроль» трактуется как соблюдение трудящимися законов с позиции целесообразности, т. е. контроль представлен как один из элементов правопорядка.

Исходя из предложенной дуальности категории «рабочий контроль», полагаем, его следует понимать как совокупность приемов и способов взаимодействия власти и населения, в контексте создания и развития механизма обратной связи по воздействию государственной власти на население и наоборот. Тем самым подчеркивается значение рабочего контроля в качестве средства по практическому совершенствованию государственной власти через максимальное приближение к трудовому населению, создание единой системы, позволяющей власти всех уровней «слышать» население.

В ленинской модели рабочего контроля понятие контроля как такового рассматривается в качестве функции власти. Фактически контроль — это надзор, но лишь до того момента, пока рабочие не возьмут власть в свои руки на территории всего государства. Это — модель уничтожения капитализма в государстве, форма непосредственного участия населения в управлении делами государства через создание социалистической экономики. В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах, иных предприятиях, имеющих наемных рабочих или дающих работу на дом, вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия [8, с. 83].

Содержание рабочего контроля определяется его задачей — совершенствованием государственного аппарата. В указанном контексте в содержание рабочего контроля входит сбор и систематизация информации о выявленных несоответствиях реальной действительности нормативным предписаниям, установление «дуближа и параллелизма» в деятельности органов государственной власти, поиск и разработка конкретных предложений по устранению обнаруженных недостатков.

Первичными органами, осуществлявшими рабочий контроль, были фабричные заводские комитеты, так называемые фабзавкомы, железнодорожные и транспортные комитеты, кооперативы, профсоюзы, другие рабочие организации. В соответствии с Положением о рабочем контроле от 14 (27) ноября 1917 г. «органами рабочего контроля на местах являются фабрично-заводские комитеты, в состав которых входят и представители от служащих и технического персонала. Фабрично-заводские комитеты действуют согласно закону и в пределах инструкций, вырабатываемых местными советами рабочего контроля. Советы рабочего контроля, составленные из представителей профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, разрешают все спорные вопросы и конфликты, вырабатывают, сообразуясь с особенностями производства и местными условиями, инструкции в пределах постановлений и указаний Всероссийского совета рабочего контроля и наблюдают за правильным функционированием подчиненных им низших органов контроля» [8, с. 77–85].

Формой участия в рабочем контроле, для лиц, не входивших в фабрично-заводские комитеты, служили жалобы. В соответствии с Положением «О рабочем контроле» все рабочие каждого предприятия осуществляли рабочий контроль на добровольной и самодеятельной основе. Данное Положение выстраивает вертикаль органов рабочего контроля следующим образом: фабрично-заводские комитеты, местный совет рабочего контроля (для крупных городов, губерний и промышленных районов), Всероссийский совет рабочего контроля в Петрограде. Замыкает цепочку Съезд Со-

ветов рабочего контроля. Всероссийский совет рабочего контроля вырабатывает общие планы рабочего контроля, инструкции, издает обязательные постановления, регулирует взаимоотношения районных советов рабочего контроля и служит высшей инстанцией для всех дел, связанных с рабочим контролем [8, с. 84].

Итак, на основе сформированной системы рабочего контроля государственная власть обеспечила существование на начальном этапе становления Советского государства эффективного механизма по восстановлению промышленного производства и созданию социалистической экономики. Вместе с тем в периодических изданиях исследуемого периода В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что рабочий контроль носит промежуточный, переходный характер и сменится рабочим управлением, а главная задача управления — это организация и контроль. Следуя генеральной идее, на первом съезде профессиональных союзов (1918) участники утвердили инструкцию Всероссийского совета рабочего контроля, которая еще раз подчеркнула «подготовительную сущность» рабочего контроля [9, с. 93].

Логическим завершением в ленинской модели рабочего контроля стало издание Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК) Декрета «О государственном контроле» от 12 апреля 1919 г. В соответствии с ним рабочий контроль трансформируется в государственный контроль, в обязанности которого вменяется осуществление действительного фактического контроля, превращение из формального в реальный посредством создания органа народного социалистического контроля, накопления опыта социалистического строительства и постоянного совершенствования всего механизма советской власти.

Литература

1. Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Полное собрание сочинений. Т. 35. М.: Изд-во политической литературы, 1974. 600 с.
2. Третий Всероссийский Съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10–18 (23–31) января 1918 г. Из доклада о деятельности Совета Народных Комиссаров 11 (24) января // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 35. М.: Изд-во политической литературы, 1974. 600 с.
3. Иткин М. Л., Селицкий В. И., Черномаз И. Ш. Современная советская историография рабочего контроля 1917–1918 гг. // Вопросы истории. 1964. № 11. С. 29–44.
4. Седьмой экстренный съезд РКП (б) 6–8 марта 1918 г. Из доклада о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Изд-во политической литературы, 1974. 741 с.
5. Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи советской власти» // Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Изд-во политической литературы, 1974. 741 с.
6. Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Изд-во политической литературы, 1974. 741 с.
7. Иткин Л. М. Современная литература о рабочем контроле // Вопросы истории. 1987. № 12. С. 105–113.
8. Декреты советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. 625 с.
9. Фрейдлин Б. Декрет о рабочем контроле // Историк-марксист. 1933. № 5. С. 80–95.

Контактные данные:

Шабалина Е. И., Фролова Н. Ю.: 308023, Белгород, Садовая ул., 116а;
(4722) 26-45-40; e-mail: kaf-tigp-zav@bukep.ru, kaf-tpp@bukep.ru.

Contact Details:

Shabalina E. I., Frolova N. Yu.: 116/A, Sadovaya Str., Belgorod, 308023,
Russia; (4722) 26-45-40; e-mail: kaf-tigp-zav@bukep.ru, kaf-tpp@bukep.ru.

Антонов А. Г., Вахмистрова С. И., Зорина Е. А.

**К вопросу о возрасте потерпевшей (потерпевшего)
в связи с освобождением виновного (виновной)
от наказания в соответствии с примечанием 1
к статье 134 УК РФ**

Antonov A. G., Vakhmistrova S. I., Zorina E. A. On the Question of the Age of the Victim in Connection with the Release of the Guilty from Punishment in Accordance with Note 1 to Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation

Статья посвящена проблемным вопросам применения примечания 1 к ст. 134 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), предусматривающего освобождение от наказания лица, виновного в половом сношении с лицом, не достигшим 16 лет, в связи с вступлением в брак с потерпевшим (потерпевшей). Анализируются социокультурные аспекты и современное уголовно-правовое толкование понятия «возраст сексуального согласия», а также правовые коллизии уголовного и семейного законодательства, возникающие на практике при применении примечания 1 к ст. 134 УК РФ.

Ключевые слова: возраст потерпевшего, возраст сексуального согласия, освобождение от наказания, брак с потерпевшим, снижение брачного возраста.

The article is devoted to topical issues of application note 1 to article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation providing for the exemption from punishment of persons guilty of sexual intercourse with a person under 16 years of age in connection with the marriage with the victim. The article analyzes the socio-cultural aspects and the modern criminal-legal interpretation of the concept of “age of sexual consent”, as well as the legal conflicts of criminal and family legislation that arise in practice when applying Note 1 to Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: age of the victim, age of sexual consent, release from punishment, marriage with the victim, reduction of the age of marriage.

Одним из дискуссионных вопросов в науке уголовного права является проблема правовой регламентации и применения специального основания освобождения от наказания лиц, совершивших преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). В литературе широко обсуждается этот вопрос [1; 2; 3; 4]. Согласно примечанию 1 к ст. 134 УК РФ «лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 настоящей статьи, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и со-

Антонов Антон Геннадьевич — профессор кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, доктор юридических наук, доцент.

Вахмистрова Светлана Ивановна — доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат исторических наук, доцент.

Зорина Елена Андреевна — начальник кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат юридических наук, доцент.

© Антонов А. Г., Вахмистрова С. И., Зорина Е. А., 2021

вершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим)». Возникает вопрос о том, что обусловило появление в 2009 г. этой нормы.

В первую очередь отметим, что данная норма об освобождении от наказания востребована судебной практикой. В соответствии с официальной статистикой, по данным сайта Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2017 г. по ч. 1 ст. 134 УК РФ (по основной статье) осуждены 2 285 человек, из них освобождены от наказания в связи с вступлением в брак — 289 человек; в 2018 г. 1 227 человек осуждены, 277 — освобождены от наказания; в 2019 г. осуждены 2 108 человек, освобождены от наказания — 258, за первое полугодие 2020 г. осуждены 852 человека, освобождены от наказания — 76. Как видим, применение на практике примечания 1 к ст. 134 УК РФ составляет более 10 % к общему числу осужденных по данной статье.

Такое положение дел стало следствием политики нашего государства. Исследуемая норма направлена, наряду с прочим, на сохранение нормальных семейных отношений. Так, в 2007 г. принята Концепция демографической политики России на период до 2025 г. В ней в качестве одного из основных приоритетов заявлено «укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений», в том числе увеличение рождаемости, «привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции» [5].

Настоящая цель имеет важный социально-политический характер, и задачи по ее реализации формулируются с точки зрения должного, жизненно необходимого, государственно важного. Иными словами, это — благое намерение государственной значимости. Тем не менее публикуемые материалы социологических исследований, проводимых в различных социальных группах, в том числе среди несовершеннолетних, дают неоднозначную картину социальной реальности, которую хочет урегулировать законодатель. Данное обстоятельство заставляет нас внимательнее исследовать не только содержание примечания 1, но и часть 1 ст. 134 УК РФ.

В частности, объект преступления с учетом ч. 1 ст. 134 УК РФ — половая неприкосновенность потерпевшего (потерпевшей). Неприкосновенность обуславливает полный запрет на половое сношение с лицами, не достигшими 16 лет, в связи с тем, что половое сношение до определенного возраста негативно сказывается на моральном, физическом и психическом развитии подростка. Тем не менее, судя по материалам многочисленных исследований, не исключено раннее начало половой жизни подростков. Так, по данным А. Г. Иванова, сексуальная активность девочек в 13 лет составляет 5 %, к 14 годам она достигает 16,4–18,5 %, в возрасте 15–17 лет — 30–43 %. По данным, приведенным М. Г. Коломейцевым, до 16 лет вступают в сексуальные отношения 41 % девушек, 22 % из них — до достижения 13 лет. Более половины из опрошенных (57,1 %) имеют сексуальные контакты с малознакомыми партнерами, а 23,4 % — со случайными [6, с. 333]. Из 300 опрошенных москвичек 15–17 лет 22,9 % заявили, что имели сексуальные контакты (хотя исследователи склонны думать, что таких около 45 %). Из опрошенных девушек, кто начал половую жизнь в возрасте до 16 лет, 31,3 % имели четырех и более половых партнеров [6, с. 338–340].

На ранний возраст коитального опыта указывают и другие исследователи [7; 8]. Так, И. С. Кон, анализируя возраст «сексуального дебюта» как в России, так и в зарубежных странах, приходит к выводу о том, что сексуальная активность в юношеском возрасте — явление исторически не новое. Молодые люди

допускают сексуальную перmissивность уже в 13–16 лет. При этом абсолютное большинство девушек вступают в сексуальные отношения с партнерами более старшего возраста (по данным И. С. Кона, в среднем от 75 до 93 % девушек в возрасте до 16 лет имеют при первом коитальном опыте партнера старше себя на 2 и более года) [7, с. 86].

Все это является отражением социокультурных изменений, происходящих в современном обществе, именуемых во многих исследовательских работах как «сексуальная революция». Так называемая вторая сексуальная революция, как утверждает И. В. Силуянова [9, с. 145], развернулась с середины XX в. Началом ее символически полагают появление в открытой продаже журнала «Плейбой». Реальными, наиболее очевидными последствиями этой революции, по оценкам специалистов, являются раннее начало половой жизни, увеличение числа половых партнеров, рост числа разводов и т. д.

На этом фоне более тщательного осмысления требует вопрос уголовно-правового толкования возраста сексуального согласия. В научной литературе возрасту половой зрелости и сексуального согласия уделено немало внимания [4; 10]. При этом единодушный подход к данному вопросу отсутствует не только у ученых, но и у законодателя. Так, с 1996 по 2012 г. законодатель несколько раз изменял возраст потерпевшего (потерпевшей) по ст. 134 УК РФ: 1996 год — 16 лет, 1998 год — 14 лет, 2003 год — 16 лет, 2008 год — 14 лет, 2012 год — 16 лет. Последний раз это произошло в 2012 г. [11].

В соответствии с действующей редакцией УК РФ половой неприкосновенностью обладают лица в возрасте до 16 лет, что по своей сути и является возрастом сексуального согласия. Под ним принято понимать возраст, при достижении которого лицо способно самостоятельно осознанно принимать решение о добровольном вступлении в половые отношения, определять полового партнера и способы удовлетворения своих половых потребностей [12, с. 72; 13, с. 368].

М. Н. Клименко высказывает, как кажется, противоречивую мысль: «Учитывая, что уголовно наказуемыми признаются ненасильственные сексуальные преступления с лицами, достигшими 12 лет, но не достигшими 16 лет, то именно эти возрастные рамки и могут быть признаны возрастом сексуального согласия» [14, с. 47]. С формально-логической позиции в рамках дихотомического деления предлагаемая дифференциация имеет под собой определенные основания.

Социологи указывают на очевидную тенденцию раннего полового созревания у значительной части подростков, формирования культуры демонстративной половой свободы как со стороны юношей, так и девушек, активной эксплуатации сексуальной тематики в средствах массовой информации. В комплексе это формирует дезориентирующую картину наступления возраста половой зрелости у юношей и девушек, такого возраста еще не достигших. Данное обстоятельство должно найти отражение в действующем законодательстве. В противном случае останется неразрешенным противоречие между социальной нормой и правовой нормой.

Многими учеными и практиками справедливо поставлен вопрос о способности подростка осознавать социальные последствия сексуальных отношений, их влияние на физиологическое и психическое развитие, репродуктивное здоровье, нормальные семейные отношения в будущем. Данное обстоятельство принято во внимание и законодателем при формулировании диспозиции ст. 134 УК РФ.

Вместе с тем наличие примечания 1 к ст. 134 УК РФ дает основания полагать, что, по мнению законодателя, вступление в брак с потерпевшим позволит не только освободить виновное лицо от наказания, но и защитить потерпевшую от негативных нравственно-психологических последствий столь ранних сексуальных

контактов, упорядочив ее половую жизнь посредством вступления в брак. Законодатель также признает, что вступление в брак виновного (виновной) и потерпевшей (потерпевшего) может нейтрализовать общественную опасность рассматриваемого преступления. В примечании 1 к ст. 134 УК РФ допускается ситуация, когда лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим). Невольно возникает вопрос. В этом случае нарушение половой неприкосновенности не наносит ущерба развитию подростка?

Наряду с пониманием общественной опасности рассматриваемого деяния как нарушения половой неприкосновенности необходимо учитывать и негативную оценку обществом ранних половых контактов с их последствиями. В этом контексте важен не факт вступления в половые отношения с лицом, не достигшим возраста 16 лет, а негативные оценки общества, закрепленные в законодательстве. Но о какой негативной оценке можно говорить в современных условиях, если средства массовой информации (вольно или невольно) навязчиво пропагандируют свободу сексуальных отношений на грани допустимого.

Итак, вступление в брак с потерпевшей (потерпевшим) является, с одной стороны, видом добровольного ограничения сексуальной свободы партнеров. Предполагается, что вступление в официальный брак исключает половые контакты с иными партнерами, поскольку оно по своей социальной сущности есть публичная декларация о таких намерениях. С другой стороны, вступление в брак — способ защиты прав будущего ребенка, рождение которого вероятно вследствие такой сексуальной связи. Но законодателю необходимо определиться, с чем мы сталкиваемся: с нормой уголовного права или фактически с нормой морали?

Помимо этого, вызывает вопрос и согласованность примечания 1 к ст. 134 УК РФ с нормами отечественного семейного законодательства. Существует запрет на половое сношение с лицами до 16 лет. Брачный возраст определен ч. 1 ст. 13 Семейного кодекса РФ в 18 лет. При наличии уважительных причин органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по их просьбе разрешить вступить в брак лицам, достигшим возраста 16 лет (ч. 2 ст. 13 Семейного кодекса РФ). Минимальный брачный возраст — 16 лет. Очевидным становится вопрос о сложности применения исследуемого примечания: жертва должна достигнуть 16 лет. Если потерпевшей (потерпевшему) во время совершения преступления было 15 лет, то виновному (виновной) для освобождения необходимо год «тянуть» уголовный процесс, что незаконно и процессуально нереально. На такое несоответствие примечания 1 к ст. 134 УК РФ и ст. 13 Семейного кодекса РФ указывают ряд исследователей [3; 15].

Вступление в брак социально одобряет половые отношения между супругами. Без них сложно решить вопрос о рождении детей (хотя современные технологии и (или) закон этот вопрос разрешают), что является неотъемлемым признаком семьи. Например, согласно ч. 2 ст. 31 Семейного кодекса РФ, вопросы материнства, отцовства, воспитания, образования детей, иные вопросы жизни семьи решаются супругами совместно, исходя из принципа равенства супругов. Согласно ч. 2 ст. 13 Семейного кодекса РФ порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста 16 лет, могут быть установлены законами субъектов РФ.

В настоящее время более чем в 20 субъектах РФ приняты законы, позволяющие вступление в брак лицам, не достигшим возраста 16 лет [16]. При этом в данных нормативных правовых актах, как правило, устанавливается нижний

возрастной порог и основания для вступления в такой брак. Необходимо отметить, что анализ законодательства показал отсутствие единообразных подходов в субъектах РФ к регулированию указанного правоотношения. Большинство законов субъектов РФ определяют возрастной ценз в 14 лет [17; 18; 19]. Несколько субъектов РФ установили возрастной ценз для снижения брачного возраста в 15 лет [20; 21; 22].

Гармонизация указанных выше положений с примечанием к ст. 134 УК РФ отсутствует. Исходя из возрастных ограничений, введенных в субъектах РФ, воспользоваться предусмотренным примечанием смогут не все. Так, если региональный закон установил нижний порог в 15 лет, то потерпевшая (потерпевший) младше этого возраста не имеет юридической возможности вступить в брак с виновным (виновной), даже если имеется обоюдное согласие. Реализовать такое право и на территории другого субъекта РФ не представляется возможным, поскольку в качестве одного из условий оформления подобного союза законами субъектов РФ установлена обязательная регистрация несовершеннолетнего по месту жительства на территории субъекта РФ.

Таким образом, применение рассматриваемого примечания на практике имеет ряд дополнительных ограничений. Поскольку регистрация брака с потерпевшей (потерпевшим) возможна только в органах ЗАГС и только при наличии специального закона субъекта РФ о снижении брачного возраста лицам младше 16 лет, то примечание к ст. 134 УК РФ может использоваться лишь в тех субъектах РФ, где подобные законы приняты, либо на момент судебного разбирательства потерпевшая уже достигла возраста 16 лет. Иными словами, при всех равных обстоятельствах в одном регионе России виновный может быть освобожден от наказания согласно примечанию к ст. 134 УК РФ, а в другом — не может быть освобожден. Возникает вопрос о соблюдении принципа равенства граждан перед законом.

Отсутствует и единообразный подход в региональных законодательных актах в определении оснований для вступления в брак лицами, не достигшими 16 лет. К примеру, Семейный кодекс Республики Татарстан (СК РТ) от 13 января 2009 г. № 4-ЗРТ закрепляет в ч. 3 ст. 10 положение о том, что в виде исключения при наличии особых обстоятельств может быть разрешено вступление в брак лицам в возрасте от 14 до 16 лет, имеющим место жительства в Республике Татарстан. В ч. 4 ст. 10 СК РТ отражены следующие особые обстоятельства: беременность, рождение общего ребенка, непосредственная угроза жизни одной из сторон. Аналогичные положения в отношении Московской области закреплены в ст. 1 и 2 закона субъекта от 30 апреля 2008 г. № 61/2008-ОЗ «О порядке и условиях вступления в брак на территории Московской области лиц, не достигших шестнадцати лет».

Законы Нижегородской и Новгородской областей оставляют перечень оснований для снижения брачного возраста до 14 лет открытым, указывая на иные особые (чрезвычайные) обстоятельства [19; 23]. Однако в большинстве законов субъектов РФ исключительным основанием для снижения брачного возраста до 14–15 лет является рождение ребенка или установленная беременность (зачастую в законах указывается минимальный срок беременности — от 12 до 22 недель).

По сути, региональные законы вторгаются в компетенцию федерального закона, в сферу регулирования уголовной ответственности, что недопустимо. Они допускают нарушение половой неприкосновенности, учитывая, что беременность и рождение общего ребенка у лица, не достигшего 16 лет, как особые обстоятельства для вступления в брак, могут свидетельствовать о наличии состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ.

Исходя из изложенного, можно констатировать необходимость гармонизации федерального и регионального законодательства в семейной сфере относительно рассмотренных вопросов, прежде всего по вопросу установления минимального брачного возраста. В этой связи целесообразно привести положения семейного законодательства в соответствие с нормами уголовного закона. Только последний может регулировать уголовные правоотношения: устанавливать уголовную ответственность и наказание или освобождать от них. Семейное законодательство такие правоотношения регулировать не может. Существует еще один вариант разрешения описанного противоречия — снижение возраста потерпевшего (потерпевшей) от преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, исходя из современных социальных реалий, моральных устоев нашего общества.

Литература

1. Кузнецов А. В., Галан С. В. Совершенствование законодательства по применению основания освобождения от наказания в связи со вступлением в брак с потерпевшим // Законодательство и практика. 2016. № 2 (37). С. 56–59.
2. Новикова Е. П. Уголовно-правовая оценка ненасильственных половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 4. С. 228–232.
3. Пантюхина И. В. Анализ специального освобождения от наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 101–110.
4. Прокументов Л. М. Статья 134 УК РФ нуждается в совершенствовании // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27. С. 80–85.
5. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/191961/> (дата обращения: 29.01.2021).
6. Баранов А. А., Кучма В. Р., Сухарева Л. М. Медико-социальные проблемы воспитания подростков: монография. М.: ПедиатрЪ, 2014. 387 с.
7. Кон И. С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века: социально-педагогический анализ. Дубна: Феникс+, 2001. 207 с.
8. Луков В. А. Добрачные сексуальные отношения молодежи: дилемма социальной нормы и отклонения: монография. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2012. 186 с.
9. Силуянова И. В. Руководство по этико-правовым основам медицинской деятельности: учеб. пособие. М.: МЕДпресс-информ, 2008. 217 с.
10. Барышева К. А., Матвеева М. В. Брачный возраст и возраст согласия: межотраслевые правовые коллизии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 506–526.
11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70144008/> (дата обращения: 29.01.2021).
12. Амирова Д. К., Гильмутдинов Д. Д. К вопросу об определении возраста достижения потерпевшей половой зрелости как признака состава преступлений против половой неприкосновенности // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. № 2 (10). С. 71–75.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 1080 с.
14. Клименко Т. М. Возраст потерпевшего как признак ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4 (26). С. 6–50.

15. Романова В. В. Особенности состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ // Криминалистъ. 2010. № 2 (7). С. 28–29.
16. Ординарцева Л. И. Определение порядка и условий вступления в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет, законами субъектов Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 30–33.
17. О порядке и условиях вступления в брак граждан, проживающих на территории Сахалинской области, не достигших возраста шестнадцати лет [Электронный ресурс]: закон Сахалинской области от 11 июля 2005 г. № 46-ЗО // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/31704230/> (дата обращения: 29.01.2021).
18. О порядке и условиях вступления в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет [Электронный ресурс]: закон Орловской области от 21 апреля 1997 г. № 33-ОЗ // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/28500033/> (дата обращения: 29.01.2021).
19. О порядке и условиях разрешения вступления в брак гражданам, не достигшим возраста шестнадцати лет [Электронный ресурс]: закон Нижегородской области от 10 сентября 1996 г. № 44-З // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/8668749/> (дата обращения: 29.01.2021).
20. О порядке и условиях вступления в брак на территории Тверской области лиц, не достигших возраста шестнадцати лет [Электронный ресурс]: закон Тверской области от 26 сентября 1996 г. № 38 // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/16301038/> (дата обращения: 29.01.2021).
21. О порядке и условиях разрешения на вступление в брак лицам, не достигшим возраста шестнадцати лет [Электронный ресурс]: закон Рязанской области от 30 декабря 2014 г. № 105-ОЗ // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/ryazan/601781/> (дата обращения: 29.01.2021).
22. Об условиях и порядке выдачи, в виде исключения, разрешения на вступление в брак на территории Челябинской области лицу, не достигшему возраста 16 лет [Электронный ресурс]: закон Челябинской области от 26 августа 1999 г. № 83-ЗО // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/8748523> (дата обращения: 29.01.2021).
23. О порядке и условиях вступления в брак на территории области лиц, не достигших возраста шестнадцати лет [Электронный ресурс]: закон Новгородской области от 2 февраля 2009 г. № 465-ОЗ // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/16541005/> (дата обращения: 29.01.2021).

Контактные данные:

Антонов А. Г., Вахмистрова С. И., Зорина Е. А.: 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149; (812) 369-96-37; e-mail: antonovanton1@mail.ru, ven_sv@mail.ru, zorina_lena@mail.ru.

Contact Details:

Antonov A. G., Vakhmistrova S. I., Zorina E. A.: 149, Moskovskiy Ave., St. Petersburg, 196105, Russia; (812) 369-96-37; e-mail: antonovanton1@mail.ru, ven_sv@mail.ru, zorina_lena@mail.ru.

Голубенко К. А., Воскресенская Е. В.

Возможности и пределы реализации сторонами арбитражного соглашения и принципа автономии воли: современные тенденции

Golubenko K. A., Voskresenskaya E. V. Possibilities and Limits of Implementation by the Parties of the Arbitration Agreement and the Principle of Autonomy of Will: Current Trends

В статье проведен анализ принципа автономии воли, который является основополагающим в регулировании разрешения споров, вытекающих из внешнеэкономических отношений сторон. Рассматриваемый важнейший принцип, в частности, дает возможность сторонам решать, какое право будет применяться для регулирования их взаимоотношений и какой суд или арбитраж будет наделен компетенцией разрешать их споры. Согласно авторской позиции, очевидна тенденция законодательной сферы и правоприменительной практики по наделению как можно большей свободой сторон при заключении и реализации условий арбитражного соглашения. Данное обстоятельство, безусловно, увеличивает возможность реализации принципа автономии воли сторон. В заключение сделан вывод о том, что наблюдается и тенденция формирования более конкретных пределов автономии воли при заключении арбитражного соглашения. Проанализированы материалы судебной-арбитражной практики российской юрисдикции, когда автономия воли при заключении арбитражного соглашения ограничивается. Выделены критерии возможности применения арбитражного соглашения — действительности и исполнимости, практика применения которых противоречива.

The article analyzes the principle of the autonomy of the will, which is fundamental in the regulation of the settlement of disputes arising from the foreign economic relations of the parties. The most important principle under consideration, in particular, allows the parties to decide which law will be applied to regulate their relationship and which court or arbitration will be given the competence to resolve their disputes. The authors note the tendency of the legislative sphere and law enforcement practice to give the parties as much freedom as possible when concluding and implementing the terms of an arbitration agreement. This, of course, increases the possibility of implementing the principle of autonomy of the will of the parties. The authors come to the conclusion that there is also a tendency to form more specific limits of the autonomy of the will when concluding an arbitration agreement. The article analyzes the materials of the judicial and arbitration practice of the Russian jurisdiction, when the autonomy of the will at the conclusion of an arbitration agreement is limited. The authors highlight the criteria for the possibility of applying an arbitration agreement—validity and enforceability, the practice of which is quite contradictory.

Голубенко Константин Александрович — студент 1 курса магистратуры Высшей школы юриспруденции и судебной-технической экспертизы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, юрисконсульт ООО «Группа компаний «КОРУС Консалтинг».

Воскресенская Елена Владимировна — директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент.

© Голубенко К. А., Воскресенская Е. В., 2021

Ключевые слова: арбитражное соглашение, автономия воли, арбитрабельность, арбитраж, международный арбитраж, арбитражное решение.

Keywords: arbitration agreement, autonomy of will, arbitrability, arbitration, international arbitration, arbitral award.

Принцип автономии воли является краеугольным в регулировании внешнеэкономических отношений. В современной науке и практике международного частного права этот принцип принято определять как право сторон выбирать контрагентов по сделке, «...самостоятельно конструировать договор и определять его содержание, руководствуясь общими типовыми законодательными рамками» [1, с. 23].

В аспекте данного принципа стороны также могут решать, какое право будет применяться для регулирования их взаимоотношений и какой суд или арбитраж будет наделен компетенцией разрешать их споры (как существующие, так и будущие), причем не обязательно договорных. Определение таких условий оформляется в виде арбитражного соглашения. Под ним принято понимать «...соглашение сторон о передаче в арбитраж всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным договорным или иным правоотношением, объект которого может быть предметом третейского разбирательства» [2, с. 167].

Как верно отмечают А. О. Иншакова и И. В. Антипов, «...арбитражное соглашение, в том числе его смешанные, нетрадиционные формы, выступает инструментом взаимовыгодного, компромиссного разрешения споров из внешнеэкономических контрактов, которое практически ни при каких условиях не может быть достигнуто в результате государственного судопроизводства» [3, с. 30]. С учетом обозначенной роли арбитражного соглашения в контексте реализации принципа автономии воли становится необходимым исследовать основные направления развития, связанные с определением его условий.

В настоящее время наметилась тенденция (в том числе законодательная) придавать как можно большую свободу сторонам при заключении и реализации условий арбитражного соглашения. Как следствие, усиливается возможность реализации принципа автономии воли сторон. Например, в России допускается не только возможность сторон определить конкретный арбитраж, но и зафиксировать на уровне такого соглашения правила процедуры арбитража, вплоть до правил оценки доказательств (хоть и с оговоркой относительно обязательности учета императивных положений закона) [4].

Вместе с тем отечественное процессуальное законодательство содержит ограничения в части арбитрабельности некоторых видов споров (например, споров, вытекающих из трудовых, наследственных, семейных отношений) [5]. Напротив, в других правовых системах сторонам предоставляется больше возможностей для заключения арбитражного соглашения, которые неарбитрабельны в российской юрисдикции. Так, по законодательству Нидерландов возможна передача в арбитраж любых споров, в отношении которых заключено арбитражное соглашение между сторонами, договорных и внедоговорных, в том числе семейных (равно как и в Великобритании, Польше (за исключением алиментных) и Канаде) [6].

Еще одна возможность, предоставляемая сторонам арбитражного соглашения, — преодоление судебных запретов (англ. *anti-suit injunction*). В некоторых зарубежных правовых системах существует так называемый запрет на предъявление иска. Его суть сводится к запрету инициировать судебное разбирательство или продолжать таковое, если оно уже идет, в том числе в другой юрисдикции [7]. В деле “*Himpurna California Energy v. Indonesia*” государственный суд Индонезии

выдал судебный запрет сторонам арбитражного разбирательства, проходившего на территории страны, продолжать его под страхом наложения штрафа в размере 1 млн долл. США. Арбитражное разбирательство было перенесено в Нидерланды, где продолжено с последующим вынесением арбитражного решения [8]. Приведенный пример в полной мере демонстрирует реальную силу принципа автономии воли сторон, когда голландский арбитраж не подчинился воле суда иностранного государства, а руководствовался арбитражным соглашением сторон (что и позволило преодолеть судебный запрет) [9].

Одновременно с тенденцией к расширению возможностей волеизъявления сторон существует определенный тренд на формирование более конкретных пределов автономии воли при заключении арбитражного соглашения. Принцип автономии воли, безусловно, несет в себе фундаментальное значение. Вместе с тем он не может быть безграничным, в противном случае попытка сторон урегулировать виды, правила и процедуру разрешения споров в рамках соглашения приведет к состоянию неразберихи, а в худшем случае — хаосу и нарушению баланса прав и интересов сторон.

На основании проведенного анализа можно выделить несколько примеров, когда автономия воли при заключении арбитражного соглашения ограничивается (на примере российской юрисдикции). При заключении арбитражного соглашения стороны не могут договориться об исключении применения права и (или) законодательства всех стран [10], так как в противном случае разрешить спор надлежащим образом будет фактически невозможно (из-за отсутствия источников права, которые можно было бы применить для разрешения споров). Запрет на диспаратетные арбитражные соглашения, то есть соглашения, которые предоставляют право выбора процедуры разрешения спора, выбор между судом и арбитражем, только одной стороне правоотношения [11].

Так, в нашей практике был случай, когда в партнерском соглашении между российской (дистрибьютором) и румынской (правообладателем программного обеспечения) компаниями установлено, что «Правообладатель имеет право подавать иски против Дистрибьютора в юрисдикции любой точки мира для отстаивания своих прав по настоящему Соглашению о партнерстве». Такая оговорка носит диспаратетный и асимметричный характер, поскольку только правообладателю как стороне сделки предоставлено право обращаться в суды и право выбора способа правовой защиты, что, в свою очередь, нарушает баланс прав и интересов другой стороны соглашения [11].

Для возможности применения арбитражное соглашение должно отвечать критериям действительности, то есть должно быть заключено без пороков воли (под влиянием обмана, под угрозой или с применением насилия) или формы и (или) не противоречить императивным требованиям применимого права и исполнимости (свойство соглашения, при котором оно определено, полно отражает суть достигнутых договоренностей сторон и при наступлении обстоятельств позволяет реализовать зафиксированные договоренности) [12; 13].

Для нас больший интерес представляет второй критерий, поскольку он относится к содержанию арбитражного соглашения и чаще вызывает трудности на практике, причем во многом из-за небрежности сторон при ее формировании и по причине «увлечения адаптивным потенциалом» [1, с. 26]. В приведенном нами выше примере диспаратетное арбитражное соглашение является также неисполнимым, поскольку указание на возможность подачи иска «в юрисдикции любой точки мира» не позволяет установить выбор определенного институционального арбитража. При этом возможны более сложные ситуации, когда на основании анализа содержания арбитражного соглашения есть основания полагать,

что его исполнение может быть затруднено или неисполнимо. Такое соглашение принято называть «дефектным» (патологическим) [14, с. 180].

Практика их применения противоречива, но можно выделить общие тенденции:

- 1) неточное наименование арбитражного учреждения не является основанием для признания оговорки неисполнимой. В случае неточности наименования необходимо установить действительную общую волю сторон, то есть при оценке соглашения важно установить арбитражное учреждение или правила арбитража, на использование которых направлено волеизъявление сторон (телеологическое толкование) [15; 16];
- 2) указание на город, в котором находится компетентный суд, а равно только на правила арбитража, может свидетельствовать о дефектности арбитражной оговорки [17; 18];
- 3) в 2000-х гг. судебная практика признавала отсутствующим (дефектным) арбитражное соглашение в случае истечения срока действия договора (ограничительное толкование) [19]; в 2010-х гг. практика изменилась: оговорка признается действующей в случае истечения срока действия основного договора и даже в случае признания такого договора недействительным (расширительное толкование) [13].

Таким образом, при заключении и реализации арбитражных соглашений наблюдается устойчивая тенденция, в рамках которой сторонам предоставляется все больше возможностей самостоятельно и широко определять условия соответствующего соглашения: отнести большое количество видов споров на разрешение арбитража; определить правила арбитражной процедуры, включая даже правила оценки доказательств и др. В результате усиливается возможность реализации принципа автономии воли сторон.

Усиление принципа автономии воли сторон при заключении арбитражного соглашения позволяет даже преодолевать судебные запреты государственных судов. Во многом это логично: арбитражное соглашение служит источником компетенции для арбитража, поэтому обязательность проявленной сторонами воли на рассмотрение дела должна иметь первостепенное значение для соответствующего арбитража. Одновременно существует тренд и на формирование более конкретных границ, пределов автономии воли при заключении сторонами арбитражного соглашения. В частности, законодателем и правоприменителем вводятся запреты на исключение применения права и (или) законов всех стран и диспатриетные соглашения.

В рамках вопроса о пределах автономии воли сторон при заключении арбитражного соглашения формируются критерии действительности и исполнимости арбитражного соглашения. Говоря о последнем, ранее нами выявлен целый ряд недостатков арбитражного соглашения, которые могут вызвать трудности при его исполнении, например, некорректное обозначение институционального арбитража или обозначение только города — места проведения арбитража.

Считаем, что усиление автономии воли даст возможность сторонам сформулировать такую процедуру разбирательства, которая в максимальной степени будет отвечать их взаимным потребностям и интересам. А. С. Комаров утверждает, что это «является важнейшим направлением совершенствования арбитражного законодательства, модернизация которого прошла в последнее время в ряде зарубежных стран» [20, с. 18].

В заключение нельзя не согласиться с позицией А. О. Иншаковой и И. В. Антипова: «Очевидна направленность эволюции арбитражного соглашения на адаптацию к потребностям участников внешнеэкономического оборота, обеспечение максимально комфортных условий и поиск взаимно приемлемых вариантов раз-

решения конфликтов» [З, с. 36–37]. При этом возьмем на себя смелость дополнить авторов и заключить, что подобная адаптация сопровождается и выработкой разумных критериев пределов автономии воли сторон при формировании и реализации арбитражного соглашения. С оптимизмом смотрим в будущее и рассчитываем на то, что данные тренды продолжатся, и это приведет к более гармоничному и стабильному внешнеэкономическому обороту.

Литература

1. *Казаченок С. Ю.* Арбитражное соглашение как индикатор перспективных принципов и тенденций развития МЧП: автономия воли сторон // Юрист. 2014. № 16. С. 22–27.
2. *Николюкин С. В.* Международный гражданский процесс и международный коммерческий арбитраж: учебник. М.: Юстиция, 2019. 259 с.
3. *Иншакова А. О., Антипов И. В.* Позитивные факторы и гибкие правовые средства развития международного коммерческого арбитража // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 1 (21). С. 30–39.
4. О международном коммерческом арбитраже [Электронный ресурс]: закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2303/ (дата обращения: 09.02.2021).
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 38-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
6. Гражданский процессуальный кодекс Нидерландов. Книга IV. Арбитраж. 1986 [Электронный ресурс] // Арбитражная Ассоциация. URL: https://arbitration.ru/upload/iblock/9e9/netherlands-arbitration-act_eng.pdf (дата обращения: 09.02.2021).
7. *Петроль О. Д.* Арбитрабельность матримониальных споров // Новые горизонты международного арбитража: сб. ст. / под науч. ред. А. В. Асоскова, А. Н. Жильцова, Р. М. Ходыкина. М.: Российский институт современного арбитража, 2019. Вып. 5. С. 331–347.
8. *Tulip De, Priya Adlakha.* The Law of Anti-Suit Injunctions in India. URL: <https://www.ibanet.org/Article/NewDetail.aspx?ArticleUid=40B35B14-9403-412F-9A6C-6E03080BF696> (дата обращения: 09.02.2021).
9. *Lew J. D. M.* Anti-Suit Injunctions Issued by national Courts to Prevent Arbitration Proceedings // Anti-Suit Injunctions in International Arbitration / ed. by Emmanuel Gaillard. 2005. P. 1–16.
10. Решение Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ от 13 января 2004 г. по делу № 185/2002 [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=19934#0981989511614098> (дата обращения: 09.02.2021).
11. *Розенберг М. Г.* Практика разрешения споров в Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате РФ // Хозяйство и право. 2005. № 6. С. 100–112.
12. О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 // Российская газета. 2019. 25 декабря.
13. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц: информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 9 июля 2013 г. № 158 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149878/ (дата обращения: 09.02.2021).
14. *Лобода А. И.* Толкование арбитражного соглашения в праве России // Третейский суд. 2019. № 1/2. С. 179–201.
15. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 6 мая 2013 г. по делу № А27-7409/2011 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1252a3db-9020-469f-a848-4adc50343afd> (дата обращения: 09.02.2021).

16. Решение Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ от 19 января 2010 г. по делу № 99/2009 // М. Г. Розенберг. Из практики Международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате РФ за 2010 г. // Приложение к № 5 журнала «Хозяйство и право». 2013. С. 1–64.
17. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 апреля 2018 г. по делу № А40-176466/17 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e14833d5-67ca-48a9-adff-78c46640dabe> (дата обращения: 09.02.2021).
18. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 7 мая 2018 г. по делу № А40-130828/2016 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1a09a287-d312-4803-8800-dc5a94957ec6> (дата обращения: 09.02.2021).
19. Постановление Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ от 8 апреля 2009 г. по делу № 90/2008 // Розенберг М. Г. Из практики Международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате РФ за 2009–2011 гг. // Приложение к № 11 журнала «Хозяйство и право». 2012. С. 34–39.
20. Комаров А. С. Международный коммерческий арбитраж в России: на пороге реформы законодательства // Вестник международного коммерческого арбитража. 2015. № 1. С. 18–28.

Контактные данные:

Голубенко К. А.: 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29; (911) 136-68-32; e-mail: k.a.golubenko@mail.ru.

Воскресенская Е. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 313-39-41; e-mail: elenvoskr@mail.ru.

Contact Details:

Golubenko K. A.: 29, Politekhnikeskaya Str., St. Petersburg, 195251, Russia; (911) 136-68-32; e-mail: k.a.golubenko@mail.ru.

Voskresenskaya E. V.: 44/A, Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190103, Russia; (812) 313-39-41; e-mail: elenvoskr@mail.ru.

Курмашев С. М., Черных А. Б.

Вопросы защиты трудовых прав граждан, получающих второе высшее образование и совмещающих работу с обучением

*Kurmashev S. M., Chernykh A. B. Protection Issues of Labor Rights
of Citizens Obtaining a Second Higher Education and Combining Work
and Training*

В статье речь идет о том, что переквалификация и второе высшее образование все более востребованы среди работающих граждан. По утверждению авторов, получение второго высшего образования, равно как и получение новой профессиональной квалификации, для работающего человека связано с трудностями, возникающими при совмещении работы с обучением. Вместе с тем получение высшего образования в процессе работы сопряжено и с решением целого ряда нормативно-правовых и правоприменительных вопросов соблюдения трудовых прав, имеющих неоднозначную трактовку со стороны юристов и неоднозначную правоприменительную практику. Кроме основных гарантий в области получения второго высшего образования авторами статьи исследованы вопросы о соотношении профессионального образования и профессиональной переподготовки, а также о некоторых трудностях, связанных с подтверждением высшего образования. Предпринята попытка обобщить имеющиеся в данной области материалы и сформулировать некоторые рекомендации тем, кто только задумывается над этим вопросом или уже проходит обучение.

Ключевые слова: защита трудовых прав, совмещение работы с обучением, правоприменительная практика, профессиональная переподготовка, второе высшее образование.

The article deals with the fact that retraining and a second higher education are increasingly in demand among working citizens. According to the authors, obtaining a second higher education, as well as obtaining a new professional qualification, for a working person is associated with difficulties that arise when combining work and training. At the same time, obtaining higher education while working is also associated with the solution of regulatory and law enforcement issues of compliance with labor rights, which have an ambiguous interpretation by lawyers and an ambiguous law enforcement practice. In addition to the main guarantees in the field of obtaining a second higher education, the authors of the article investigate the issues of the ratio of vocational education and vocational retraining, as well as some difficulties associated with the confirmation of higher education. There is an attempt to summarize the materials available in this area and formulate some recommendations for those who are just thinking about this issue or are already being trained.

Keywords: protection of labor rights, combining work and training, law enforcement practice, professional retraining, second higher education.

Курмашев Сергей Михайлович — кандидат технических наук, доцент, частнопрактикующий юрист.

Черных Антонина Борисовна — доцент кафедры трудового права и социального обеспечения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат социологических наук.

© Курмашев С. М., Черных А. Б., 2021

С позиции правоприменения существует целый ряд вопросов, связанных с получением второго высшего образования. Прежде всего следует помнить о праве каждого гражданина на получение бесплатного высшего образования, если образование данного уровня он получает впервые.

Ввиду этого интересен анализ не только законодательно закрепленных норм, но и судебной практики в области реализации и защиты прав на различного рода компенсации в процессе получения образования. На базе всестороннего анализа определим основные направления защиты прав работающих и обучающихся граждан, поскольку количество желающих получить второе высшее образование постоянно растет. Это зачастую является насущной необходимостью в условиях, когда динамика развития различных отраслей экономики неравномерна и стимулирует потоки специалистов из одной профессиональной области в другую. Тем не менее процесс обучения, включая порядок предоставления гарантий и компенсаций работникам, совмещающим работу с получением образования, связан с рядом вопросов, которые по-разному понимают работники и работодатели. В итоге возникает большое количество трудовых споров.

Как известно, индивидуальный трудовой спор — это наличие неурегулированных разногласий между работодателем и работником по вопросам применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашений, локальных нормативных актов, текста трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда), о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров (в частности, в комиссию по трудовым спорам). Порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров регулируется главой 60 (ст. 381–397) Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) [1]. В случае несогласия с решением комиссии работник может обратиться в государственную инспекцию по труду или в суд.

Право в России не носит прецедентный характер. Однако Верховный Суд РФ нацеливает суды на единообразие судебной практики, в том числе в области трудового права. Это достигается вследствие принятия актов общего значения, которые фактически содержат нормативные положения, что сближает их с нормативными источниками трудового права. К таким актам можно отнести следующие:

- постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащие толкование действующих правовых норм и указания по применению этих норм судами;
- постановления Конституционного Суда РФ, признающие недействительными и не подлежащими применению нормативные акты, не соответствующие Конституции РФ и законодательству РФ.

Кроме того, в качестве аналога судебных прецедентов можно рассматривать, во-первых, обобщения судебной практики, подготовленные Верховным Судом РФ, во-вторых, официально опубликованные решения Верховного Суда РФ и нижестоящих судов по конкретным делам. Это направлено на достижение единообразия судебной практики и позволяет оценить перспективы судебного решения проблемы. Таким образом, существуют некоторые основания для научной дискуссии по вопросу признания судебной практики в качестве самостоятельного источника трудового права. Именно поэтому судебной практике по различным вопросам, связанным с защитой прав граждан, совмещающих трудовую деятельность с обучением, уделено столько внимания в данной работе.

Один из актуальнейших вопросов для каждого работающего гражданина, совмещающего трудовую деятельность с получением образования, — оплата за

обучение. В России гражданам предоставлена возможность бесплатного образования (включая высшее) при условии, что образование данного уровня гражданин получает впервые, о чем гласит ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон № 273-ФЗ) [2], независимо от того, удалось или не удалось окончить высшее учебное заведение. После так называемой первой попытки следующие попытки бесплатными быть не могут. К такому выводу пришел Конституционный Суд РФ [3]. Более того, даже если первое высшее образование получено платно, второе можно получить, только оплатив обучение [4].

Арбитражный суд Западно-Сибирского округа пришел к выводу о том, что законодательством не предусмотрено получение второго и последующего высшего образования за счет бюджетных средств [5]. По нашему мнению, такая формулировка не полностью отражает сложившуюся ситуацию. Согласно ч. 5 ст. 10 Закона № 273-ФЗ установлены следующие уровни профессионального образования:

- среднее профессиональное образование;
- высшее образование — бакалавриат;
- высшее образование — специалитет, магистратура;
- высшее образование — подготовка кадров высшей квалификации.

Итак, специалитет и магистратура отнесены к одному уровню высшего образования. Приведем пример. Если гражданин окончил вуз, имеет соответствующий диплом бакалавра по одной специальности и хочет учиться в магистратуре по другой специальности, то это будет для него бесплатным при наличии бюджетных мест и успешной сдаче вступительных экзаменов. С этой позиции вывод Арбитражного суда Западно-Сибирского округа представляется неоднозначным.

Если гражданин получил диплом специалиста, то ситуация усложняется. В частности, определенные надежды некоторые поступающие специалисты связывают с ч. 15 ст. 108 Закона № 273-ФЗ, в которой определено право «дипломированных специалистов» на поступление в магистратуру на условиях конкурса. Однако суды часто толкуют эту норму не в пользу соискателя образования, что находит отражение, например, в определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14 сентября 2020 г. № 88-13127/2020 [6].

Не все, к сожалению, видят разницу между понятиями «специалист» и «дипломированный специалист». Разница заключается в том, что Закон об образовании от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ в своих первых редакциях (по 21 включительно, то есть по 24 октября 2007 г.) в ст. 6 установил следующее: квалификации «дипломированный специалист» и «магистр» соответствуют различным уровням высшего образования [7]. Следовательно, все выпускники вузов с квалификацией «дипломированный специалист» имеют право на поступление в магистратуру на условиях конкурса без оплаты обучения. Это косвенно подтверждается и Порядком приема на обучение по образовательным программам высшего образования: программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, утвержденным приказом Минобрнауки России от 21 августа 2020 г. № 1076. Так, глава VIII Порядка, посвященная приему документов, содержит п. 45, подп. 3, согласно которому в заявлении о приеме в магистратуру в рамках контрольных цифр нужно указывать сведения об отсутствии диплома специалиста [8]. Исключение — для «дипломированных специалистов». Причем ссылка к этому подпункту направляет к ч. 15 ст. 108 Закона № 273-ФЗ. Вышеизложенное также дает повод усомниться в корректности вывода Арбитражного суда Западно-Сибирского округа.

Итак, в случае отказа в получении образования за счет бюджета перед обращением в суд следует установить два обстоятельства:

- имеется ли у соискателя степени магистра диплом, подтверждающий квалификацию «дипломированный специалист»;
- идет ли речь об обучении за счет бюджета на конкурсной основе.

Если хотя бы одно из двух условий отсутствует, решение суда будет не в пользу гражданина. Типичная формулировка отказа суда в подобных случаях содержит вывод о том, что все положения указанной статьи относятся лишь к дипломированным специалистам, поступающим в вуз на конкурсной основе, о чем говорится, например, в определении Санкт-Петербургского городского суда от 13 октября 2015 г. № 33-16835/2015 [9]. Если оба вышеуказанных условия соблюдены, то право на второе высшее образование за счет бюджета существует. Но, как известно, иметь право — не значит получить. Даже при наличии диплома с квалификацией «дипломированный специалист» необходимо найти аккредитованный вуз, аккредитованную специальность, по которой должны быть выделены бюджетные места, предъявить необходимые документы, включая диплом о высшем образовании и вкладыш к нему (обязательно), выдержать вступительные испытания.

На практике существуют некоторые разночтения относительно даты, с которой квалификация «дипломированный специалист» перестала соответствовать отдельному уровню высшего образования. Некоторые юристы полагают, что поступившие в вузы до 24 октября 2007 г. получили в результате диплом, дающий право поступления в магистратуру за счет бюджета. На наш взгляд, это не совсем так. В соответствии с Законом от 24 октября 2007 г. № 232-ФЗ [10] (п. 5. ст. 4) «квалификация “дипломированный специалист”, присвоенная ... до прекращения в Российской Федерации обучения по программам подготовки дипломированного специалиста, приравнивается к квалификации (степени) “специалист”. Лица, получившие документы государственного образца о высшем профессиональном образовании, подтверждаемом присвоением им квалификации “дипломированный специалист», имеют право продолжить на конкурсной основе обучение по программе магистратуры соответствующего уровня высшего профессионального образования, которое не рассматривается как получение ими второго высшего профессионального образования». Целесообразнее, по нашему мнению, ориентироваться именно на дату получения диплома (до 24 октября 2007 г.), что поможет избежать дополнительных сложностей в случае судебного разбирательства. Несмотря на то, что данный закон утратил силу 1 сентября 2013 г., он регламентировал дату, до которой квалификация «дипломированный специалист» все еще позволяла получить второе высшее профессиональное образование по программам магистратуры на бюджетной конкурсной основе.

Существует и ряд других спорных вопросов. В своей практике суды иногда руководствуются положениями п. 5 ч. 1 ст. 108 Закона № 273-ФЗ, согласно которому образовательные уровни, установленные в России до дня вступления в силу Закона № 273-ФЗ, приравниваются к уровням образования, установленным данным законом. На этом основании игнорируется ч. 15 ст. 108 этого же закона, о чем говорит, например, апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 3 сентября 2020 г. № 33-15713/2020 [11]. В этом случае необходимо обращаться в следующую судебную инстанцию.

Уточним, что если в дипломе о высшем образовании указана квалификация «специалист», то в магистратуру получится поступить только «платно». Это — установленное правило для всех, за исключением граждан, окончивших военные образовательные организации и не имеющих гражданского профессионального

образования (п. 5 ст. 19 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ) [12]. Кроме того, обучение в магистратуре может быть бесплатным для работника, имеющего диплом специалиста, если подобное положение присутствует в трудовом договоре с работодателем, коллективном договоре или ином внутреннем документе организации, в которой человек работает. В таком случае за обучение платит работодатель. В соответствии со ст. 198 ТК РФ можно заключить с работодателем и ученический договор, который обязательно должен содержать целый ряд позиций: наименование сторон; указание на конкретную квалификацию, приобретаемую учеником; срок ученичества и другие. Как правило, если ученик, прошедший обучение, без уважительных причин не выполняет условия договора, он по требованию работодателя обязан возместить последнему все расходы.

Вместе с тем работодатель может потратить большую сумму на обучение работника, но допустить ошибки при заключении или исполнении договора. Тогда работник может отказаться от своих обязательств. Суд в этом случае обычно встает на сторону работника [13]. Рассмотрим подробнее такого рода ошибки. Среди них:

- отсутствие либо нечеткое отражение в ученическом договоре одного или нескольких условий, указанных в ст. 199 ТК РФ (определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19 декабря 2019 г. по делу № 88-1601/2019) [14];
- незаконные дополнительные условия договора, например, такие, которые ухудшают положение работника (апелляционное определение Красноярского краевого суда от 28 октября 2019 г. по делу № 33-14974/2019) [15];
- неисполнение работодателем обязанностей по договору. Чаще всего допускается нарушение, связанное с тем, что после обучения работодатель не предоставляет работнику или ученику работу, отвечающую полученной квалификации (апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 19 марта 2020 г. по делу № 33-10526/2020) [16].

Относительно вопроса об оплате обучения следует еще раз подчеркнуть, что за счет бюджета высшее образование данного уровня можно получить только один раз. В остальных случаях — только на платной основе. Вопрос заключается лишь в том, кто будет платить.

Не менее острым для работающих граждан, совмещающих трудовую деятельность с обучением, является вопрос о получении учебного отпуска у работодателя. Нередко возникает ситуация, когда граждане, получающие второе высшее образование, не могут реализовать свое право на учебный отпуск. Вопросы его получения с основной работы при необходимости прохождения учебных и производственных практик законодательно не урегулированы, что порождает целый ряд проблем в области соблюдения трудовых прав граждан. Рассмотрим их более детально.

Все обязательства работодателя по учебному отпуску (с сохранением и без сохранения заработной платы) предусмотрены ст. 173 ТК РФ. При этом ТК РФ не устанавливает срок извещения работодателя о начале отпуска. Но если применить по аналогии положения ст. 136 ТК РФ, то справедливо полагать, что такой срок составляет не менее трех дней. Передать заявление об отпуске и справку-вызов можно лично, с отметкой о вручении на копии заявления, или направить заказным письмом с описью вложения. Работодатель не вправе отказать работнику в предоставлении учебного отпуска. Обратим внимание на то, что данный вид отпуска предусмотрен только для граждан, обучающихся на заочном отделении. В отношении дистанционной, очной, вечерней, очно-заочной, иных форм обучения подобный отпуск законодателем не предусмотрен.

Предположим, что работнику требуется учебный отпуск, и он запросил его юридически верно, то есть заблаговременно и письменно уведомил работодателя, предоставил необходимые документы. Правомерно ли в таком случае будет увольнение за прогул (подп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ), самовольное использование работником учебного отпуска? Судебная практика (например, определение Московского городского суда от 16 сентября 2013 г. № 4г/8-9629) показывает, что неправомерно [17]. Какие последствия для работодателя могут наступить в данном случае? Работник может потребовать в исковом заявлении средний заработок за период вынужденного прогула, компенсацию за неиспользованные дни отпуска, полагающиеся за период вынужденного прогула, компенсацию морального вреда. Работодатель также будет обязан возместить судебные издержки, уплатить госпошлину, исполнительский сбор и восстановить работника в прежней должности.

Большинство случаев отказа в юрисдикционной защите права на учебный отпуск происходит, если гражданин при обращении в судебную инстанцию ввиду каких-то обстоятельств не соблюдает установленные процессуальные сроки. По делам, связанным с трудовыми спорами, он составляет три месяца, то есть с момента нарушения права до обращения в суд должно пройти не более указанного времени. Кроме того, ст. 29 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ определяет в трудовых спорах подсудность по выбору истца [18].

В ТК РФ содержится и льгота для обучающихся, связанная с учебным отпуском: один раз в учебном году работодатель должен оплатить работникам, которые успешно осваивают имеющие государственную аккредитацию программы бакалавриата, специалитета или магистратуры на заочном отделении, проезд к месту учебы и обратно. Об этом говорится в ст. 173 ТК РФ. Но и в данном случае работодатели периодически стремятся нарушить права обучающихся. Рассмотрим пример подобного судебного спора.

В Судебную коллегию по гражданским делам Забайкальского краевого суда обратился гражданин с апелляционной жалобой на решение районного суда. В жалобе истец указал, что работает, имеет степень бакалавра и заочно обучается в магистратуре. Ввиду поездок к месту учебы железнодорожным транспортом он написал на имя директора заявление об оплате проезда. Директор работнику отказал. Суд первой инстанции постановил, что образование, которое получает истец, — это не следующий уровень высшего образования. В связи с этим отказ работодателя оплатить проезд суд признал обоснованным. Судебная же коллегия установила, что обучение в магистратуре для бакалавров не является получением второго высшего образования, и удовлетворила требования истца (апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 28 января 2015 г. по делу № 33-256/2015) [19].

Однако, как и при оплате обучения, все льготы по отпуску и проезду к месту обучения можно получить только в том случае, если образование соответствующего уровня гражданин получает впервые (ст. 177 ТК РФ). Существует еще ряд аспектов, которые часто не учитываются гражданами, обращающимися в суды. И по этим основаниям они получают отказ в защите своих прав в соответствующих случаях:

- учебное заведение должно иметь соответствующую аккредитацию;
- аналогичное требование относится и к программам обучения;
- студент должен успешно осваивать эти программы.

Если работодатель не будет учитывать наличие первого высшего образования у работника или ошибется и все-таки предоставит льготы сотруднику, это будет незаконно. К такому выводу пришел, в частности, Московский областной суд в определении от 26 августа 2010 г. № 33-16633/2010 [20]. Судом, согласно ст. 1102

ГК РФ, усмотрены в таких действиях признаки неосновательного обогащения. К неутешительным выводам для работников в отношении данного вопроса приходит также Министерство труда и социальной защиты России в письме от 8 ноября 2013 г. № 14-1-187: «Из анализа положений трудового законодательства, позиции Конституционного Суда Российской Федерации и судебной практики следует, что законодательно право работника, получающего второе высшее образование, на получение каких-либо гарантий, связанных с таким обучением, не закреплено» [21].

Болезненным для граждан, совмещающих трудовую деятельность с обучением, является вопрос о разграничении понятий «профессиональная переподготовка» и «второе высшее образование», что актуально, в частности, для юристов, имеющих непрофильное высшее образование. На рынке образовательных услуг можно найти немало предложений о подобной профессиональной переподготовке. Текст рекламного характера может содержать утверждение о том, что полученный в результате профессиональной переподготовки диплом откроет его обладателю двери во все суды. Однако Арбитражный суд Омской области в определении от 6 февраля 2020 г. по делу А46-23745/2019 пришел к выводу о том, что подобные документы не подтверждают наличие у их обладателей высшего юридического образования по юридической специальности [22]. Документ о квалификации подтверждает повышение или присвоение квалификации по результатам дополнительного профессионального образования. Таким образом, диплом о профессиональной переподготовке документом о высшем образовании не является (п. 1 ч. 1, ч. 4, 7, п. 1 ч. 10 ст. 60 Закона № 273-ФЗ). Возникает вопрос о том, стоит ли тратить время и деньги на этот вид обучения?

Исследовательский интерес представляет и вопрос о том, является ли диплом об окончании аспирантуры (магистратуры) и диплом кандидата наук подтверждением высшего образования. Данный вопрос порой неверно толкуют не только работающие граждане, но и юристы, специализирующиеся в иных сферах. Подобная ситуация недопонимания особенно актуальна для выпускников соответствующего уровня обучения, поскольку велико число случаев, когда у них отсутствует диплом специалиста (бакалавра) по данной специальности. Казалось бы, Закон № 273-ФЗ в ст. 60 (ч. 7) дает четкий ответ. Однако казусы случаются. Один из таких случаев описан в журнале «Арбитражная практика для юристов» [23]. Выпускницу аспирантуры Университета прокуратуры не допустили к адвокатскому экзамену на том основании, что диплом об окончании аспирантуры не может считаться документом о высшем юридическом образовании. Отказ был обжалован в судебном порядке. Суд первой инстанции согласился с такой позицией. Но Мосгорсуд встал на сторону выпускницы аспирантуры, указав, что в «...приложении № 13 к приказу Минобрнауки от 1 октября 2013 г. № 1100 утверждено описание документов о высшем образовании и квалификации, а также приложений к ним [24]. К числу таких документов относится и диплом об окончании аспирантуры». Дополним, что это относится и к диплому магистра.

Но относительно диплома магистра, полученного по результатам сокращенного обучения, возникает ряд проблем. Для некоторых должностей к диплому магистра вводят ограничения. Так, начиная с редакции № 40 Закона о статусе судей в Российской Федерации, вступившей в действие с 18 апреля 2015 г., предусмотрено следующее: чтобы стать судьей, необходимо иметь высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция» или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция» [25]. В предыдущей редакции говорилось только о наличии высше-

го юридического образования. Иными словами, при наличии непрофильного базового высшего образования обладатель диплома магистра по направлению подготовки «Юриспруденция» в настоящее время судьей стать уже не может.

Аналогично в правоприменении разрешается и вопрос о дипломе кандидата наук. В ст. 60 Закона № 273-ФЗ говорится о том, что диплом кандидата наук с присвоением ученой степени кандидата наук выдается лицам, окончившим аспирантуру (адъюнктуру) и защитившим научно-квалификационную работу (диссертацию) на соискание ученой степени кандидата наук. Таким образом, приходится делать вывод о том, что диплом кандидата наук — это диплом о квалификации, а не о высшем образовании.

Подводя итог, можно констатировать повсеместно распространенную тенденцию роста востребованности второго высшего образования. Причин много. Среди них — и разочарование в первой полученной специальности, и возможности карьерного роста, и потребности компаний в специалистах широкого профиля, и падение спроса на рынке труда на те или иные специальности. К тому же этот список далеко не полный. Наверное, каждый работающий гражданин, претендующий на переквалификацию или получение нового уровня образования, может добавить что-то свое. Например, реформа в области юридического образования, реализуемая сегодня в стране, закрыла с 1 октября 2019 г. двери судов (кроме мирового судьи и суда первой инстанции в общей юрисдикции) для представителей, не имеющих высшего юридического образования, что также способствовало росту желающих такое образование получить.

Наряду с этим практически каждый работодатель заинтересован в высококвалифицированных работниках. Следовательно, разумно предположить, что работники, которые повышают квалификацию и обучаются в образовательных учреждениях разного уровня, должны иметь ряд определенных законодательно закрепленных гарантий, позволяющих им совмещать трудовую деятельность с профессиональным обучением, переобучением и повышением квалификации. Вместе с тем распространено явление, когда работники обучаются в учебных заведениях не по профилю своей работы, что также порождает ряд прецедентов в правоприменительной практике. В условиях динамично развивающихся трудовых отношений в нашем обществе разрешение вопросов нормативного регулирования, реализации и защиты прав работающих граждан, совмещающих обучение с работой по найму, является актуальнейшей задачей.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2020 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 03.02.2021).
2. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2021 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 03.02.2021).
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Станислава Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 статьи 2 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», пунктом 3 статьи 5 Закона Российской Федерации «Об образовании» и Указом Президента Российской Федерации «О дополнительном профессиональном образовании государственных гражданских служащих Российской Федерации» [Электронный ресурс]:

- определение Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2008 г. № 274-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1687507/> (дата обращения: 03.02.2021).
4. Тригнин В. Г. Второе высшее профессиональное образование [Электронный ресурс] // Правовед.ru. URL: <https://pravoved.ru/question/2619285/> (дата обращения: 03.02.2021).
 5. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28 июля 2016 г. № Ф04-2987/2016 по делу № А45-23877/2015 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=134863#07186924665121508> (дата обращения: 03.02.2021).
 6. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14 сентября 2020 г. № 88-13127/2020 [Электронный ресурс] // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. Третий кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=sf&delo_id=1540005&new=5 (дата обращения: 03.02.2021).
 7. О высшем и послевузовском профессиональном образовании [Электронный ресурс]: федер. закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ (утратил силу с 1 сентября 2013 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11446/ (дата обращения: 03.02.2021).
 8. Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры [Электронный ресурс]: приказ Минобрнауки России от 21 августа 2020 г. № 1076 (зарегистрирован в Минюсте России 14 сентября 2020 г. № 59805) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74441661/> (дата обращения: 03.02.2021).
 9. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 13 октября 2015 г. № 33-16835/2015 по делу № 2-3299/2015 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=195406> (дата обращения: 03.02.2021).
 10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования) [Электронный ресурс]: федер. закон от 24 октября 2007 г. № 232-ФЗ (утратил силу с 1 сентября 2013 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72027/ (дата обращения: 03.02.2021).
 11. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 3 сентября 2020 г. № 33-15713/2020 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=184942465405733994318898383&cacheid=F33C93EDDF9607E1F47724BC8E6AA069&mode=splus&base=SOSZ&n=265312&rnd=D3BEC2E305278EF26D415E1C3D39EB33#arnmorhejkw> (дата обращения: 03.02.2021).
 12. Ситникова Е. Г., Сенаторова Н. В. Трудовая деятельность: гарантии и компенсации. М.: Ред. «Российской газеты», 2016. 176 с.
 13. Костян И. А. Ученический договор. Три ошибки, из-за которых работодатель не выщет деньги за обучение // Трудовые споры. 2020. № 11. С. 40–45.
 14. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19 декабря 2019 г. № 88-1601/2019 по делу № 2-1670/2019 [Электронный ресурс] // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. Шестой кассационный суд общей юрисдикции. URL: <https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2> (дата обращения: 03.02.2021).
 15. Определение Красноярского краевого суда от 28 октября 2019 г. № 33-14974/2019 [Электронный ресурс] // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. Красноярский краевой суд. URL: https://kraevoy--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=sf&delo_id=1540005&new=5 (дата обращения: 03.02.2021).
 16. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 19 марта 2020 г. № 33-10526/2020 по делу № 2-368/2018 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=>

- doc&base=SOUG&n=182210&dst=100002#04961836832507116 (дата обращения: 03.02.2021).
17. Определение Московского городского суда от 16 сентября 2013 г. № 4г/8-9629 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=344546#03590156101201203> (дата обращения: 03.02.2021).
 18. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г., с изм. от 12 января 2021 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 03.02.2021).
 19. Апелляционное определение СК по гражданским делам Забайкальского краевого суда от 28 января 2015 г. по делу № 33-256/2015 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/132395339/> (дата обращения: 03.02.2021).
 20. Определение Московского областного суда от 26 августа 2010 г. № 33-16633 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/101456606/> (дата обращения: 03.02.2021).
 21. Письмо Минтруда России от 8 ноября 2013 г. № 14-1-187 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70617990/> (дата обращения: 03.02.2021).
 22. Определение Арбитражного суда Омской области от 6 февраля 2020 г. № А46-23745/2019 [Электронный ресурс] // URL: <http://aoas.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc;base=ADZS;n=6248150;#040093942255387205> (дата обращения: 03.02.2021).
 23. Диплом аспиранта не помог подтвердить высшее образование [Электронный ресурс] // Арбитражная практика для юристов. 2020. № 2. URL: <https://e.arbitr-praktika.ru/787672> (дата обращения: 03.02.2021).
 24. Об утверждении образцов и описаний документов о высшем образовании и о квалификации и приложений к ним [Электронный ресурс]: приказ Минобрнауки России от 1 октября 2013 г. № 1100 (в ред. от 16 мая 2014 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70526912/> (дата обращения: 03.02.2021).
 25. О статусе судей в Российской Федерации [Электронный ресурс]: закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в ред. от 8 декабря 2020 г., с изм. от 30 декабря 2020 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 03.02.2021).

Контактные данные:

Курмашев С. М.: 194044, Санкт-Петербург, Литовская ул., д. 1, кв. 7;
(921) 333-13-20; e-mail: kmspp@gmail.com

Черных А. Б.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44а;
(812) 575-11-24; e-mail: a.chernyh@spbacu.ru.

Contact Details:

Kurmashev S. M.: 1, Litovskaya Str., 7, St. Petersburg, 194044, Russia;
(921) 333-13-20; e-mail: kmspp@gmail.com

Chernykh A. B.: 44/A, Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190103, Russia;
(812) 451-19-10; e-mail: a.chernyh@spbacu.ru.

Борзунова Н. Ю., Максимова К. Л., Маторина О. С.

Особенности доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних

*Borzunova N. Yu., Maksimova K. L., Matorina O. S. Features of Proof
in Criminal Cases Against Minors*

В статье рассмотрены особенности порядка судопроизводства по делам в отношении несовершеннолетних. Установлено, что лица, совершившие противоправное деяние и находящиеся в несовершеннолетнем возрасте, требуют к себе соответствующего отношения. Уголовное судопроизводство характеризуется иным подходом, иными мерами принуждения и санкциями, применяемыми именно к данной категории лиц. Несовершеннолетние, как правило, ввиду своего возраста обладают свойствами характера, которые могут способствовать их криминальному поведению. Подростки, не имея достаточного жизненного опыта и устойчивых познаний, могут проявлять правовой нигилизм, агрессию, безразличие к чужим потребностям или излишний интерес к частной жизни, с учетом гормональной нестабильности в период пубертатного развития имеют неустойчивую психику и эмоционально нестабильны, легко подвергаются влиянию со стороны взрослых, развитая фантазия позволяет строить неверные выводы и совершать необдуманные поступки. Волевые качества несовершеннолетних находятся чаще всего в зачаточном состоянии, характер таких лиц отличается переменчивостью и девиантностью. В статье проанализирована специфика обстоятельств, подлежащих доказыванию по соответствующей категории уголовных дел. Приведены мнения авторов, придерживающихся позиции о расширенном пред-

The article deals with the specific features of the procedure of legal proceedings in cases involving minors. Thus, one of the grounds for differentiating criminal proceedings according to this criterion of cases is the underage age of persons who have committed a socially dangerous act. This is primarily due to the age characteristics of these individuals, who are characterized by great impressionability, lack of sufficient life experience and solid knowledge, immaturity of thinking, instability of the psyche and increased emotionality, increased suggestibility and auto-suggestion, a tendency to fantasy and imitation. Their will is not yet strong enough, and their character is not yet fully formed. In connection with the above, there is a specific nature of the circumstances to be proved in this category of criminal cases, which is analyzed in the article. The authors' opinions on the expanded subject of evidence in criminal cases against minors are presented. Proposals were made to improve the legislation.

Борзунова Наталья Юрьевна — старший преподаватель кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, подполковник внутренней службы.

Максимова Кристина Леонидовна — старший преподаватель кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России.

Маторина Ольга Сергеевна — старший научный сотрудник отдела 1.3 Научно-исследовательского центра организационно-управленческих проблем пожарной безопасности Всероссийского ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института противопожарной обороны МЧС России, подполковник внутренней службы.

© Борзунова Н. Ю., Максимова К. Л., Маторина О. С., 2021

мете доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Вынесены предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: обстоятельства, подлежащие доказыванию; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; изучение личности, индивидуальных особенностей, условий жизни и воспитания несовершеннолетнего; причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

Keywords: circumstances to be proved; the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; the study of the personality of a minor, the individual characteristics of a minor, the living conditions and upbringing of a minor; reasons and conditions that contributed to the commission of a crime.

На протяжении многих лет ситуация относительно преступлений с участием несовершеннолетних остается напряженной [1]. Поэтому перед нашим государством стоят амбициозные задачи, связанные с профилактикой преступлений, совершенных данной категорией граждан.

Российские правоохранительные органы находятся на острие борьбы с правонарушениями несовершеннолетних, осуществляя в полном объеме уголовно-процессуальную деятельность. Главное ее содержание в рамках реализации общих задач уголовного судопроизводства заключается в воспитательной работе, глубоком изучении личности несовершеннолетнего правонарушителя, его окружения, определении наиболее оптимальных средств его исправления и перевоспитания, всестороннем исследовании и устранении причин и условий, способствующих преступности, активной работе по профилактике правонарушений со стороны подростков. Все эти задачи могут быть успешно решены лишь при условии неукоснительного соблюдения процессуального законодательства, регламентирующего порядок уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает единую и общеобязательную процессуальную форму как для правоохранительных и иных государственных органов, действующих в сфере уголовного судопроизводства, так и для всех категорий уголовных дел.

Несовершеннолетние с учетом возраста обладают чаще всего свойствами характера, которые могут способствовать их криминальному поведению. Подростки, не имея достаточного жизненного опыта и устойчивых познаний, могут проявлять правовой нигилизм, агрессию, безразличие к чужим потребностям или, наоборот, излишний интерес к частной жизни. Ввиду гормональной нестабильности в период пубертатного развития они имеют неустойчивую психику и эмоционально нестабильны, легко подвергаются влиянию со стороны взрослых друзей и родственников. Развитая фантазия позволяет строить зачастую неверные выводы и совершать необдуманные поступки. Волевые качества несовершеннолетних находятся, как правило, еще в зачаточном состоянии, характер отличается переменчивостью и девиантностью.

Личность несовершеннолетнего, несомненно, должна быть изучена полно и объективно уже на стадии возбуждения уголовного дела. Соответствующие действия лица, производящего расследование, необходимы для того, чтобы в дальнейшем грамотно и с учетом действующего законодательства применить к подросткам при необходимости меры принуждения и меры воспитательного воздействия. Срок, отведенный на проведение предварительной проверки по делу, позволяет изучить личность подростка и лучше разобраться в мотивах, причинах и условиях, способствовавших совершению того или иного преступления. Собранная информация благоприятно скажется на принятии мер по устранению этих причин и условий. Сведе-

ния об отношениях с родителями, родственниками, учителями, окружающими помогут при выборе законного представителя для несовершеннолетнего.

А. А. Закатов справедливо утверждает, что «изучение личности несовершеннолетнего включает в себя особенности выявления круга вопросов. Среди них следующие:

- анкетно-биографические сведения о допрашиваемом;
- данные о лицах, воспитывающих подростка, и морально-психологическом климате в семье;
- сведения о внешнем окружении подростка, его знакомых, связях;
- отношение несовершеннолетнего к учебе, труду;
- характер, привычки, увлечения несовершеннолетнего;
- наличие поощрений, взысканий и правонарушений у подростка;
- физическое и психическое состояние здоровья несовершеннолетнего, способность его правильно воспринимать события и явления, давать о них достоверные показания [2, с. 90–96].

Выяснение обстоятельств совершения преступления несовершеннолетними характеризуется особой спецификой. Поэтому наряду с общими нормами о предмете доказывания в уголовном судопроизводстве действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит специальные положения, определяющие предмет доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Так, к числу основных обстоятельств, подлежащих доказыванию по этим делам, законодатель относит возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения, условия его жизни и воспитания, уровень психического развития и иные особенности личности, влияние на него старших по возрасту лиц, причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

Необходимо удостовериться и в том, что несовершеннолетний не отстает в психическом развитии. Уголовно-процессуальный закон обязывает устанавливать, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Тот, кто производит расследование, исходя из должностных обязанностей, прежде всего подробно анализирует облик, выражение лица подростка, мимику, психическое состояние, выявляет свойственные ему психологические особенности. Мимика может выражать удовольствие, неудовольствие, огорчение, досаду, стыд, гнев, страх. Напряженность, неестественность мимики, покраснение или бледность лица, дрожание губ могут указывать на сильное эмоциональное напряжение. Неадекватность мимики, то есть несоответствие выражения лица рассказываемым событиям, бывает вызвана неуверенностью, отсутствием твердой внутренней позиции. Однако перечисленные особенности поведения несовершеннолетнего во время допроса могут быть вызваны тем, что факт вызова лица для допроса в правоохранительные органы, особенно в качестве подозреваемого, уже является неприятным событием в его жизни. Даже взрослые «теряются» в такой обстановке, часто ведут себя растерянно в кабинете следователя. Подспорье следователю в установлении психологических особенностей несовершеннолетнего — участие в допросе педагога, специалиста в области детской психологии. Сведения о личности несовершеннолетнего могут быть почерпнуты из заключения судебно-психологической экспертизы.

В трактовке предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в научной литературе существуют расхождения. Согласно одной из позиций, единый предмет доказывания в данном случае расширяется. Например, М. С. Строгович придерживается мнения о том, что «особенность субъекта преступления — возраст привлеченных к уголовной ответственности — обуславливает применение при расследовании и судебном разбирательстве этих дел не-

которых особых правил, не меняющих и не отменяющих общих положений о порядке судопроизводства по уголовным делам. ...Определяют дополнительные вопросы, подлежащие выяснению и разрешению» [3, с. 295]. В. В. Шимановский прямо указывает, что «при производстве предварительного следствия по делам о несовершеннолетних расширяется предмет доказывания» [4]. Данную точку зрения разделяют и такие авторы, как К. К. Сперанский, Х. Саарсоо. Вместе с тем В. Д. Арсеньев, например, высказывает мнение о том, что по делам о преступлениях несовершеннолетних существует «специальный», «особый» предмет доказывания [5, с. 112].

На наш взгляд, наиболее верной представляется структура предмета доказывания, согласно которой общим при доказывании по делам несовершеннолетним и остальным делам являются единые обстоятельства, подлежащие доказыванию в рамках ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ); особенным — то, что нужно доказать дополнительно, согласно ст. 421 УПК РФ; частным — частный предмет доказывания по конкретным делам в отношении несовершеннолетних.

Если подросток совершает преступление по неосторожности, то при расследовании важно помнить о том, что требования о внимательности и предусмотрительности, предъявляемые к совершеннолетним гражданам, по сути, должны быть уменьшены относительно несовершеннолетних, в особенности лиц, не достигших 16 лет. Это в ряде случаев может сказаться на результатах выяснения вопроса о наличии состава преступления. Представляется, что при доказывании виновности несовершеннолетнего необходимо принимать во внимание ряд факторов. Среди них — сомнения, возникающие в некоторых случаях при расследовании, относительно объема вины несовершеннолетнего, его роли и действий, соучастия; возможность так называемой детской мотивации, когда мотивы и цели преступления становятся иными (например, детские обиды или желание быть в «тренде», быть не хуже сверстников, ошибки в предмете и т. д.); подросток может в полной мере не осознавать общественную опасность своих действий и последствий; возможность несоответствия между объективной стороной деяния, типичной для определенного состава преступления, и фактической направленностью умысла.

С учетом вышеизложенного необходимо детализировать и наиболее четко, грамотно исследовать ряд обстоятельств: в какой мере сильна воля несовершеннолетнего, может ли он быть подвержен влиянию со стороны окружения; что предшествовало преступлению (возможно, провоцирующие действия или высказывания), что происходило во время и после деяния; каков механизм действий (проанализировать наиболее четко и последовательно); как формировался жизненный опыт подростка, каковы вероятность участия в аналогичных ситуациях, специфика и цели организации преступной группы, роль подростка в этой группе; каковы взаимоотношения с потерпевшим; каковы взгляды, интересы и девиации личности. Отсутствие информации по указанным выше вопросам создает реальную возможность неверной квалификации деяния, ошибочной оценки общественной опасности деяния и ложной трактовки личностных характеристик.

Для характеристики обстановки, в условиях которой происходит формирование личности подростка, в целях объективного и полного установления определенных фактов, влияющих на данный процесс, следует выяснить условия жизни и воспитания несовершеннолетнего. Для успешного анализа обстановки нужно установить, был ли ранее привлечен несовершеннолетний к административной или уголовной ответственности (если привлечен, то вследствие чего, по каким фактам); определить условия жизни семьи (уровень заработной платы родителей, наличие собственного жилья, полноту семьи, взаимоотношения родственников

и т. д.). Необходимо собрать более подробную информацию о родственниках, родителях, иных членах семьи (об их возрасте, образовании, профессии, должности, месте работы и учебы, взаимоотношениях с другими членами семьи, их культурном и морально-нравственном уровне, выяснить, не привлекался ли ранее кто-либо из них к ответственности за правонарушения и преступления); сведения о том, какой парадигмы воспитания придерживаются родители ребенка (запреты, поощрения, «военная» методика, «метод кнута и пряника» или наплевательское, безразличное отношение к поведению и воспитанию ребенка), как организован быт ребенка, его свободное время, какие требования к обучению, хобби и интересы. Следует выяснить, каков круг общения несовершеннолетнего (друзья, коллеги по работе, на каких интересах построено общение с одноклассниками и друзьями), существует ли в учебном заведении контроль со стороны учителей за поведением и воспитанием подрастающего человека. Кроме того, необходимо установить, находится ли несовершеннолетний на учете в отделе по предотвращению преступлений несовершеннолетних или находился ранее, какие меры воспитательного воздействия к нему были применены.

В ходе производства по уголовному делу должны производиться действия, направленные на выяснение характерных свойств личности несовершеннолетнего, определяющих его поступки и взаимоотношения с окружающими. Следует выявить эмоционально-волевые, морально-нравственные, социально-психологические черты характера подростка, его темперамент. Чем старше становится подросток, тем труднее влиять на его нынешнюю систему ценностей. Возраст не может быть причиной преступлений. Но, несмотря на это, возрастные особенности определенных периодов жизни, в частности молодого, когда возникает наибольшее количество трудных жизненных ситуаций и конфликтов, способствуют формированию негативных процессов в психике.

Характеристика семьи несовершеннолетнего — одна из важнейших позиций для понимания личности преступника. Большую часть жизни подросток проводит в семье, усваивая моральные нормы, ценности, общие правила поведения. Существуют такие категории, как неблагополучные семьи (родители, официальные представители — алкоголики и/или наркоманы, разные виды насилия над несовершеннолетними, отсутствие стабильного дохода), попустительские семьи (стремление только к материальному благополучию, отсутствие доверительных отношений). Особое внимание необходимо уделять несовершеннолетним, которые воспитываются в неполной семье (отцом или матерью) либо вне семьи (в школах-интернатах, детских домах).

Знакомые — вторая важная категория для понимания личности преступника. Несовершеннолетние, будучи уязвимыми, могут быть вовлечены в преступную среду так называемыми молодыми взрослыми, которые не принадлежали к категории несовершеннолетних. Несовершеннолетний, находясь в постоянном взаимодействии с этими людьми, неосознанно будет копировать модель их поведения. Наиболее опасна ситуация, когда у подростка занижена самооценка, что позволяет людям, неоднократно нарушавшим закон, влиять на него, в то время как несовершеннолетний будет воспринимать «молодого взрослого» в качестве лидера. Подобные ситуации складываются не только с участием «молодых взрослых», но и близких друзей того же возраста, что и несовершеннолетние.

Личностные особенности (агрессивность, грубость, озлобленность, потеря самоконтроля, иные) несовершеннолетнего определяют закономерности его поведения с окружающими. Постоянное проявление этих особенностей может привести к социальной деформации и дезадаптации несовершеннолетнего, что может повлечь совершение противоправных действий. Существуют преступления, совершенные под-

ростками в неменяемом состоянии ввиду имеющегося психического расстройства, которое может быть следствием насилия (физического, сексуального или психологического) над несовершеннолетними со стороны родителей или близких родственников. Такие факты, как хроническая алкогольная зависимость несовершеннолетнего, наркомания, токсикомания целесообразно отнести к психическим аномалиям, поскольку данные факты вызывают необратимые реакции.

Многие исследователи, особенно криминологи, склоняются к тому, что существует корреляция между уровнем образования и личностью преступника. В частности, они ссылаются на то, что степень образования несовершеннолетнего правонарушителя ниже, чем у его сверстника, который не совершал противоправных деяний. Ученые отмечают, что для несовершеннолетних правонарушителей характерны следующие особенности отношения к учебе: низкая мотивация к получению знаний, плохой уровень усвоения школьной программы, постоянные прогулы, отсутствие должной дисциплины, частые конфликты с учителями. Организация досуга, занятий, интересов несовершеннолетнего в свободное время — эта характеристика является третьей по значимости после состояния семьи и близкого круга. Очевиден тот факт, что дети, которые проводят много времени на улице, в большей степени подвержены совершению противоправных действий, чем те, кто посещает кружки и секции. У несовершеннолетнего, увлеченного музыкой, спортом, иным занятием, не останется времени на совершение преступлений, не возникнет и мысли об этом.

Однако многое зависит от желания родителей, а не только ребенка. Некоторые родители склонны полагать, что обычные прогулки с друзьями — неплохой вариант занятости подростка, а значит, зачем тратить деньги на организацию его досуга. К сожалению, бесцельное времяпрепровождение может привести к неблагоприятным последствиям (особенно в праздничные дни). Следовательно, необходимо учитывать все особенности при разработке программ, планов, стратегий на различных уровнях (государственном, региональном и муниципальном) и принятии законов в сфере профилактики преступлений среди несовершеннолетних. Это требует более глубокого изучения.

Таким образом, установление причин и условий, способствующих совершению преступлений несовершеннолетним, тесно связано с результатом выяснения условий его жизни и воспитания. При установлении причин и условий, способствовавших совершению преступления, требуется определить следующее:

- а) источник возникновения у несовершеннолетнего антиобщественных взглядов и привычек (эгоизм, неуважение к общественным ценностям негативный пример, недостатки и упущения в воспитании, влияние антиобщественных элементов);
- б) обстоятельства (причины), приведшие к формированию преступного умысла;
- в) обстоятельства (повод), непосредственно толкнувшие на совершение преступления;
- г) обстоятельства, создавшие благоприятную обстановку для подготовки и совершения преступления (непринятие мер к трудоустройству подростка, безнадзорность, тяжелое материальное положение в семье, оставление учебы, недостатки воспитательной работы в школе, на производстве, увольнение с работы или исключение из школы без согласования с комиссией по делам несовершеннолетних, недостатки в работе органов полиции и т. д.).

Информацию, поступающую от родителей, необходимо рассматривать критически, поскольку все мы понимаем, что во многих семьях не хотят «выносить сор из избы» и пытаются приукрасить или скрыть от посторонних напряженную или невыносимую обстановку в семье. Родители иногда не желают признавать

своего поражения как воспитателей, свои проблемы и упущения они могут перекладывать на плечи школы и окружение своего чада. Однако известен факт о том, что несовершеннолетние нередко перенимают плохие привычки родителей, копируют их поведение, поскольку оно повторяется старшими изо дня в день.

Кроме того, одна из проблем современной молодежи — субкультура, формирующая неправильное поведение несовершеннолетнего. Субкультура, которую предлагает крайне фанатично настроенная молодежь, как правило, оппозиционна по отношению к общепринятой в обществе культуре, как и к общепринятым нравственным нормам, она часто опасна и имеет критичный потенциал агрессии. Проблема развития тюремных субкультур среди молодежи злободневна в настоящее время, тем более что отличительными чертами молодых людей являются их максимализм, некая агрессивность, альтернативность, категоричные суждения, нежелание прислушиваться к мнению людей старшего поколения и вместе с тем моментальная «подпитка» негативными суждениями, позицией криминальных авторитетов, как следствие, подчинение их криминальному мировоззрению. Тюремная субкультура представляет собой единство моральных ценностей среди осужденных в местах лишения свободы. Оказавшись на свободе, они нередко продолжают провозглашать свою культуру, «навязывать» ее все новым и новым лицам, тем самым привлекая новичков, уродуя социализацию личности, стимулируя к совершению преступлений.

Именно поэтому сегодня насчитывается огромное количество неформальных культур, среди которых значительное и весомое место занимают тюремные субкультуры. Их фундамент — чуждые гражданскому обществу нормы морали, правила поведения и манера общения, традиции, которые объединяются в одно целое. Примеров девиантных форм поведения среди молодежи немало. К таким ее представителям относятся геймеры, которые уходят в виртуальный мир от реальностей жизни; скинхеды, являющиеся приверженцами нацистской идеологии, и более криминальные культуры, которые можно назвать тюремными («блатные», «мужики», «обиженные», «опущенные», «красные»), формирующиеся обычно в исправительных учреждениях и следственных изоляторах. Известно о существовании субкультуры приверженцев криминальной группы АУЕ (ее название расшифровывается как «арестантский уклад един» или «арестантское уркаганское единство»), пропагандирующей воровскую жизнь, преступный образ жизни, основанный на воровских законах. На наш взгляд, любая криминальная субкультура негативна и отрицательно влияет на правовые установки, ориентиры подрастающего поколения.

Расследование и профилактика преступности несовершеннолетних остается одной из самых актуальных проблем в нашем государстве. Необходимо констатировать, что подростковый возраст — это, как правило, отсутствие устойчивых нравственных и моральных устоев, заблуждение или неверное восприятие некоторых явлений окружающего мира, в том числе правовая безграмотность, подверженность воздействию со стороны активной группы сверстников и взрослых лиц, импульсивность, самовнушаемость, нигилизм, пубертатный период, свойственный данному возрасту. Доказывание по делам несовершеннолетних имеет свою специфику, проявляющуюся прежде всего в расширении предмета доказывания по рассматриваемой категории уголовных дел. Методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, отличается от иных частных методик расследования, конструируемых по составам преступлений, тем, что ее создание базируется на особенностях субъектов преступной деятельности и общих целях, принципах предварительного следствия, отражая особенности, связанные главным образом с личностью несовершеннолетних и их возрастом.

Для повышения эффективности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних целесообразно усовершенствовать некоторые положения уголовно-процессуального законодательства в части правовой регламентации производства по делам несовершеннолетних. Представляется, что главу 50 УПК РФ нужно дополнить положением, согласно которому предварительное расследование по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, должны производить следователи, специализирующиеся именно на расследовании преступлений в отношении и с участием несовершеннолетних, имеющие не только юридическое, но и педагогическое образование. На наш взгляд, необходимо подробнее раскрыть в УПК РФ положение об «условиях жизни и воспитания несовершеннолетнего», закрепить перечень условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, которые обязательны для установления, в том числе сведения о семье несовершеннолетнего, условиях учебы или работы несовершеннолетнего, круге общения, дружеских контактах, круге интересов несовершеннолетнего, поведении подростка в прошлом и о его поведении после совершения преступления [6]. Данные обстоятельства послужат одной из существенных деталей, и, соответственно, органы предварительного расследования обязаны будут полнее расследовать преступление и анализировать личность несовершеннолетнего.

Литература

1. Егоров И. Особо опасные дети // Российская газета. 2020. 20 апреля.
2. Порубов Н. И., Закатов А. А. Семинары по криминалистике: учеб.-метод. пособие. Мн.: Вышэйшая школа, 1984. 191 с.
3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М.: Наука, 1968. 516 с.
4. Шимановский В. В. Процессуальные особенности расследования дел о преступлениях несовершеннолетних: метод. пособие для следователей. Л., 1970. 71 с.
5. Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1986. 152 с.
6. Авалиани К. А. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.

Контактные данные:

Борзунова Н. Ю.: 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149;
(812) 388-86-39; e-mail: ats75@inbox.ru.

Максимова К. Л.: 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149;
(812) 388-86-39; e-mail: tp@igps.ru.

Маторина О. С.: 143903, Московская область, Балашиха, мкр. ВНИИПО,
д. 12; (495) 521-81-31; e-mail: odp1313@yandex.ru.

Contact Details:

Borzunova N. Yu.: 149, Moskovskiy Ave., St. Petersburg, 196105, Russia;
(812) 388-86-39; e-mail: ats75@inbox.ru.

Maksimova K. L.: 149, Moskovskiy Ave., St. Petersburg, 196105, Russia;
(812) 388-86-39; e-mail: tp@igps.ru.

Matorina O. S.: 12, mkr. VNIPO, Balashikha, Moscow Region, 143903,
Russia; (495) 521-81-31; e-mail: odp1313@yandex.ru.

Кравченко Я. А.

Нарушения строительного законодательства: проблемы привлечения к ответственности

Kravchenko Ya. A. Violations of Building Laws: Problems of Prosecution

В статье автор исследует проблемы, связанные с привлечением к ответственности в случаях нарушения законодательства в сфере строительства. Сделан акцент на том, что основной частью нарушений, которые происходят в данной сфере, являются факты осуществления строительства без необходимых правоустанавливающих документов на земельные участки, а также разрешений при осуществлении строительства. Установлено, что главная причина, которая влечет подобные нарушения — это непроработанность действующего законодательства и, как следствие, наличие лакун в праве. В заключение автором предложена идея о закреплении в отношении уполномоченных органов обязанности размещения ими на официальном сайте реестра многоквартирных жилых домов, находящихся на этапе строительства на их территории (реестр должен содержать необходимые сведения).

Ключевые слова: объект строительства, строительное законодательство, разрешение на строительство, строительство, строительная деятельность, ввод объекта в эксплуатацию, ответственность.

The article explores the problems associated with holding accountable in cases of violation of legislation in the field of construction. The author claims that the bulk of the violations that are identified in the construction industry are accounted for by the facts of the construction without the necessary legal documents for land and permits for the construction. It is noted that the main reason entailing violation of construction legislation is the presence of gaps in the law. In conclusion, the author suggests fixing the obligation of the authorized body on the personal official website to display a register of multi-apartment buildings that are being built on its territory. In such a register you must specify certain information.

Keywords: construction object, construction legislation, building permit, construction, construction activity, commissioning, responsibility.

По мере того, как совершенствуются и развиваются общественные отношения, которые взаимодействуют и затрагивают строительную сферу, в строительстве появляется большое количество новых субъектов, что, несомненно, увеличивает его масштабы. На фоне происходящего «масштабирования» строительной отрасли набирают обороты и факты нарушения действующего российского законодательства.

Согласно данным сайта Генеральной прокуратуры Российской Федерации (РФ), нарушения нормативно-правовых аспектов в строительной сфере — распространенная практика. При этом они существуют на всех без исключения этапах проведения и подготовки строительных работ [1].

Кравченко Ярослав Алексеевич — аспирант кафедры административного права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
© Кравченко Я. А., 2021

Чаще всего нарушения законодательства выявляют в таких случаях, как:

- 1) проведение государственной экспертизы документации по проектам;
- 2) выделение участков земли для проведения строительства;
- 3) выдача разрешительной документации на осуществление строительства;
- 4) ввод объектов в эксплуатацию;
- 5) проведение строительного надзора.

Следовательно, в строительном законодательстве большая часть нарушений возникает по причине наличия пробельности в праве. Нельзя не обратить внимание на пробел в российском законодательстве, который в нашем исследовании будет рассмотрен в первую очередь. Обратившись к ст. 3 Градостроительного кодекса РФ, можно обнаружить, что данная статья регламентирует определенный перечень нормативно-правовых актов, регулирующих строительное законодательство: Градостроительный кодекс РФ, иные законы РФ, закрепленные на федеральном уровне, на уровне субъектов РФ. Разграничены деятельность и полномочия органов власти различного уровня в нашей стране в соответствии с главой 2 Градостроительного кодекса РФ. Анализируя изложенное, можно заключить, что реализуемая в сфере строительства деятельность выступает в качестве предмета, который подпадает под совместную его реализацию, как на уровне федеральных органов власти, так и на уровне субъектов государства.

Однако существуют и дополнительные полномочия в строительной сфере, находящиеся под контролем федеральных органов власти, которые тем не менее реализуются силами отдельных субъектов РФ. Такие полномочия регламентированы в пунктах 42, 42.1, 42.2, а также в п. 2 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Некоторые регионы нашей страны самостоятельно принимают решения в отношении определенных нормативно-правовых актов. Данная законодательная база регионального уровня формируется с целью развития и последующей модернизации законодательства в сфере градостроительства.

Между тем следует обратить внимание на ч. 1 ст. 72 Конституции РФ. В ней указаны все предметы, совместное ведение которых реализовано на уровне и страны, и ее отдельных субъектов. В указанной статье Конституции РФ не закреплено понятие градостроительного законодательства. В данном случае речь идет о пробеле в Основном законе нашего государства. Выявленный нами пробел требует, на наш взгляд, скорейшего исправления, то есть законодатель должен внести соответствующие поправки. Именно п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ следует дополнить отсутствующим понятием «градостроительное законодательство».

Следующий существенный пробел наблюдается в Кодексе РФ об административных правонарушениях. Суть данного пробела заключается в отсутствии состава административного правонарушения. Речь идет о наступлении ответственности за то, что уполномоченный орган (должностное лицо) реализовал незаконную выдачу разрешения на проведение строительных работ. Однако ч. 4 ст. 9.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусмотрена ответственность в случае незаконной выдачи должностным лицом разрешения на ввод в эксплуатацию. Тем не менее данная часть статьи предусматривает условие, при котором должно быть соответствующее заключение, выданное уполномоченным органом исполнительной власти, если наличие этого заключения является обязательным условием.

В соответствии с действующими положениями Градостроительного кодекса РФ уполномоченными в выдаче разрешения на строительство могут быть федераль-

ный орган, ответственный за управление государственным фондом недр; органы местного самоуправления, ГК «Роскосмос», иные органы федерального значения. Они перечислены в ст. 51 Градостроительного кодекса РФ. При выдаче разрешения на строительство незаконным путем происходит опасное для общества преступление. Теоретически такая ситуация в дальнейшем может стать причиной возникновения трагедии, если установлено, что возведенное здание не соответствует имеющимся стандартам. Как правило, при эксплуатации зданий всегда присутствуют люди, соответственно, при обрушении здания могут быть жертвы.

В ст. 2 Градостроительного кодекса РФ, в перечне обозначенных принципов, содержится принцип ответственности. Ответственность наступит, если нарушено градостроительное законодательство. В свою очередь, ответственность за нарушение может быть распространена на всех участников данной деятельности в сфере градостроительства [2, с. 41–42; 3, с. 8]. Чаще всего случаи, в рамках которых строительство ведется без разрешения, застройщики объясняют тем, что выдача соответствующей документации умышленно затягивается уполномоченным органом. Например, речь идет о таких документах, как разрешение на строительство, документах на земельный участок [4, с. 14–15].

Застройщик, как правило, заинтересован в быстром получении разрешений, поэтому все заявленные в ст. 51 Градостроительного кодекса РФ документы предоставляются сразу перед началом проведения строительных работ. На законодательном уровне закреплён и регламентирован срок (10 дней), по истечении которого уполномоченный орган должен выдать все необходимые разрешения или предоставить обоснование для отказа. В период, когда документы находятся на рассмотрении, застройщик занимается решением других не менее важных вопросов, то есть активно ведет работу по заключению договоров с подрядными организациями, арендует строительную технику, подписывает соглашения с рабочими и т. д. [5, с. 8].

Однако теория далека от реальной ситуации. По окончании 10 дней, то есть срока обработки документации на предоставление разрешения, застройщик не может получить соответствующее разрешение. Уполномоченный орган не выдает застройщику его документы в установленный срок. Согласно данным Федеральной антимонопольной службы РФ, можно оценить реальное развитие событий, когда 10 дней, закреплённые на законодательном уровне, превращаются в 50, а иногда могут доходить до 90 дней. Сегодняшняя практика говорит о том, что органы власти, занимающиеся выдачей разрешений, чаще всего затягивают срок, требуя большого количества документации, в том числе и документации, которая не заявлена в Градостроительном кодексе РФ. Но застройщик, рассчитывающий приступить к строительству по завершении десятидневного срока и не получивший соответствующего разрешения, фактически вынужден начать процесс незаконного возведения, так как взятые обязательства перед подрядчиками не могут быть нарушены по причине серьезных штрафных санкций, которые возможны в их отношении [6, с. 3–4; 7, с. 14].

Приведенный нами пример не направлен на то, чтобы оправдать реализацию незаконных действий со стороны застройщиков. Ими начаты незаконно строительные работы, без соответствующих документов. Следовательно, за противоправные действия они должны понести определенное наказание в соответствии с действующим российским законодательством [7, с. 15; 8, с. 52]. Данным примером хотелось бы обратить внимание общественности на то, что такие ситуации возникают, и начальным этапом в них является бездействие уполномоченного органа, который не реализовал выдачу документации, разрешающей строительство своевременно, в установленные законом сроки.

Деятельность органов власти различных уровней (федеральных, региональных, местных) в наши дни строится в контексте избыточного администрирования. Все процедуры настроены на излишнюю бюрократизацию, усложнение, затягивание, прочие процессы, не позволяющие быстро получить нужный перечень разрешений.

При этом ответственные органы власти, не исполняя возложенные на них законом полномочия в установленные для этого сроки, фактически ставят под угрозу жизнь и здоровье граждан [9, с. 36–37; 10, с. 15–16; 11, с. 129–130]. Кажущиеся на первый взгляд незначительными обстоятельства, связанные с несвоевременной выдачей разрешительных документов, приводят к возникновению событий, граничащих с риском для жизни, ситуаций чрезвычайного характера. Как правило, чрезвычайная ситуация — это негативные последствия, влекущие за собой гибель людей, наносящие ущерб имущественным интересам и приводящие к загрязнению окружающей среды.

На фоне изложенного прослеживается реальная потребность во введении административной ответственности в отношении должных лиц. Такая ответственность должна распространяться на тех уполномоченных лиц, которые участвуют в подготовке и выдаче разрешительной документации и создают проблемные барьеры, умышленно затягивая сроки выдачи.

В рамках Кодекса РФ об административных правонарушениях также следует сформировать новый состав административного правонарушения. По нашему мнению, необходимо дополнить ч. 4.1 ст. 9.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях, которая установит порядок наступления ответственности в случае, если будет выдано разрешение или реализованы строительные работы без определенного перечня документов. Речь идет о получении документов, которые закреплены на законодательном уровне.

Обратим внимание на еще один значимый правовой пробел в российском законодательстве. Как известно, Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» разработан и впоследствии принят с целью поддержания законности в сфере градостроительства. В законе указано, что с 10 января 2016 г. реализована разработка, а также вступил в силу новый состав административного правонарушения.

Речь идет о ст. 14.9.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Данная статья предусматривает введение нового вида ответственности. Административная ответственность возможна за действия либо бездействие со стороны уполномоченных должностных лиц. В данном случае говорится о должностных лицах, которые осуществляют перечень процедур и могут нарушать установленные сроки их выполнения либо предъявляют какие-либо требования, направленные на реализацию процедуры, не включающей в себя указанный в законе перечень. Но существуют определенные исключения, закрепленные в ст. 5.63 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Предусмотрена и ответственность, если указанные выше преступления совершаются повторно, что закреплено в ч. 2 ст. 14.9.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Отсылка законодателя к постановлению № 403 «Об исчерпывающем перечне процедур в сфере жилищного строительства» включена в диспозицию ст. 14.9.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях. В этом постановлении регламентирован список, в который входят 134 процедуры: например, подготовка документов к планировке территории, осуществление и реализация архитектурно-строительного проектирования, заключение различных договоров (тепло, энергия, водоотведение и т. д.).

Сегодня перечень всех процедур окончательно сформирован и принят на законодательном уровне только в сфере жилищного строительства. Имеются в том числе нарушения, которые могут быть допущены со стороны уполномоченных органов в строительстве и при возведении объектов. Рассматриваются объекты, относящиеся к объектам социальной инфраструктуры, а также нежилые. Указанные выше объекты не подлежат к настоящему времени распространению в отношении них юридической ответственности [12, с. 117; 13, с. 44–45; 14, с. 28–29].

Таким образом, возникает острая потребность в разработке, принятии и утверждении необходимого процедурного перечня в рамках сферы строительства. Этот перечень будет относиться не только к сфере строительства жилья. В противном случае не удастся соблюсти один из основных и ключевых конституционных принципов, согласно которому все равны перед законом и судом.

Четвертый из выделенных нами пробелов также значим. Однако для его детального рассмотрения нужно обратить внимание на перечень процедур в сфере жилищного строительства, который нами представлен ранее. Сегодня не все процедуры имеют правовое закрепление, в частности 31 из 134 процедур не регламентирована.

Пятый пробел основан на том, что именно за органами прокуратуры закреплена задача по укреплению и усилению законности, в том числе пресечению нарушений в сфере жилищного строительства. Чтобы в данном направлении проводилась продуктивная и эффективная работа, требуются слаженные и целенаправленные действия всех участников. К таким заинтересованным лицам относятся органы государственной власти, органы местного самоуправления, уполномоченные органы и прокуратура.

Ключевой аспект — информационное взаимодействие между органами власти. Например, проведение прокурорской проверки замедляется за счет длительного процесса истребования необходимой документации. Практика свидетельствует о случаях, когда приходит отказ в предоставлении документов. При этом создаются ложные и несуществующие причины или предоставляется информация, которая неверна или неактуальна.

При детальном анализе алгоритма действий прокуроров фактически подтверждается потребность в налаживании межведомственного взаимодействия, о котором говорится ранее. Чаще всего прокурорская проверка осуществляется при появлении некоторых обстоятельств. В большинстве случаев обращения граждан, пытающихся выяснить законные основания для строительства, и являются основанием для проведения прокурорской проверки.

Прокурор, согласно законодательству, после получения обращения должен осуществить выезд на место. На месте им составляется акт, в соответствии с которым он реализует процесс подтверждения факта строительства, в том числе строительства зданий с привлечением рабочей силы, а также проведения работ по возведению фундамента здания [15, с. 57]. Однако практика говорит о том, что документы, разрешающие строительство, как правило, на объекте строительства отсутствуют. Поэтому данный факт является своего рода основанием, в соответствии с которым производится организация проверок документации. На выяснение обстоятельств случившегося уходит немало времени. Нередко застройщик проводит строительные работы, а разрешение на их проведение у него отсутствует. При этом он целенаправленно пытается ввести прокурора в заблуждение. В таких случаях прокурор вынужден в течение длительного времени ждать предоставления необходимых документов, которые позволят ему убедиться в законности или незаконности осуществляемой застройки. Оперативность и быстрота полученной прокурором информации — очень важный фактор, от которо-

го зависит многое. Не стоит забывать о том, что застройщик в случае его недобросовестности может в любой момент начать реализацию незаконного привлечения средств заказчика для реализации строительства.

Таким образом, в ст. 51 Градостроительного кодекса РФ необходимо закрепить в числе обязанностей уполномоченного органа обязанность вести на своем сайте реестр многоквартирных домов, которые находятся в процессе строительства на его ответственной территории. В содержание этого реестра необходимо включить полное наименование конкретного застройщика, подробный адрес объекта, который строится, соответствующие данные и срок действия полученного разрешения на осуществление строительства. Подобный реестр, находящийся в открытом доступе, существенно сократит время всех проверок (перед прокурором не будет стоять задача по выяснению необходимых сведений о застройщике и объекте строительства), позволит минимизировать обращения граждан, которые получат возможность самостоятельно (с помощью сети Интернет) знакомиться с интересующей их информацией, а также по описанным и раскрытым выше причинам избежать возможных нарушений прав граждан.

Итак, можно прийти к выводу о том, что слаженная и согласованная работа субъектов строительных отношений и контрольно-надзорных органов при эффективном и проработанном механизме их взаимодействия, подробная и четкая нормативная регламентация всех процедур в строительной сфере, развитие и динамика в первую очередь жилищного законодательства, эволюция законодательства об административных правонарушениях, позволит исключить, искоренить значительную часть нарушений, возникающих как со стороны уполномоченных органов и их должностных лиц, так и со стороны застройщиков, что, в свою очередь, поможет ликвидировать нарушения прав большого числа граждан и юридических лиц.

Литература

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 10.01.2021).
2. Бледный С. Н., Шиловская А. Л. Владение, пользование и распоряжение муниципальным недвижимым // Инновации в отраслях народного хозяйства как фактор решения социально-экономических проблем современности: сб. докладов и материалов 2-й Междунар. науч.-практ. конф. М.: Московский гуманитарный университет, 2012. С. 40–48.
3. Волкова М. А. Правовая природа договора на оказание риелторских услуг в сфере оборота недвижимости // Правовые вопросы недвижимости. 2015. № 2. С. 7–9.
4. Стародумова С. Ю. Проблемы теории и практики приобретения права собственности на земельные участки, расположенные под объектами жилищного строительства // Нотариус. 2009. № 3. С. 12–15.
5. Волкова М. А. Значение имущественного страхования для развития гражданского общества // Актуальные проблемы российского законодательства. 2016. № 15. С. 6–10.
6. Волкова М. А. Задаток как способ обеспечения исполнения предварительных договоров // Юрист. 2011. № 22. С. 3–6.
7. Волкова М. А. Имущественная ответственность исполнителей за нарушение договора на проведение оценки // Российская юстиция. 2015. № 6. С. 12–15.
8. Волкова М. А. К вопросу о соотношении терминов «оценочная деятельность» и «деятельность по проведению оценки» // Бизнес в законе. 2015. № 5. С. 51–53.
9. Шиловская А. Л. Правовой статус апартментов // Правовые вопросы недвижимости. 2015. № 2. С. 36–39.
10. Шиловская А. Л. Правовой статус апартментов // Градостроительное право. 2016. № 1. С. 13–16.

11. Шиловская А. Л. К вопросу об отнесении понятия «апартаменты» к жилым и нежилым помещениям // Актуальные проблемы российского законодательства. 2015. № 10. С. 128–139.
12. Стародумова С. Ю. К вопросу о признаках недвижимых вещей // Актуальные проблемы российского законодательства. 2014. № 8. С. 117–118.
13. Стародумова С. Ю. Понятие недвижимости в гражданском праве // Юридический мир. 2015. № 5. С. 42–45.
14. Стародумова С. Ю. Неэффективность применения норм о приобретательной давности как основания возникновения вещных прав // Нотариус. 2013. № 5. С. 25–30.
15. Строительное и жилищное право: учеб. пособие / под ред. Н. М. Коновалова, В. К. Писаренко, А. Л. Шиловской. М.: Московская государственная академия коммунального хозяйства и строительства, 2015. С. 56–58.

Контактные данные:

Кравченко Я. А.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
(812) 451-19-15; e-mail: flashproduction@mail.ru.

Contact Details:

Kravchenko Ya. A.: 44/A, Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190103,
Russia; (812) 451-19-15; e-mail: flashproduction@mail.ru.

Малюшев А. В., Синельникова В. Г.

Криптовалюта как новое явление: уголовно-правовой аспект

*Malyushev A. V., Sinelnikova V. G. Cryptocurrency as a New Phenomenon:
Criminal Law Aspect*

В статье охарактеризован такой финансовый инструмент, как криптовалюта. Авторами представлены ее отличительные черты, преимущества и риски использования. Анализ направлен на исследование указанного феномена как правового явления. Предпринята попытка определить правовую природу криптовалюты в соответствии с современными зарубежными и российскими нормативно-правовыми актами. Рассмотрен вопрос о том, может ли криптовалюта являться предметом преступлений. В заключение сделан вывод о многоаспектности исследуемого явления и необходимости детального законодательного регулирования.

Ключевые слова: криптовалюта, майнинг, преступление, хищение, легализация, взятничество.

The article discusses such new financial instrument as cryptocurrency. The authors present the characteristic features of cryptocurrency, advantages and risks of its use. The analysis is aimed at studying cryptocurrency as a legal phenomenon. The article attempts to determine the legal nature of cryptocurrency in accordance with modern foreign and Russian regulations. The authors consider the question of whether cryptocurrency can be the subject of crimes. The result of the analysis is the conclusion about the multidimensionality of the phenomenon and the need for detailed legislative regulation.

Keywords: cryptocurrency, mining, crime, theft, money laundering, bribery.

Деньги являются частью истории человечества на протяжении почти трех тысяч лет [1, р. 2]. За это время были предприняты различные попытки найти универсальное определение данного понятия, но по-прежнему ученые всего мира не пришли к единому мнению. Одним из самых популярных остается утверждение о том, что любой объект, который широко используется для обмена на товары и услуги и для погашения долгов, относится к деньгам [1, р. 2]. Такое широкое определение становится как никогда актуальным в XXI в., когда в качестве средств платежа начали использоваться криптовалюты.

Некоторые исследователи рассматривают деньги как своего рода платформу для социальных преобразований [2, р. 27], поскольку общество — это не только совокупность людей, но и группа интересов, опосредованная определенными материальными условиями [3]. Так, знаменитый французский историк Ф. Бродель подчеркивал, что «в конечном счете будет столько видов монет и монетных систем, сколько будет экономических ритмов, систем и ситуаций» [4, с. 467–468].

Действительно, платежная индустрия постоянно переживает изменения и стремительные преобразования, продиктованные развитием не только технологий,

Малюшев Александр Васильевич — юрист общества с ограниченной ответственностью «Келин».

Синельникова Виктория Геннадьевна — магистрант 2 курса обучения юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

© Малюшев А. В., Синельникова В. Г., 2021

но и общества в целом. Существенное усложнение хозяйственных операций и финансовых потоков, новая роль информации и цифровых технологий в рамках современной экономики, которую именуют «информационной» или «цифровой», привели к появлению очередного испытания для экономики и права — криптовалюты [5, с. 62].

Криптовалюта — это пиринговая платежная система, основанная на методах криптографического шифрования, в которой информация о транзакциях находится в открытом доступе [5, с. 64]. Первая подобная система «биткоин» возникла на основе открытых публикаций Сатоши Накамото (псевдоним разработчика или группы разработчиков), предложившего обоснование и алгоритм для ее функционирования.

Датский социолог и экономист Уле Бьерг в работе “How is Bitcoin Money?” характеризует биткоин как «товарные деньги без золотого эквивалента, фиатные деньги без государства и кредитные деньги без долга [6, р. 71]. Накамото также обосновывал актуальность биткоина такими его преимуществами по сравнению с альтернативными платежными системами [7, с. 84], как анонимность пользователя, открытый характер операций, отсутствие посреднической роли государства и официальных банковских институтов [8, р. 266].

В отличие от системы электронных платежей *PayPal*, построенной на основе существующей инфраструктуры, биткоин предлагает за счет децентрализации работы по проверке и аутентификации денежных операций устранить необходимость в каком-либо стороннем посреднике, в том числе государстве, которое всегда использовало деньги не только как платежный инструмент, но и как способ экономического внутригосударственного управления и макроэкономической политики [9, с. 523].

Как показывает статистика, данная характерная черта криптовалюты оказалась привлекательной для многих пользователей. Так, разные торговые компании, веб-сайты, создатели компьютерных игр, продавцы программного обеспечения принимают в качестве средства платежа биткойны [10, р. 38]. Представители ресурсов, предназначенных для операций с цифровыми деньгами, сообщают о стабильном росте активности российских пользователей [11].

В настоящее время Российская Федерация (РФ) относится к пятнадцати странам мира, где число так называемых *cryptoholders*, то есть владельцев криптовалют, наибольшее. Данный факт связан не только с высоким инвестиционным потенциалом многих российских компаний и физических лиц, но и со значительным уровнем инфляции, опасением девальвации национальной валюты и недоверием к государственной экономической политике [12].

При этом криптовалюту сложно назвать абсолютно надежным средством платежа ввиду нестабильности ее курса. Курс биткоина формируется благодаря активному спросу на него и неоднократно подвергался резкому падению, что обычно было связано с резонансными общественными событиями вокруг биткоина. Например, в 2013 г. подобное случилось после закрытия одной из торговых интернет-площадок ввиду проведения через данный ресурс ряда операций по продаже запрещенных веществ [5, с. 64].

Создание криптовалюты («майнинг») предполагает постоянное соревнование среди майнеров за то, кто первым отгадает «хэш» — код, подходящий ко всем новым транзакциям, валидирует блок — одну из составляющих цепочки данных, подтвердит транзакцию и получит биткойны [13, р. 6]. Благодаря высокому уровню развития информационных технологий такие сети могут объединять представителей любых государств мира [5, с. 65].

Фактически с момента возникновения криптовалюты представители общест­венности обоснованно задумались над вопросом о статусе этого явления и его регулировании. С точки зрения классической экономической теории к деньгам относится все то, что «является эквивалентом при товарном обмене, обладает способностью выступать в качестве средства обращения, платежа, накопления и меры стоимости» [14, с. 409], то есть вопрос о том, должна ли криптовалюта считаться деньгами, полностью зависит от ее способности выступать в указанном качестве [15].

В вопросах права в мировом сообществе нет единства мнений о статусе крип­товалюты. Одни государства придерживаются наиболее консервативного подхода, в соответствии с которым устанавливается полный запрет на использование криптовалюты в качестве платежного средства. Такой подход демонстрируют Бангладеш, Боливия, Вьетнам, Египет, Исландия, Киргизия и Эквадор [16]. Со­ответствующая политика обусловлена стремлением к стабильности национальной валюты, исключению рисков финансовых потерь для пользователей, противо­действию отмыванию денег и финансированию терроризма.

Некоторые государства предпочли запрету криптовалюты иной путь. Так, в 2016 г. кабинет министров Японии принял решение о признании биткоина разновидностью электронных денег и разрешении использования криптовалюты наряду с обычными деньгами [17]. В США в отдельных штатах, например, в шта­те Вашингтон, виртуальные валюты называются цифровыми и могут использо­ваться для покупки товаров и услуг, а также как средство обмена [16]. Мини­стерство финансов Германии еще в 2013 г. признало биткоин законным платеж­ным средством, эквивалентом традиционных денег [18].

Официальная позиция представителей российских органов власти по данному вопросу является более сдержанной. С одной стороны, представители государ­ственной власти признают необходимость учитывать современные технологии [5, с. 65]. С другой — государство выступает против использования криптовалюты в незаконных целях и подчеркивает, что, согласно законодательству РФ, госу­дарственной валютой является рубль. Действительно, исследователи высказыва­ют опасения, с учетом которых новые формы средств обращения, распростра­няющиеся не государством, а частными лицами, могут дестабилизировать и услож­нить правовое регулирование [9, р. 522].

Социальное движение вокруг криптовалюты, внося существенный вклад в развитие общества, способно повлечь за собой и ряд негативных последствий из-за способности преодолевать существующие государственные границы [10, р. 41], вступая тем самым во взаимодействие с таким массовым и исторически изменчивым социальным явлением, как преступность [19, с. 173]. Являясь сво­бодной от правового регулирования во многих странах, криптовалюта может использоваться для приобретения и продажи наркотических средств или порно­графических материалов [10, р. 39].

Возникает вопрос и о подлинности денежных средств, которая в случае с обычными банкнотами подтверждается использованием особенной бумаги, специ­альных изображений, микропечати, водяных знаков, защитных нитей и голограмм [20]. Кроме того, преступники зачастую стремятся легализовать денежные сред­ства, добытые преступным путем, с помощью операций с применением крипто­валюты. Быстро развивающиеся денежные инновации способны придать данным преступлениям международный характер, что затруднит борьбу отдельных госу­дарств с негативными последствиями развития технологий.

В контексте частного права активно ведутся споры о том, к какому из объ­ектов гражданских прав в соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Россий­

ской Федерации (далее — ГК РФ) может быть отнесена криптовалюта. Представляется, что она не является осязаемым, наличным объектом, не имеет материального выражения, существует виртуально [21]. Соответственно, едва ли криптовалюта может быть признана вещью.

Тот факт, что криптовалюта в некоторых случаях дает возможность приобрести реальные товары или оплатить услуги, не позволяет классифицировать ее в качестве безналичных денег [22]. К бездокументарным ценным бумагам криптовалюта также не может быть отнесена, поскольку, согласно п. 2 ст. 142 ГК РФ, ценной бумагой может быть признан лишь объект, который назван в таком качестве в законе или признан таковым в установленном законом порядке [23].

Не следует отождествлять криптовалюту и цифровые права. К ним, согласно ст. 141.1 ГК РФ, относятся обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [23]. Не подходят для определения правовой природы криптовалют такие категории в ст. 128 ГК РФ, как результат работ или оказание услуг, поскольку в отношениях, связанных с использованием криптовалюты, отсутствует обязательственная составляющая; результат интеллектуальной деятельности, поскольку криптовалюта создается в результате функционирования программных протоколов, а не творческой деятельности человека; нематериальное благо — по причине отсутствия тесной связи с личностью [24].

Нередко в юридической литературе отмечается, что криптовалюта может быть отнесена к широкой категории «иное имущество» [24; 25]. Популярной точкой зрения об отнесении криптовалюты к «иному имуществу» сделало постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017, в котором суд обязал должника передать финансовому управляющему доступ к криптокошельку, оценив криптовалюту как «иное имущество» [26]. Отметим, что в целом перечень объектов гражданских прав в ст. 128 ГК РФ открыт, поскольку новые явления должны признаваться правопорядком, а связанные с ними интересы — приобретать юридическую защиту.

В уголовном праве также возникает ряд проблемных вопросов. В числе потенциально совершаемых преступлений с криптовалютой — различные формы хищения. Как известно, согласно примечанию 1 к ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), под хищением понимаются «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» [27]. Обратим внимание на то, что предметом хищения является «имущество».

Закономерно возникает вопрос о пределах толкования данного термина в случае с криптовалютой. Если ранее доктрина уголовного права и правоприменительная практика единодушно исходили из того, что предметом хищения могла быть только вещь, включая деньги и ценные бумаги, то в настоящее время подходы к пониманию термина «имущество» существенно изменились [28]. Подтверждением этого, например, служит появление п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, предусматривающего, что предметом кражи могут являться электронные денежные средства, а также безналичные деньги.

Стремится соответствовать такому подходу и судебная практика, в том числе на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ). Так, в п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 30 ноября

2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» сказано, что «если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ и статьи 128 ГК РФ содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества» [29].

Не утихают споры о том, является ли криптовалюта предметом взятничества. В своих научных трудах одни исследователи пишут о диспозиции ст. 290 УК РФ, прямо предусматривающей, что предметом взятки может быть «иное имущество», соответственно, таковым может являться и криптовалюта, которую в последнее время все чаще в цивилистике относят к указанной категории в контексте ст. 128 ГК РФ [30]. Во многом данная позиция является дальновидной и ориентируется на реалии технологического прогресса.

Другие исследователи уверены в том, что, если в результате получения криптовалюты должностное лицо приобретает возможность перевести криптовалюту в денежный эквивалент, оплатить ею какие-либо услуги либо иным образом использовать, содеянное следует квалифицировать как получение взятки в виде незаконного оказания услуги имущественного характера [31, с. 48]. Ряд ученых приходят к выводу о способности криптовалюты выступать в качестве предмета взятничества, но полагают, что она принадлежит к категории имущественных прав [32].

Однако некоторые исследователи негативно воспринимают мнение об отнесении криптовалюты к предмету взятничества, поскольку она не может быть с уверенностью причислена ни к одному из объектов гражданских прав в ст. 128 ГК РФ [33]. Подчеркивается, что взятка имеет исключительно имущественную природу и подлежит денежной оценке в приговоре суда, которую невозможно осуществить в случае с криптовалютой [34].

О криптовалюте идет речь и в разъяснениях Пленума ВС РФ. В частности, в постановлении от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», где сказано, что предметом преступлений, предусмотренных статьями 174, 174.1 УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления [35].

Представляется, что подобное дополнение позиций ВС РФ является прогрессивным и заставляет надеяться на восполнение пробелов правового регулирования применительно к иным категориям преступлений. Безусловно, не следует забывать о необходимости более полного разъяснения основ криптовалютной деятельности не только на уровне постановлений Пленума ВС РФ, которые, как известно, имеют особое значение для толкования и уяснения положений УК РФ, но и на уровне федерального законодательства [36, с. 20].

Подводя итог, отметим, что биткоин и иные виды криптовалют выступают не только в качестве следствия социально-экономических изменений в жизни общества на фоне информационной эпохи, но и являются поводом для возникновения на современном этапе проблем, в том числе в сфере гражданского и уголовного права. На протяжении последних лет остается дискуссионным вопрос об отнесении криптовалюты к предмету преступлений. Представляется, что ответить на него с уверенностью позволит четкая законодательная регламентация криптовалютной деятельности.

Литература

1. *Summanen K.* Ideal Currency Concept. A New View on the Nature of Money // SSRN. 2018. P. 1–27. DOI: 10.2139/ssrn.3229074
2. *Nelms T. C., Maurer B., Swartz L., Mainwaring S.* Social Payments: Innovation, Trust, Bitcoin, and the Sharing Economy Future of Money Research Collaborative // Theory, Culture and Society. 2018. Vol. 35. No. 3. P. 13–33. DOI: 10.1177/0263276417746466
3. *Christopher M. Kelty.* Durham, N.C. Two Bits: The Cultural Significance of Free Software. Durham, NC: Duke University Press, 2008. 378 p.
4. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В. 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 624 с.
5. *Гроссман А. О., Петров А. В.* Криптовалюты как социальное явление // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 4. С. 62–66.
6. *Vjerg O.* How is Bitcoin Money? // Theory, Culture & Society. 2016. Vol. 33. No. 1. 2016. P. 53–72. DOI: 10.1177/0263276415619015
7. *Гроссман А. О.* Характеристика современного социологического дискурса относительно феномена криптовалюты // Глобальные социальные процессы: опыт социологического исследования: сб. ст. Социологической конф. молодых ученых / под ред. А. В. Петрова. СПб.: Центр науч.-инф. технологий «Астерион», 2019. С. 83–89.
8. *Maurer B., Nelms C., Swartz L.* When perhaps the real problem is money itself: The practical materiality of Bitcoin // Social Semiotics. 2013. Vol. 23. No. 2. P. 261–277. DOI: 10.1080/10350330.2013.777594
9. *Carruthers B. G., Arslan M.* Sovereignty, Law and Money: New Developments // Annual Review of Law and Social Science. 2019. Vol. 15. P. 521–538. DOI: 10.1146/annurev-lawsocsci-101518-042625
10. *Dodd N.* Social Life of Money. Princeton: Princeton University Press, 2016. 444 p.
11. *Теткин М.* Россияне стали активнее торговать биткоином на фоне второй волны COVID-19 [Электронный ресурс] // Rbc.ru. 2020. 6 октября. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5f7c66b79a79477c8c641652> (дата обращения: 15.02.2020).
12. *Крупенченкова К.* Россияшла в топ-15 стран по количеству владельцев криптовалют [Электронный ресурс] // Yandex.ru. 2020. 29 сентября. URL: <https://yandex.ru/turbo/beincrypto.ru/s/rossiya-voshla-v-top-15-stran-po-kolichestvu-vladelczev-kriptovalyut/> (дата обращения: 15.02.2020).
13. *Griffin E.* A First Look at Communication Theory. New York: McGraw Hill, 2012. 473 p.
14. *Веселов Ю. В., Кашин А. Л.* Экономическая социология. Теория и история. СПб.: Нестор-История, 2012. 760 с.
15. *Ali R., Barrdear J., Clews R., Southgate J.* The economics of digital currencies // Bank of England Quarterly Bulletin. 2014. Vol. 54. No. 3. P. 276–286.
16. *Кучеров И. И.* Криптовалюта как платежное средство // Финансовое право. 2018. № 7. С. 3–6.
17. Japan OKs recognizing virtual currencies as similar to real money [Электронный ресурс] // The japantimes. 2016. Mar 4. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/03/04/business/tech/japan-oks-recognizing-virtual-currencies-similar-real-money/> (дата обращения: 15.02.2020).
18. *Помазанов В. В., Грицаев С. И.* Криптовалюта: криминалистическое прогнозирование // Российский следователь. 2018. № 11. С. 19–23.
19. *Кузнецова Н. Ф.* Преступление и преступность. М.: Изд-во Московского университета, 1969. 232 с.
20. *Williams Marcela M., Anderson Richard G.* Handicapping Currency Design: Counterfeit Deterrence and Visual Accessibility in the United States and Abroad: FRB of St. Louis Working Paper No. 2007-011B // SSRN. 2007. P. 1–74. DOI: 10.2139/ssrn.968711
21. *Ефимова Л. Г.* Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 17–25.
22. *Долгиева М. М.* Конфискация криптовалюты // Законность. 2018. № 11. С. 45–49.
23. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

24. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153.
25. Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 1. С. 81–91. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.081-091
26. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1444056#012296882957247623> (дата обращения: 15.02.2020).
27. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63–ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
28. Хилута В. В. Пределы автономности уголовного права // Lex russica (Русский закон). 2019. № 4. С. 117–128. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.149.4.117-128
29. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.
30. Перов В. А. Квалификация действий лиц, совершающих преступления с использованием криптовалюты на территории Российской Федерации // Российский следователь. 2018. № 4. С. 54–57.
31. Шаранов Р. Д., Минин Р. В., Капаева Е. О. Криптовалюта: уголовно-правовой аспект // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2. С. 42–49.
32. Антонов Т. Г. Некоторые проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 290–291.2 УК РФ, по предмету преступления // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология, право: материалы межрегиональной науч.-практ. конф. Вып. 5 / под общ. ред. В. А. Уткина. Томск: Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, 2018. С. 46–49.
33. Ермолович Я. Н. О коррупционных и должностных преступлениях должностных лиц и сотрудников организаций ОПК // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2020. № 2. С. 62–72.
34. Захарчук С. Д. Юридическая наука и правоохранительная практика // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С. 153–163.
35. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (в ред. от 26 февраля 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.
36. Долгиева М. М. Квалификация деяний, совершаемых в сфере оборота криптовалюты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). С. 9–20.

Контактные данные:

Малюшев А. В.: 119049, Москва, Ленинский пр., д. 4а, стр. 23;
(495) 018-34-51; e-mail: malyushev@kelinlaw.ru.

Синельникова В. Г.: 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13;
(495) 939-29-03; e-mail: vika.sinel@yandex.ru.

Contact Details:

Malyushev A. V.: 4a-23, Leninskiy Ave., Moscow, 119049, Russia;
(495) 018-34-51; e-mail: malyushev@kelinlaw.ru.

Sinelnikova V. G.: 1-13, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia;
(495) 939-29-03; e-mail: vika.sinel@yandex.ru.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, рабочий телефон и адрес электронной почты; должность, ученая степень, ученое звание, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В списке номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежутки страниц приводятся через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author’s full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), office phone number and e-mail, position, degree, academic rank and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

- 2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author’s sheet (1 author’s sheet includes 40,000 typographical units with gaps).
- 2.2. The text should be MS Word format:
 - page size — A4;
 - borders — 2 cm;
 - type — Times New Roman;
 - size — 14;
 - line space — 1,5;
 - paragraph indentation — 1 cm;
 - text alignment — edgewise;
 - page numbering — at the right bottom of the page.
- 2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.
- 2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

- 3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].
- 3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

- 4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).
- 4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).
- 4.3. The size of illustrations shouldn’t be less than published in the article.
- 4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

**Журнал «Социология и право» включен
в перечень российских рецензируемых научных журналов,
рекомендованных Высшей аттестационной комиссией
при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации
для публикации основных научных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук**

**Подписка во всех отделениях связи.
Индекс в каталоге АО «Почта России» — ПП620**

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ
(812) 449-08-33, izdat-ime@yandex.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал
«Социология и право» обязательна

Сведения, касающиеся изданий и публикаций,
включены в международную справочную систему по периодическим
и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodical Directory"

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
доступный в сети Интернет по адресу <http://www.elibrary.ru> (научная электронная
библиотека). РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию,
извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы)

Руководитель издательско-полиграфического центра СПбУТУиЭ *Ярцева О. В.*
Выпускающий редактор *Салина В. В.*
Редактор-корректор *Чулкова Е. С.*
Компьютерная верстка *Шмелёв М. Ю.*

Учредитель издания:
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru
URL: <http://spbume.elpub.ru/jour>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67818 от 28 ноября 2016 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором).

Журнал издается с 2009 г.
Выходит раз в квартал.

Сдано в набор 01.03.2021.
Дата выхода в свет 31.03.2021.
Формат 60×90^{1/8}.
Уч.-изд. л. 8,65. Усл. печ. л. 15,57.
Тираж 100 экз. Заказ № 405.

Цена свободная

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики